

26.89
0-65

Оредеж

26.89
0-65

Краеведческий фонд

К 20 – летию пушкинских праздников
на гатчинской земле

Оредеж

Литературно-краеведческий альманах

Выпуск 3

ор. 2012

049956 АБ

Гатчинская
центральная районная
библиотека
Ленинградской области

Санкт-Петербург
Гатчина
2005

049956

Гатчинская
централизованная
библиотечная система

ISBN 5-93294-007-6

© Отдел культуры
администрации
МО «Гатчинский район», 2005

Содержание

<i>Александр Худилайнен</i> Двадцать лет с Пушкиным на гатчинской земле.....	5
Из Пушкинианы	7
<i>Михаил Лейкин.</i> России верная любовь.....	7
<i>Марина Смородина, Ольга Соколова.</i> История гатчинской земли в зеркале пушкинских хроник.....	18
<i>Валентина Якушева.</i> На 69-й версте	28
<i>Дмитрий Рябов:</i>	
У истоков Оредежа.....	30
Пушкин, Гатчинский район и русская эмиграция.....	44
История, Краеведение	49
<i>Александр Сёмочкин.</i> Храмы Верхнего Оредежа.....	49
<i>Эрик Лунев, Анатолий Шустов, Елена Суланга.</i>	
Отец Николай и ингерманландцы.....	61
<i>Рашид Ганцев.</i> Вырица	70
<i>Марина Смородина:</i>	
Из истории поселений Большеколпанской волости	77
Усадьба Сиворицы	82
<i>Лилия Сониная.</i> Приглашение к путешествию.....	87
Природы дивной край	92
<i>Александр Сёмочкин:</i>	
Сага о грибах.....	92
Ода болоту.....	101
Гимн реке.....	105
Знаменитые люди на гатчинской земле	116
<i>Марина Смородина:</i>	
«Вестник света».....	116
«Генералиссимус балета».....	126
Певец добра, надежды и любви	129
Литературные страницы	135
Уголок прозы	135
<i>Арнольд Колобановский.</i> Феномен Богданова (гироническая фантастика)	135
<i>Борис Гажёв.</i> Народный мыслитель	144
<i>Виктор Филиппов.</i> У меня мелькнула мысль: «Девушка тонет!»	146
Уголок поэзии	147
<i>Татьяна Баутина.</i> Игра.....	147
<i>Светлана Винокурова:</i>	
Предзимье.....	147
Метель	148
<i>Борис Гажёв:</i>	
Музыка.....	148

Ностальгия.....	149
<i>Анатолий Гессе:</i>	
«Я – Гамлет. Трубы прозвучали...».....	149
«Вот и вечер воскресный кончается...».....	149
«Здесь – место рождения Слова...».....	149
<i>Вячеслав Громовой. Выра</i>	151
<i>Сергей Дедов:</i>	
Памяти друга.....	151
«Средь березок белоствольных...».....	151
«В леса, в поля и в зелень на лугу...».....	151
↓ <i>Евгений Докучаев:</i>	
«Жить в любви...».....	153
Стихи ожидания.....	154
<i>Алла Кошмелюк:</i>	
«Прохудился неба старый зонтик...».....	155
На Яграх.....	156
«Поговорить с твоим молчаньем...».....	156
«Это гордое одиночество...».....	156
<i>Михаил Лейкин. Под Петербургом Осень бродит.</i>	157
<i>Лилия Муравьева:</i>	
О временах года.....	158
Осенний пейзаж.....	159
<i>Николай Терентьев. Родине.</i>	159
<i>Вера Толчина «Не встретится и мне не улыбнется...»</i>	160
<i>Александр Фаловский:</i>	
На Оредеж–реке.....	160
Строганово	160
Поклон	161
<i>Галина Хохлова:</i>	
Ферапонтово.....	162
Речка Оредеж.....	163
<i>Валерий Штормовой. Кортик</i>	164
Художники на берегах Оредежа	165
<i>Вера Толчина. Свет, исходящий от картины</i>	165
<i>Ирина Брусиловская. Вернисаж</i>	167
<i>Евгений Большаков. Наша Сиверская</i>	169
Наши современники	175
<i>Андрей Васильев. С фотокамерой по жизни</i>	175
<i>Галина Хохлова. Зачарованный голос влечет</i>	176
<i>Светлана Колобовникова. Анна Яковлевна</i>	179
<i>Андрей Голдобин. Мой первый храм</i>	181
<i>Андрей Васильев. Просветитель</i>	183
Сведения об авторах	186

Двадцать лет с Пушкиным на гатчинской земле

...Гатчинский район Ленинградской области. Есть ли еще более щедрая литературными традициями земля?..

Земля предков нашего великого поэта богата славной историей, богата легендами и преданиями, живущими в народе и сегодня. Живописна природа окрестностей. Крутые берега Оредежа из красных девонских песчаников, суйдинское лукоморье, широкий двор Вырской почтовой станции, уютная поляна возле избышки Арины Родионовны в деревне Кобрينو, дворянские усадьбы в Рождествене и Тайцах, тенистые аллеи Батовского парка в бывшем имении поэта-декабриста Кондратия Рылеева – все эти литературные места-памятники стали сценическими площадками областных пушкинских праздников, задуманных энтузиастами двадцать лет назад.

Пушкинские праздники... Эта идея объединила творческих людей самых разных профессий из Санкт-Петербурга и Гатчинского района. В 1986 году был создан организационный комитет и сформировалась творческая сценарно-постановочная группа во главе с М. И. Лейкиным, заслуженным работником культуры, режиссером, сценаристом и педагогом Ленинградского областного колледжа культуры и искусства. Режиссерские работы его коллег В. В. Иванова, В. Б. Доржиной, С. Х. Фридлянда, Н. К. Ершова, А. В. Климуца, А. И. Заридзе и О. И. Шаповалова отличаются яркими творческими находками, оригинальными, часто неожиданными формами сценических решений. Их умение гармонично вписать поэтические спектакли, сцены из опер, конкурсы и викторины, представления и народные гуляния в пригородные ландшафты и интерьеры старинных усадеб сделало наши праздники большим культурным событием в жизни района.

Залогом успеха пушкинских праздников стало участие в них студентов творческих вузов. Знакомство первокурсников с пушкинской темой начинается обычно с экскурсии по местам, связанным с именем поэта и его предков. Незабываемы также встречи с местными краеведами, хранителями старины, музейными работниками В.М.Якушевой, А.А.Сёмочкиным, А.В. Бурлаковым, Н.А. Ключиной. Молодые люди участвуют в праздновании дня рождения поэта, в дне открытия Царскосельского лицея, знакомят зрителей с гражданским подвигом декабристов, совершают пронзительно-печальный ритуал – поездку по последней пушкинской дороге в Святогорский монастырь в Псковскую область. На сцене они работают с такими известными мастерами искусства, как И. Дмитриев, И. Шварц, Н. Буров, А. Емельянов... Сооружая декорации, изготавливая костюмы и атрибуты праздника, постигая замысел режиссера и создавая сценические образы, ребята заставляют оживать своих героев. И тогда кажется, что современники Пушкина пришли к нам...

Театрализованное действо обычно начинается утром в Суйде – родовом имени Ганнибала, а затем продолжается в Выре, Рождестве-не, Кобрине, Батове. И так до глубокой белой июньской ночи, а завершается оно с первыми лучами солнца, на следующее утро превращенным тоже в особый поэтический ритуал – встречу нового дня: «Ты, солнце святое, гори!...»

Пушкинские праздники у нас прижились. Они помогли возрождению истории района и его культурных традиций.

Результатом многолетней кропотливой работы стало – открытие музея Ганнибала, возведение к 200-летию юбилею Пушкина храма Воскресения Христова в Суйде, реставрация могилы Ганнибала и домика Арины Родионовны. Литературное Пушкинское кольцо в Гатчинском районе стал теперь любимый маршрут наших многочисленных гостей.

Сегодня пушкинские праздники – неотъемлемая часть культуры не только района, но и всей Ленинградской области.

*Александр Худилайнен,
глава муниципального образования «Гатчинский район»*

Из Пушкинианы

Михаил Лейкин

России верная любовь

История культуры неоднократно демонстрировала нам, что истинный массовый праздник не может быть проведен тогда, когда этого хотят лишь тот или иной организатор, то или иное учреждение. Он возможен лишь в том случае, когда в обществе существует потребность именно в этом, а не в другом праздничном действии, когда у людей есть стремление и готовность к нему. У одного эта готовность носит активный характер, про него можно сказать: «Духовной жаждою томим». Такой человек не может и не хочет жить по-старому, вся его психофизическая сущность действует по направлению к новой поставленной цели, личность требует перемен! У другого эти желания менее осознаны, выражены скорее интуитивно. И все-таки у этих людей общий вектор устремлений. В режиссуре массового праздника подобное состояние людей называют *праздничной ситуацией*.

Организатором пушкинских праздников на гатчинской земле в этом смысле исключительно повезло. Напомню, что начало, исток нашей творческой работы относится к 1986 году. А это была пора потрясающих, глобальных перемен в обществе. При чем здесь Пушкин? Внешне он далек от всего того, чем жили тогда наши люди: гласность, открытость общества, прощание с тоталитаризмом... Но это только внешне! В сути своей мы все шли за ним и к нему, искренне желая, чтобы идея «Да здравствует солнце, да скроется тьма» восторжествовала при нашей жизни!

В самом конце XIX века молодой Иван Бунин написал в день рождения Александра Сергеевича такие строки:

Поэт нам дорог тем, что он
О счастье нам напоминает
И сумрак жизни озаряет,
Как солнце хмурый небосклон.
Дни славы Пушкина – желанный
И светлый праздник. Сколько раз
Его мечты во мгле туманной,
Как солнце, радовали нас!
И этот миг, когда венчает
Его вся Русь, – еще тесней
С его душою нас сближает...
И в жизнь, и в счастье, и в людей
Нам веру гордую вселяет.

Когда я впервые прочел эти строки, они меня «зацепили». Поправились – ведь это про нас, и одновременно стихи смутили какой-то «потребительской» позицией. Из всего огромнейшего мира пушкинского наследия автор выделил то, что именно ему сейчас дорого, –

лично ему величайший поэт напомнил о возможности счастья! Но, поразмыслив, я понял – Бунин очень откровенно выразил то, что привлекает в Пушкине миллионы людей. Именно это – постоянная, непрекращающаяся борьба за право на счастье. На счастье в любых его проявлениях: в любви, поэзии, дружбе, – и даже на право счастья в служении Отечеству. Не конкретному лицу, даже не государю, а Отечеству в глобальном смысле. Может быть, в этом причина, что нас неотвратимо привлекают к себе и мир пушкинского творчества, и очень непростая жизнь поэта. Ведь она – эта жизнь – была настоящей трагедией. Да, трагедией, написанной по всем высоким законам театра, театра жизни конечно. Гениальный человек, носитель благородных идеалов был обречен с самого начала действия на поражение, на гибель в конфликте с тоталитарной государственной машиной подавления личности. Постоянная борьба за право жить по законам совести и чести, испытания ссылками, угрозами расправы, жандармской и даже государевой цензурой...

Удивительно современными стали для нас в 1986 году (и остались поныне) такие, например, программные строки Пушкина:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать нам друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам
И пред созданиями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! Вот права...

Организаторы праздника должны учесть в своем замысле многие компоненты, но сейчас я хочу обратить внимание на целеустремления людей. Именно от них, зачастую глубоко спрятанных, иногда еще неточно высказанных, зависит судьба праздника. Очень важно, чтобы произошло слияние искреннего замысла режиссера с естественным порывом масс.

Изучая глубокие корни праздничной культуры, особенно уходящей в эпоху «детства» человечества, мы имеем возможность наблюдать, что праздники являются уникальными носителями культуры на-

рода, своеобразными «аккумуляторами», сохраняющими художественные ценности, традиции. Именно они в определенные периоды способны щедро отдать людям свое сохраненное богатство. С таким феноменом и пришлось столкнуться всем нам, причастным к становлению пушкинской программы на земле предков поэта.

Говоря объективно, места, в которых планировалось развернуть художественное действо, удручали. Революция, разграбление и уничтожение дворянских усадеб, страшная война, государственная атеистическая политика – все это привело к уничтожению уникальных памятников российской истории и культуры. Ведь десятилетиями насаждалось в народе убеждение, что религия – опиум для народа, поэтому в помещениях бывших храмов «разумно» размещать склады; нам объясняли, что дворянская культура – продукт паразитировавшего на шее трудового народа класса, ее следует «разрушить до основания, а затем...». Что было «затем», нам хорошо известно.

Маленький, но яркий пример – могила прадеда А. С. Пушкина А. П. Ганнибала была перепахана тракторами под картофельное поле! И сделали это, разумеется, не оккупанты, а наши обычные современники, к сожалению потерявшие уважение к предку гениального поэта – этому великому человеку, сподвижнику Петра I, генерал-аншефу российской армии, ее главному военному инженеру. В той же Суйде, где когда-то венчались родители Александра Сергеевича, в наше время храма не было вообще, от бывшего дома Ганнибала остался флигель, а когда-то уникальный парк был практически уничтожен. Та ли это Суйда, о которой дядя великого поэта Василий Пушкин писал:

Души чувствительной отрада, утешенье,
прелестна тишина, покой, уединенье.
Желаний всех моих единственный предмет!..
Там запах ландышей весь воздух наполнял,
Там пели соловьи, там ручеек журчал...

Да разве только Суйда пострадала? Разорение коснулось всего. И Кобрина, и Выры, и Рождествена. А каких мест оно не коснулось?! Как не вспомнить слова А. С. Пушкина: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости...»

Я напоминаю об этом больном для всех нас этапе жизни общества, чтобы определить реальную точку отсчета. В обществе действительно назрело понимание того, что так дальше жить нельзя. Понадобились «палочки-выручалочки», ухватившись за которые можно было вернуться к цивилизации. И Пушкин в этом плане нас спасал и продолжает спасать сегодня. Именно так – наш гениальный предок предоставил своим потомкам шанс возрождения!

Почему именно Пушкин оказался столь желанным и современным в конце XX и начале XXI века? На этот вопрос ответил наш учитель и непререкаемый авторитет Д. С. Лихачев. Прочитав его слова, прозвучавшие на открытии одного из праздников:

«Почему именно Пушкин стал знаменем русской культуры, как Шевченко – украинской, Шекспир – английской, Данте – итальянской, Сервантес – испанской? И если бы пришлось определять день праздника русской культуры, то лучшего дня, чем день рождения Пушкина, и искать бы не пришлось!

В истории русской культуры можно было бы назвать десятки имен художников не менее гениальных, но среди них нет имени более значительного для нашей культуры, чем имя Пушкина. Хотя понять русский характер нельзя без Пушкина, но этот характер нельзя понять и без Льва Толстого, без Достоевского, без Тургенева, а в конце концов, и без Лескова, без Есенина, без Горького...

Так почему же все-таки первым из первых возвышается в нашей культуре Пушкин? Пушкин – это гений, сумевший создать идеал нации. Не просто «отобразить» национальные особенности русского характера, а создать идеал русской национальности, идеал культуры.

Пушкин – это гений возвышения, гений, который во всем искал и создавал в своей поэзии наивысшие проявления: в любви, в дружбе, в печали и в радости, в военной доблести. Во всем он создал то творческое напряжение, на которое только способна жизнь. Он высоко поднял идеал чести и независимости поэта».

Перечитывая заново Д. С. Лихачева, в очередной раз убеждаюсь в точности его оценок. Сегодня маятник нашего общественного бытия резко качнуло совсем в другую сторону. Меркантильность, поиски выгоды, карьера, страстная погоня за обогащением – вот векторы устремлений множества современников. И это не беда, беда в том, что, принося в жертву идеалы юности, друзья душевные заменяются партнерами, отношения между мужчиной и женщиной плавно дошли до заключения брачного контракта между влюбленными... И мы осознаем, что нас слишком занесло в малознакомый мир капиталистических отношений, что пора переосмыслить свое бытие во благо и себя, и своих детей.

К кому обратиться за советом? К Пушкину!

Именно он создал идеал возвышенной лицейской дружбы. И этот идеал тем ярче, чем далее отходили лицеисты от даты выпуска, чем больше расходились их пути-дороги. Пушкин гордился и Пушкиным, томившимся на каторге, и Горчаковым – будущим канцлером, министром иностранных дел.

И не надо искать в дневниках и переписке поэта низкое в его отношении к женщинам, которых он любил. Это не должно нас интересовать. Пушкин создал на века возвышенный идеал отношения к женщине – «Я помню чудное мгновенье...».

Он создал идеальный романтический образ служения Отчизне – «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы...».

И в минуту печали найдешь у него возвышенный идеал печали. Перечти «Печаль моя светла...» и утешься.

И даже смерть трансформируется у поэта в образ, навевающий покойно-мудрое отношение к ней, – «Брожу ли я вдоль улиц шумных...».

А уж если хочешь разобраться в политических приливах и отливах, волнующих Россию, бери в руки «Бориса Годунова». Там наивысший конфликт – и мировоззренческий, и нравственный.

Двадцать лет назад, задумывая праздники на гатчинской земле, мы четко определили художественные направления, вернее, их нам подсказала сама история этих мест.

Суйда – родовое гнездо А. П. Ганнибала, здесь он обрел свое счастье и завещал венчаться потомкам. Вот выдержка из завещания Абрама Петровича: «...Дабы означенные недвижимые имущества никогда не выходили из рода Ганнибалов... И чтоб всё оное так было ненарушимо... по сему моему завещанию, в том подтверждаю и подписуюсь моею рукою...» Здесь жил его прославленный сын Иван – генерал, герой Чесменской битвы, покоритель Наварина и основатель Херсона, к генералу наезжал в гости А. В. Суворов. Здесь обвенчаны Надежда Осиповна и Сергей Львович Пушкины, здесь родилась у них Ольга, сестра поэта. Да и сам А. С. Пушкин явился на свет Божий в Москве всего через несколько месяцев после переезда родителей из Суйды в Москву! Несложная арифметика подсказывает, что зачат русский гений был на благословенной суйдинской земле!

Суйда стала естественным местом документальных спектаклей и композиций, местом встреч с самыми высокими гостями, исследователями, потомками Пушкина и Ганнибала. Здесь уместны все действия, воскрешающие славу российского воинства и героизм служения России. И в Суйде происходило многое. Уже на первом празднике побывал правнук А. С. Пушкина, Г. Г. Пушкин, ежегодно здесь исполняются документальные композиции, ландшафтные спектакли...

Разве забудутся постановки на пруду «Руслана и Людмилы», «Царя Салтана», «Лукоморья» и многие другие?! Здесь состоялась научно-практическая конференция, снимались фильмы...

Совсем другой стиль праздников в Кобрине. Это и есть наше настоящее российское Лукоморье.

Избушка там на курьих ножках
стоит без окон, без дверей;
там лес и дол видений полны...

Село, в котором жила Арина Родионовна, няня поэта, – реальное место тех народных праздников, ритуалов и обрядов, которые воспитали эту истинно русскую женщину. Именно ей мы обязаны появлением дивных пушкинских сказок, былин, песен. Через нее, через фольклор кобринских мест произошло соединение творчества Пушкина и устного народного творчества. Из письма Пушкина брату: «Вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого сво-

его воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» В Кобрине самое место проводить фольклорные праздники, фестивали театров сказки, возрождать народные этнографические действия. Вспоминаются возрожденные народные торжества «Семик», «Русалия», ритуал «Крещение кукушек». Несколько лет проходил в области конкурс «Арина, Аринушка, Арина Родионовна», который выявил самых талантливых сказочниц, рукодельниц, певуний. Они часто теперь встречают гостей в домике няни. Особенно приятно, что в номинации «Аринушка» победила девочка из Кобрина Нэлли Мухортова.

Выра – бывшая почтовая станция. Не менее 13 раз бывал здесь поэт (на самом деле гораздо больше, но мы обязаны опираться только на задокументированные свидетельства). Пушкин очень много путешествовал и жаловался сам на себя:

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, зная, дороге
Умереть Господь сулил...

Повесть «Станционный смотритель» и ее главный герой с необычной фамилией Вырин не оставляют сомнений в особом внимании поэта к этой станции, в том, что здесь произошли с ним какие-то очень важные события. Было решено, что в Выре могут проходить любые фантастические встречи, к вымышленному герою, естественно, могут приехать и любые другие вымышленные персонажи. И приезжали, кто на почтовых, кто с цыганским табором. Побывали здесь государи Борис и Петр и арап знаменитый, все вместе с прочими персонажами спектаклей. А в образе Самсона Вырина встречали гостей известные артисты Н. Иванов, Г. Штиль, С. Сытник и другие их талантливые коллеги.

В Батове жил Кондратий Рылеев. Непростые отношения были между ним и Пушкиным. И личные, и литературные, и издательские. Но главная тема – преобразование России. Среди друзей Пушкина много декабристов. Рылеев – личность трагическая. Один из руководителей Северного общества. Герой без страха и упрека. Максималист. Взгляды Пушкина более аналитичны. В 1825 году Пушкин писал Рылееву: «...ты поэт, и я поэт, но я сужу более прозаически и чуть ли от этого не прав». Сказано как будто о сегодняшней поэзии и наших проблемах. Здесь, в Батове, организаторы праздников показали поэтические спектакли философского плана, провели поэтические конкурсы. Вспоминаются и ландшафтный спектакль-опера «Сказка о мертвой царевне» на реке Оредеж, и «Гусарская баллада» в парке.

Волшебное Рождество известно миру из книг В. Набокова – одного из самых верных и тонких продолжателей пушкинской темы. Набоков личной судьбой связал дворянскую Россию с Америкой и Европой, он передал нам опыт продления жизни пушкинских произведений. Набоков дописал пушкинскую «Русалку», а мы к 200-летию со

дня рождения поэта в ночь с 6 на 7 июня 1999 года поставили это произведение в форме ландшафтного спектакля.

Тысячи посетителей стали зрителями и участниками уникального действия: в Оредеже плескались русалки, проплывал на лодке князь с дочкой... И ключевые слова пьесы «...невольню к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила» имели отношение к Пушкину, которого всегда влекла земля предков, к Набокову, в далекой эмиграции тосковавшему об «иных берегах», и, конечно, ко всем нам, накрепко связанным с творчеством Пушкина. Здесь выступали с тематическими программами эстрадно-симфонический оркестр и роговая капелла, игрались «Граф Нулин» и «Евгений Онегин».

В разные годы местом действий становились и Тайцы. В этом году планируется праздник в Никольском.

В 1986 году определены и особенности наших праздников, которым мы следуем неукоснительно.

Во-первых, сверхзадача, во имя чего создается действие. Важно, чтобы она была педагогической и действенной. О педагогической мы уже говорили, идеи духовного возрождения этих мест и нашего собственного совершенствования совпадали. Но мы хотели, чтобы после праздников на земле оставались реальные следы преобразований. Я помню, как многие люди убеждали нас, что в этих местах проводить праздники нельзя, приглашать гостей в развалины неприлично. Мол, придет время, найдутся средства, проведут реставрацию, благоустроят – тогда и разворачивайте праздники! Так полагается по всем методикам. Мы были убеждены в обратном. Надо воспользоваться моментом пробуждения общества и при помощи праздников направить энергию и возможности самых разных людей и организаций на возрождение края.

Людей, увлеченных этой идеей, становилось все больше. Сейчас, придиричиво осматривая двадцатилетний пройденный путь, с особой благодарностью вспоминаю тех, кто был у истоков. Прежде всего, это Л. П. Шахнова – тогдашний директор Областного научно-методического центра и Н. М. Мишина – заместитель председателя исполкома Гатчинского района. Именно они, каждая на своем месте (Шахнова – в Ленинграде, а Мишина – в Гатчинском районе), привели в движение большую организационную машину, подчинив ее выполнению художественных задач.

Нина Матвеевна Мишина собирала у себя в кабинете глав волостей, представителей промышленности, сельского хозяйства, образования и объясняла, уговаривала, раз за разом внедряла в сознание, что именно эти праздники со временем помогут району, станут его уникальной визитной карточкой. А убеждать Нина Матвеевна умела. В прошлом учитель, она педагогической логикой воздействовала на солидных людей!

Людмила Парфеновна Шахнова добилаь того, что пушкинские праздники на гатчинской земле стали делом всех творческих коллективов Ленинградской области. За высокую честь считали руководители лучших художественных коллективов приглашение к выступлению на этих праздниках. Творческий, профессиональный коллектив методистов Дома творчества решал любые организационные задачи, предоставляя постановочной группе возможность смело творить, требуя при этом от нее, несомненно, высокого уровня замысла и его воплощения. Затем Л. П. Шахнова работала первым заместителем председателя Комитета по культуре области и всегда с душой и пониманием относилась к проблемам сохранения и развития областной пушкинской программы.

На первом же празднике пересеклись судьбы режиссеров и таких патриотов своего края, как А. А. Сёмочкин, В. М. Якушева, А. В. Бурлаков. Каждый из этих незаурядных людей по-своему, но с общим одержимым упорством работал над проблемой возрождения гатчинского края. Особенно впечатлял тогда, да и сегодня А. А. Сёмочкин – философ, литератор, архитектор, которого почти всегда я встречаю с плотницким топором в руках, в рабочей одежде. Он постоянно при деле – строит. И так каждый из наших гатчинских друзей!

С первых же дней работы возникла не дружба, а нечто намного большее – единое восприятие творческих задач и любовь «на всю оставшуюся жизнь» с работниками культуры района. Отдел культуры, возглавляемый Л. И. Румянцевой, и постановочная группа понимают друг друга без переводчиков! С течением времени количество наших друзей в районе неуклонно возрастало. И это привело к положительным результатам.

Например, на четвертом празднике была заложена в Суйде церковь в память о венчании родителей Пушкина, строительство ее стало воистину всенародным. В 1999 году торжества в честь 200-летия поэта начались со службы в новом храме!

В Суйде создан государственный музей, приведена в должное состояние могила А. П. Ганнибала. Отреставрирован музей «Домик няни поэта Арины Родионовны» в Кобрине. Реставрируется и живет самостоятельной творческой жизнью музей «Усадьба Рождествено». Удалось получить землю, примыкающую к музею в Выре. Мы назвали ее Поляной Муз, и она еще ждет своего часа. Нам видится, что именно здесь может быть построен летний театр. А пока на поляне высажены многими нашими достойными людьми деревья в память об их участии в праздниках. Есть здесь деревья Аникушина, Дмитриева и других наших друзей.

Не будем преувеличивать значение наших праздников, но и не будем преуменьшать его. Общее мнение – именно праздники обратили внимание людей и государственных организаций на необходимость быстрых реальных дел. Даже дороги в этом районе лучше, чем у сосе-

дей. А мы-то помним, что сделаны они были к 200-летию со дня рождения поэта. Так что и за дороги гатчинцы могут помянуть Пушкина и его предков добрым словом.

Итак, во-первых, как я уже говорил, – это действенная сверхзадача. Во-вторых, праздники должны иметь активный характер. При всем уважении к торжествам, которые проводятся в Михайловском, нужно отметить, что они пассивны. Длинная череда поэтов читает свои стихи. Люди слушают. Происходит своеобразный длинный монолог секции поэтов Союза писателей. И с каждым годом популярность праздников падает. Спасают притягательность, традиция, всенародная любовь к поэту и удивительная красота этих мест.

Организаторы пушкинских действий на гатчинской земле верны другому принципу: каждый посетитель сначала становится зрителем, а затем имеет возможность стать участником художественных представлений. Для этого надо придумывать особенные спектакли, фестивали, конкурсы, изощряться в фантазии, выборе форм, но без творческого включения зрителей в праздничное действие демократический праздник невозможен. На первом же празднике нас поддержал в этом известный пушкинист профессор С. А. Фомичев, тогда ученый секретарь Пушкинской комиссии Академии наук России. И мы уверены в современности такого подхода к постановке праздников.

В-третьих – никогда не повторяться. Каждый год – новая тема, особенный образный строй. Откуда черпать идеи? Из Пушкина и меняющейся жизни – они безграничны. Знаменитый вопрос режиссера к себе «Чем будем удивлять?» обязателен. Жители должны ждать каждого праздника как подарка. Из-за камерности мест мы не можем широко афишировать праздничные действия в Петербурге, и все-таки в дни торжеств всюду аншлаги!

Работать на подобном уровне дано далеко не каждому режиссеру. За двадцать лет пробовали себя многие. Из тех, кто начинал двадцать лет назад, остались в коллективе, кроме автора этих строк, В. Б. Доржина и С. Х. Фридлянд. Более десяти лет работают Е. В. Алексеева, А. В. Андреев, Е. В. Боева, А. В. Климуц, И. А. Лаур, Е. В. Сапожинская. Последние годы рядом с нами появилась талантливая молодежь – из наших учеников. Молодой композитор О. Бражникова – коренной житель Гатчинского района, а режиссер Д. Мкртчян, влюбившись в эту тему, переехал сюда на постоянное жительство!

С печалью и гордостью вспоминаем мы режиссеров, уже ушедших из жизни и много сделавших для становления пушкинской программы, – это Н. К. Ершов и О. И. Шаповалов.

В-четвертых – научный подход. Все, что задумывается, подлежит тщательной проверке, ведь так много появляется сейчас в прессе сенсационного ради сенсации... Художественная идея проходит своеобразную редактуру, тщательно изучается. В постановочных группах заняты крупнейшие ученые Института русской литературы (Пушкин-

ский Дом) и Всероссийского музея А. С. Пушкина. В рамках выполнения нашей долговременной программы проводятся научно-практические конференции, издается учебная и методическая литература. Постоянно мы обращаемся к опыту и научному потенциалу таких маститых исследователей жизни Пушкина и Ганнибала, как Н. К. Телетова и В. П. Старк. Их книги, выступления, общение с организаторами и гостями действий незаменимы. Всегда оказывает реальную поддержку и С. М. Некрасов – директор Пушкинского музея.

В-пятых – тесная связь с творческими областными организациями. Естественно, прежде всего, наше дело поддерживает Комитет по культуре. Председатель комитета В. Б. Богуш, его заместитель З. В. Желдина понимают особое значение пушкинской программы и поддерживают ее. Возьму на себя смелость предположить, что они чувствуют себя лично причастными к этой теме.

Но самый большой вклад в общее дело за прошедшие 20 лет сделали две областные организации, увлеченные благородной идеей воспитания творческой молодежи. Это Ленинградский областной колледж культуры и искусства и Ленинградский областной учебно-методический центр культуры и искусства. Директор центра А. Г. Рыжов и директор колледжа Н. А. Вартанян выросли как руководители в процессе становления наших праздников, они сами были не сторонними наблюдателями, а организаторами, участниками, даже исполнителями. Поэтому художественные идеи встречают здесь понимание и поддержку.

В-шестых – постоянные контакты с лучшими художественными силами Петербурга. Как не вспомнить гениального скульптора М. К. Аникушина, творца романтических пушкинских памятников? При жизни Михаил Константинович был не только постоянным участником наших праздников – он заражал нас оптимизмом в пору дефолта, полного безденежья (были у нас и такие очень грустные моменты в истории). Незабываемы встречи с поэтом В. Б. Азаровым, старейшим петербургским актером И. Дмитриевым.

Особое слово хочется сказать о великом нашем современнике композиторе И. И. Шварце. Мастер духовно и физически живет в этих краях. Он не участвует ни в каких светских тусовках и плодотворно создает гениальную музыку, в том числе и к пушкинским произведениям!

Постоянно участвуют в праздниках артисты Александринского театра им. А. С. Пушкина Н. Буров, С. Сытник, А. Белошев, наши ведущие композиторы, чтецы, музыканты. Не представить сегодня ни одной нашей премьеры без прекрасных чтецов А. Емельянова, Л. Мозгового, маститого певца и режиссера В. Кривоноса и совсем юных В. Горбаковой и А. Букаса. Наши праздники по-своему уникальны для реализации творческих поисков. Я не называю званий и регалий наших

добрых друзей – право, рядом с Пушкиным все награды кажутся наивными.

И главное, это процесс максимального расширения круга наших добровольных друзей. Гатчинский край счастливый. Людям выпал уникальный шанс жить в особом, историей отмеченном месте. Важно найти свое предназначение. Сколько доброго привнесли в праздники главы волостей С. Букашкин, М. Мадатова, В. Баев! С приходом к руководству районом А. П. Худилайна и его заместителя В. Н. Кимкова, искренне стремящихся к обновлению и развитию района, мы постоянно встречаем понимание и поддержку.

Появились в Гатчинском районе свои художественные коллективы, признанные на любом уровне: это танцевальные ансамбли «Росинка» (рук. С. Волкова) и «Сюрприз» (рук. Н. Павлова), театр «Мозаика» (рук. О. Новикова), хор «Апрель» (рук. В. Огороднов), фольклорные ансамбли и хоры из Пудости, Кобрин, Вырицы, Батова и другие коллективы, без которых не представить сегодня наше общее творчество.

Существует мнение, что 20 лет для театра возраст критический. Все постепенно стареет. Наш праздник дряхлеть не должен. Добиться этого трудно, но возможно. Надо отказаться от стереотипов, энергично привлекать молодых и талантливых людей, всегда помнить, что пушкинские праздники не «развлекаловка» и не место для массовой культуры, это явление художественное, социально-необходимое для всех нас.

Пушкина и «догоняли», и грозились «сбросить... с парохода современности», «проходили» в школе. Выяснилось с годами, что обращение к пушкинским традициям целительно и вместе с тем ответственно и трудно. В присутствии Пушкина всегда чувствуешь себя необычно. Мое отношение к Пушкину со временем изменилось. Теперь, прежде чем снять с полки его том, я должен подумать, подготовиться, как готовит себя турист перед въездом в другую страну – вспоминает особенности ее быта, подучивает язык, в общем – настроить себя как музыкальный инструмент, которому предстоит звучать в новом для себя оркестре.

Наше время, к сожалению, расхристанное, испорчено массовой культурой, излишней раскрепощенностью. Мы обязаны признать, что бездуховность сегодня приобрела новые оттенки, связав себя с современным циничным прагматизмом. Почему? Слишком много обрушивается на людей ежедневно негативного: войны за рубежом и в своей стране, терроризм, экологические катастрофы, подготовленные технологической цивилизацией. Мы испытали разочарование и в некоторых кумирах, узнав об отвратительной, исходящей от них лжи.

Становится все более понятным, что мир эстрадно-пошлого господства является тупиком, что как воздух необходимо честное искусство.

Только оно – честное искусство – может противостоять безграмотному пренебрежительному отношению к природе, к самой Жизни. Обращение к миру Пушкина – это путешествие в своеобразную страну, где живут свобода и дружба, любовь и гордость. В его мире гордятся разумом, проявляют милосердие к слабым, внимание к душевным проблемам людей «маленьких», не власть имущих.

Когда-то мы поняли, что прошел период самовосхваления. Фанфары придуманных побед и барабанный бой зазвучали похоронным маршем по времени фальшивого оптимизма. Сегодня мы отчетливо понимаем, насколько губительны социальный хаос и девальвация человеческих ценностей. Дефолта в этой сфере не пережить!

За двадцать прошедших лет мы имели возможность убедиться в том, какое это счастье иметь Пушкина. Будем относиться к Александру Сергеевичу как к современнику, которого так не хватает сегодня всем нам.

Марина Смородина, Ольга Соколова

История гатчинской земли в зеркале пушкинских хроник

«Мы ведем свой род...»

Они и в войске, и в совете,
На воеводстве, и в ответе
Служили князям и царям.

А. С. Пушкин

В Гатчинской центральной районной библиотеке развернута литературно-краеведческая экспозиция, посвященная А. С. Пушкину, о которой очерк-путеводитель и рассказывает.

Следуя семейным преданиям, А. С. Пушкин писал в «Начале биографии»: «Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, говорит летописец, то есть знатного, благородного)».

Потомки Радши служили Александру Невскому. Они отличались достоинством, независимостью и благочестием.

Пушкин гордился тем, что его предки были строителями русского государства, что он происходил от исторического боярского рода, одного из самых старинных русских родов, от предков, «коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей...».

Пушкин в 20-м колене является потомком Радши, а по материнской линии (через Ржевских) в 21-м колене был потомком Александра Невского и в 33-м – Рюрика.

Свою фамилию он получил от далекого пращура (14–15-е колена) Григория Александровича Морхинина, по прозвищу Пушка.

На земле предков

Бояр старинных я потомок...

А. С. Пушкин

Мызу Тайцы в начале XVIII века Петр I подарил Ивану Михайловичу Головину (1672?–1738), прадеду А. С. Пушкина.

Головины вели свой род от греческого князя Степана Васильевича Ховры. Он владел несколькими городами в Крыму, а «в 1391 году выехал из Крыма в Москву». И. М. Головин, прозванный Басом, начал службу комнатным стольником Петра I и был им очень любим. По словам М. Вегнера, «...Иван Михайлович был в числе главных сподвижников Петра I». Он участвовал в двух Азовских походах, учился кораблестроению в Голландии и Италии.

Женился Головин на Марии Богдановне Глебовой. У них было три сына и три дочери. Через дочерей породнился с Трубецкими, Кантемирами и Пушкиными. Дочь Евдокия Ивановна вышла замуж за Александра Петровича Пушкина (1686–1725). Их свадьбу почтила своим присутствием императорская чета. Но счастья в семейной жизни не было.

Александр Петрович, богатый помещик, служил в Преображенском полку. По семейному преданию, он в припадке безумия зарезал свою жену, находившуюся в родах. А. П. Пушкина судили, и умер он в тюрьме. Сын и дочь Мария воспитывались дедом Иваном Михайловичем.

Потомки И. М. Головина продали Большие Тайцы А. Г. Демидову, а Малые в 1767 году купил А. П. Ганнибал, по завещанию которого они отошли младшему сыну Исааку Абрамовичу (1747–1804), флота артиллерии капитану 3-го ранга. От брака с Анной Андреевной Чихачевой он имел 15 детей.

В 1787 году Исаак Абрамович продал таицкие земли Елизавете Тихоновне Аничковой и уехал в свои исковые владения. Исаак Абрамович, по собственному признанию, отличался «простодушием», из-за которого впадал в долги, доводившие его и семью до тяжелейшего положения.

Умер Исаак Абрамович в 1804 году.

Суйда – усадьба Ганнибалов

Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденные леты
О дальней Африке своей...

А. С. Пушкин

Абрам Петрович Ганнибал (1696–1781), арап Петра Великого, обласканный императором, своим крестным, а затем его дочерью Елизаветой Петровной, последние годы нелегкой жизни провел на мызе Суйда, которую он приобрел у потомков П. М. Апраксина в 1758–1759

годах. В результате двух покупок он расширил свои владения, присоединив мызы Елицы и Малые Тайцы с деревнями.

Забываясь о многочисленном семействе (четыре сына и три дочери), в своем завещании он закрепил за сыновьями земли: Ивану – Суйду с деревнями; Петру – Елицы с деревнями; Осипу – Кобрино и Руново; Исааку – Малые Тайцы с деревнями.

А. П. Ганнибал, инженер-фортификатор, дослужившись до генерал-аншефа, в 1762 году ушел в отставку и поселился на мызе Суйда. Здесь он плодотворно занимался перестройкой усадьбы и другими хозяйственными делами. С ним жили младшие дети и жена Христина Матвеевна. Умер Абрам Петрович 14 мая 1781 года, двумя месяцами ранее умерла его жена. По завещанию его похоронили на старом Суйдинском кладбище. Место захоронения не сохранилось.

На предполагаемом месте в 1971 году была установлена гранитная стела (арх. М. Н. Мейсель).

В 1797 году на мызу Суйда приезжал дядя поэта – Василий Львович. Свои впечатления о ней он изложил в стихотворении «Суйда».

Там запах ландышей весь воздух наполнял,
Там пели соловьи, там ручеек журчал...

В 1912 году Суйду посетила правнучка Абрама Петровича, Анна Семеновна Ганнибал, которая писала: «От могилы Абрама Петровича не осталось и следа. Сама кладбищенская церковь, основанная в 1718 году Апраксиным, в 1848 году была разобрана и перенесена. Большой дом сгорел...»

«России он служил...»

И был отец он Ганнибала,
Пред кем сред Чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин.

А. С. Пушкин

Среди сыновей А. П. Ганнибала наиболее выдающейся личностью был Иван Абрамович (1735–1801). Он учился сначала в Артиллерийской школе, а затем в Морском шляхетском корпусе. Хорошие математические способности, хладнокровие, выдержка, честность и преданность позволили ему быстро подняться в чинах.

А. С. Пушкин в «Начале биографии» говорит о нем: «Под Чесмою он распоряжал брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух».

В 1770 году он взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон... Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганнибала и надела на него Александровскую ленту, но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде. Уважаемый всеми замечательными людьми

славного века, между прочими Суворовым, который при нем оставлял свои проказы и которого принимал он, не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний».

Ивану Абрамовичу приходилось улаживать многие семейные распри: он участвовал в судьбе покинутой мужем Марии Алексеевны, был опекуном Надежды Осиповны, которой помог получить хорошее по тому времени воспитание и образование, и благословил ее на брак с Сергеем Львовичем Пушкиным, сказав о женихе: «Он не богат, зато умен и образован». Он стал крестным отцом первого ребенка молодой четы – дочери Ольги.

Генерал-поручик И. А. Ганнибал был кавалером орденов Георгия III степени, Александра Невского, Святого Владимира и Святой Анны I степени. Умер Иван Абрамович холостяком, не оставив потомство, в октябре 1801 года. Погребен в Петербурге на Лазаревском кладбище. Могила его сохранилась. На ней высечена надпись: «Зной Африки родил, хлад кровь его покоил, России он служил, путь к вечности устроил».

«Наперсница волшебной старины...»

...Мастерица ведь была,
А откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Все бы слушал да сидел...

А. С. Пушкин

Знаменитая няня Пушкина – Арина Родионовна родилась 10 апреля 1758 года в селе Воскресенское. В год смерти Абрама Петровича (1781) она вышла замуж за кобринского крестьянина Федора Матвеева. В качестве кормилицы ее взяли к племяннику Марии Алексеевны (жены Осипа Абрамовича), а затем в семью родителей поэта к Ольге Сергеевне. В 1795 году Мария Алексеевна выделила семье Арины Родионовны отдельную избу. Няня, как известно, вместе с Пушкиными переезжала из Петербурга в Москву, из Москвы в Захарово и Михайловское, а ее семья оставалась в Кобрине. Временами Арина Родионовна возвращалась в родные места навестить родственников.

Поэт воспел свою няню во многих произведениях. Она стала для него первой музой:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов, игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных...

С детских лет Пушкин восхищался ее сказками, песнями, поговорицами, поговорками, которые она впитала на своей родине – гатчинской земле.

Бывало,
Ее простые речи и советы
И полные любви укоризны
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой...

Одаренная народной мудростью и питавшая нежную любовь к своему питомцу, Арина Родионовна надиктовала к нему несколько писем. Вот строки одного из них: «За все ваши милости я вам всем сердцем благодарю – он у меня беспрестанно в сердце и на уме...»

Умерла Арина Родионовна 31 июля 1828 года в Петербурге, похоронена на Смоленском кладбище. Могила ее не сохранилась.

В 1974 году в Кобрине открыт музей крестьянского быта «Домик няни» в той избе, где жили няня, ее муж и дети (Егор, Надежда, Марья и Стефан).

Кобрино и Руново

Кобрино было приобретено Абрамом Петровичем у потомков П. М. Апраксина в 1759 году. Позже в версте от кобринской усадьбы была построена мыза Руново для сына Осипа Абрамовича. В 1772 году, находясь в Липецке, он скоропалительно женился на Марии Алексеевне Пушкиной и вместе с ней приехал на мызу Суйда в имение своего отца, где в 1775 году у них родилась дочь Надежда. Семейная жизнь их сложилась неудачно. «Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения» – так написал их внук.

В результате долгого бракоразводного процесса в 1784 году Мария Алексеевна становится владелицей Кобрин и Рунова. Здесь прошли детские и юношеские годы Надежды Осиповны. Здесь начиналась семейная жизнь родителей поэта, прошли первые годы жизни Ольги Сергеевны. Осенью 1798 года Пушкины переехали в Москву, где вскоре и родился будущий великий поэт.

В 1800 году усадьбы были проданы Шарлотте Карловне Жандр. Ее муж Ю. Ф. Лисянский, совершивший кругосветное путешествие, поселился в Кобрине, где занялся литературой и живописью.

Наследники Лисянского в 1842 году продали Кобрино Н. Т. Карташевской, сестре С. Т. Аксакова. При ней дом был перестроен. Карташевские владели усадьбой до самой революции 1917 года. Красота усадьбы и гостеприимство хозяев привлекали сюда многих видных деятелей литературы и искусства. Среди них С. Т. Аксаков и его сыновья Иван и Константин, Т. Г. Шевченко, И. С. Тургенев, М. О. Микешин, А. Г. Рубинштейн, А. К. Глазунов и др.

Лето 1905 года в усадьбе провели Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус.

После революции дом, к сожалению, не стал музеем. Список учреждений, занимавших его, обширен. После средней школы с 1961 года здесь располагалась туберкулезная больница, а в мае 1989 года дом сильно пострадал от пожара. В настоящее время дом не пригоден к эксплуатации.

Справка о разделе имений А. П. Ганнибала в Софийском уезде между его сыновьями (доставшихся после покойного генерал-аншефа Абрама Петровича Ганнибала в Софийском уезде детям его вотчины).

<i>Генерал-поручику и кавалеру Ивану Абрамовичу: души</i>	
45	<i>в Суйдинской мызе дворовых людей,</i>
187	<i>в селе Воскресенском крестьян,</i>
33	<i>в деревне Мельнице,</i>
42	<i>в деревне Пижне.</i>
<i>Итого</i>	<i>307</i>

<i>Артиллерии полковнику Петру Абрамовичу:</i>	
13	<i>в Елицкой мызе дворовых людей,</i>
38	<i>в деревне Елица крестьян,</i>
32	<i>в Погоской,</i>
46	<i>вновь заселенной Кузнецкой,</i>
10	<i>в Малых Тайцах.</i>

<i>Флота артиллерии 3-го ранга капитану Исааку Абрамовичу:</i>	
9	<i>в малой Таицкой мызе дворовых людей,</i>
5	<i>в деревне Имочане крестьян,</i>
7	<i>в Старицкой,</i>
30	<i>в Становской,</i>
18	<i>в Тихвинке,</i>
45	<i>в Истиной,</i>
6	<i>в Большой Пегелевой,</i>
8	<i>в Малой Оровке,</i>
8	<i>в Большой Оровке.</i>

<i>Флота артиллерии 2-го ранга капитану Иосифу Абрамовичу:</i>	
<i>В мызе Руновке дворовых людей</i>	<i>3</i>
<i>Вновь заведенной деревне Кобринской крестьян</i>	<i>106</i>
<i>Итого</i>	<i>109</i>
<i>А всего за вышеписанными господами Ганнибаловыми</i>	<i>691</i>
<i>За ним же, Иосифом Абрамовичем, в Псковском наместничестве</i>	
<i>крестьян</i>	<i>443</i>
<i>А всего за Иосифом Ганнибалом</i>	<i>552</i>

«Мне путешествовать привычно...»

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

А. С. Пушкин

А. С. Пушкин много путешествовал. Он писал: «...с детских лет путешествия были моею любимой мечтою».

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я...

Среди дорог, которыми проехал поэт, особое место занимает Белорусский почтовый тракт, который соединял столицу с западными и южными губерниями. Проезжая по нему, поэт знал, что едет землями своих предков – Пушкиных, Головиных, Ганнибалов.

Через дорожные впечатления он познавал историю своих предков – историю России.

Не менее тринадцати раз проезжал Пушкин гатчинскими землями.

Поездки А. С. Пушкина по гатчинской земле

Поездка	Год	Направление
Первая	1800	Из Михайловского в С.-Петербург
Вторая	1817	Из С.-Петербурга в Михайловское
Третья	1817	Из Михайловского в С.-Петербург
Четвертая	1819	Из С.-Петербурга в Михайловское
Пятая	1819	Из Михайловского в С.-Петербург
Шестая	1820	Из С.-Петербурга в Михайловское
Седьмая	1827	Из Михайловского в С.-Петербург
Восьмая	1835	Из С.-Петербурга в Михайловское
Девятая	1835	Из Михайловского в С.-Петербург
Десятая	1835	Из С.-Петербурга в Михайловское
Одиннадцатая	1835	Из Михайловского в С.-Петербург
Двенадцатая	1836	Из С.-Петербурга в Михайловское
Тринадцатая	1836	Из Михайловского в С.-Петербург

Мыза Елицы

В Елицах... с балкона открывается пленительный вид на нивы и поля. Парк вокруг очень велик и разделен на много частей.

Генрих фон Роймерс

Мызу Елицы с деревнями Погост, Кузнецкая и Малая Обша (Вопша) Абрам Петрович Ганнибал купил в 1762 году у камер-цалмейстера (казначея) полковника Дмитрия Александровича Симонова.

В XVI–XVIII веках путь от устья Невы на юг проходил через Обшу и Елицы, что было выгодно для владельцев.

По завещанию А. П. Ганнибалы эти земли отошли его сыну Петру (1742–1826), служившему в артиллерии и вышедшему в отставку в звании генерал-майора. Он был женат на дочери коллежского советника Ольге Григорьевне фон Данненштерн. От этого брака родилось трое детей: сын Вениамин, дочери Христина и Александра.

Петр Абрамович, живя в Елицах, помогал племяннице Надежде Осиповне, будучи ее опекуном.

Порвав с семьей, Петр Абрамович оставил управляющим имением своего зятя А. К. Ромкирха, а сам уехал в Петровское на Псковщину, где и дожил свой век.

С Петром Абрамовичем встречался А. С. Пушкин. В 1825 году поэт писал П. А. Осиповой: «Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку, – старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня-завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда».

В 1792 году Петр Абрамович продал мызу Елицы своему соседу – Петру Григорьевичу Демидову.

В гостях у станционного смотрителя

В течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя я не знаю в лицо, с редким я не имел дело...

А. С. Пушкин. Станционный смотритель

«Дом станционного смотрителя» в деревне Выра – первый в нашей стране музей литературного героя. Музей создан по повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» и архивным документам. Открылся он в 1972 году в здании почтовой Вырской станции.

История станции начинается в 1800 году. На Белорусском почтовом тракте это была третья станция от Петербурга. К 40-м годам XIX века она состояла из двух каменных домов, соединенных по фасаду стеной с воротами и калиткой, к ней относились две деревянные конюшни, сарай, кузница, амбар, колодец.

А. С. Пушкин не менее тринадцати раз проезжал по этому тракту. Здесь он видел героев своих произведений. Не случайно главный герой повести «Станционный смотритель» – Самсон Вырин.

В музее воссоздана обстановка, характерная для почтовых станций пушкинского времени. В красном углу – стол смотрителя. На нем – бронзовый подсвечник, чернильница с гусиным пером, книга для регистрации проезжающих.

Здесь же копия дорожной А. С. Пушкина от 5 мая 1820 года, в которой говорится, что «коллежский секретарь Александр Пушкин от-

правлен по надобностям службы к главному попечителю южного края России генерал-лейтенанту Инзову...»

Дорожные сундуки, чемоданы, шкатулки, «кровать с пестрою занавеской», на окнах «горшки с бальзаминами», лубочные картинки...

В комнате Дуняши (за «перегородкой») воссоздана девичья светелка: диван, комод, столик для рукоделия с пальцами, платье, портреты Минского, Дуни, зрителя.

Во второй половине дома-музея – ямщицкая. Экспозиция этой комнаты переносит в прошлое русского дорожного быта. Здесь отдыхали ямщики, ожидая очереди на выезд. В центре ямщицкой – стол с утварью, на стенах – упряжь для лошадей, одежда ямщиков.

Четвертая часть помещения занята русской печью, служившей для приготовления пищи и обогрева ямщиков.

Это музей народный. Здесь все экспонаты – дар людей (не вошедшие в экспозиции собраны в выставочном зале).

Последний путь поэта

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А. С. Пушкин

После отпевания в церкви Конюшенного ведомства тело Пушкина, согласно воле покойного, перевезли по Белорусскому почтовому тракту для погребения в Святогорском монастыре. Сопровождали гроб с телом верный дядька Никита Козлов, старший друг Александр Иванович Тургенев и жандармский офицер Ракеев.

«4 февраля, в первом часу утра или ночи, отправился я за гробом Пушкина в Псков; перед гробом и мной скакал жандармский капитан. Проехали Софию, в Гатчине рисовались дворцы и шпиль протестантской церкви; в Луге или прежде пил чай», – записал в дневник А. И. Тургенев.

Гатчину и станцию Выра путешественники проехали ночью. Ехали со скоростью 15 верст в час.

Расстояние в 285 верст от Петербурга до Пскова проехали за 19 часов.

Старая легенда, утверждавшая, что траурный кортеж останавливался в Выре, маловероятна – Гатчину и Выру проехали глубокой ночью. Около 9 часов утра прибыли в Лугу. Можно предполагать, что остановка, о которой упоминает А. И. Тургенев, была именно здесь.

Но всякая легенда имеет право на существование. И жители гатчинской земли верят в эту легенду.

Основные даты и события из жизни рода А. С. Пушкина на гатчинской земле

Год	Событие
1712	Петр I дарит Малые Тайцы отцу русского флота адмиралу И. М. Головину, «атенцу гнезда Петрова», прадеду А. С. Пушкина
1758	В селе Воскресенское родилась няня Пушкина – Арина Родионовна
1758–1759	А. П. Ганнибал покупает у потомков П. М. Апраксина деревни Пижама (Пижма), Воскресенское, Суйда, Мельница и Кобринно (Кобринно)
1762	А. П. Ганнибал выходит в отставку и живет на мызе Суйда. А. П. Ганнибал покупает у Д. А. Симонова мызу Елицы с деревнями Погост, Кузнецкая и Обша (Вопша). А. П. Ганнибал покупает у А. И. Головина мызу Малые Тайцы с деревнями Старицы, Ивановская, Тихвина, Истины, Пегелево, Малая и Большая Оровка
1773	Осип Абрамович Ганнибал с женой Марией Алексеевной поселяется на мызе Суйда в имении отца
1775	На мызе Суйда в имении деда родилась мать А. С. Пушкина, Надежда Осиповна Ганнибал
1776	На мызе Суйда А. П. Ганнибал пишет завещание
1779	Осип Абрамович, предоставив фальшивое свидетельство о смерти жены, венчается с новоржевской помещицей Устиньей Ермолаевной Толстой
1781	В селе Воскресенском венчается Арина Родионовна с Федором Матвеевым, кобринским крестьянином. На мызе Суйда умерла жена Абрама Петровича – Христина Матвеевна. На мызе Суйда умер Абрам Петрович Ганнибал. Похоронен на Старосуйденском кладбище
1782	Раздел владений А. П. Ганнибала между сыновьями Иваном, Петром, Осипом и Исааком. В Кобрине у Арины Родионовны родился сын Егор
1784	Мыза Руново и деревня Кобринно по бракоразводному процессу отходят Марии Алексеевне с дочерью Надеждой Осиповной
1786	Мыза Малые Тайцы с деревнями проданы Исааком Абрамовичем Е. Т. Аничковой
1787	В Кобрине у Арины Родионовны родилась дочь Надежда
1792	В Кобрине у Арины Родионовны родился сын Стефан. М. А. Ганнибал берет Арину Родионовну кормилицей для племянника Алексея, сына брата Михаила. Мыза Елицы с деревнями проданы Петром Абрамовичем соседу П. Г. Демидову
1795	В Кобрине Мария Алексеевна дарит избу Арине Родионовне за безупречную службу
1796	В Суйде в церкви Воскресения Христова состоялось венчание родителей поэта – Сергея Львовича Пушкина и Надежды Осиповны Ганнибал
1796–1798	На мызе Суйда, в Рунове и Кобрине подолгу живут родители поэта, сестра Ольга и дядя Василий Львович
1797	На мызе Суйда (предположительно) родилась сестра поэта – Ольга. На мызу Суйда приезжает дядя поэта – Василий Львович
1798	Сергей Львович и Надежда Осиповна покидают Кобринно и Руново
1800–1836	А. С. Пушкин неоднократно проезжал через гатчинские земли

Валентина Якушева

На 69-й версте

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют.
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают...
А. С. Пушкин

Адрес Вырской почтовой станции в Санкт-Петербургской губернии появился в документах два века назад. Читатель уже знает, что датой основания ее следует считать 1800 год, когда «...по просьбе землевладельца господина генерал-лейтенанта и кавалера Мамотина переведена почтовая станция из села Рождествено в деревню Выра». В ее ведение был передан и строившийся тогда особый дом со всеми принадлежащими ему конюшнями и сараями. Таким образом, первоначально (1800–1807) почтовая станция в Выре размещалась в крестьянском доме, а главным ее устройтелем был Федор Рылеев, управляющий деревней Выра, отец поэта-декабриста Кондратия Рылеева.

К 40-м годам XIX века на Вырской почтовой станции кипела бурная жизнь: въезжали и выезжали тройки, суетились ямщики, конюхи уводили взмыленных лошадей и выводили свежих. Звон бубенцов, храп лошадей, скрип полозьев... Как знакома была эта картина русскому человеку XIX столетия!

Хорошо знакома она была и А. С. Пушкину, который много путешествовал. Около 34 тысяч верст проехал он по дорогам России. Неоднократно останавливался в Выре. И фамилия главного героя повести «Станционный смотритель» – Самсон Вырин вполне могла быть образована от названия почтовой станции. «Легко можно догадаться, – писал Пушкин в повести, – что есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас...»

От Вырской почтовой станции до нашего времени сохранились остатки строений, в частности чудом уцелевший домик станционного смотрителя. В январе 1965 года (ровно через 100 лет после закрытия станции) по решению правления местного колхоза начались реставрационные работы. Один за другим восстанавливались корпуса почтовой станции. И наконец 15 октября 1972 года в них был открыт Музей почтово-дорожного быта России XIX века и героев повести «Станционный смотритель». В то время это был первый в России музей литературного героя, где была сделана попытка воссоздать ту обстановку, которую видел каждый путешественник и которую описал Пушкин.

И сегодня войдите на почтовый двор! С утра и до вечера здесь не смолкают веселые детские голоса. Вереницей по Киевскому шоссе стоят экскурсионные автобусы. Здесь посетители знакомятся с русским

дорожным бытом России XIX века, с произведениями Пушкина, посвященными теме дорог, путешествий.

Совсем недавно в одном из корпусов станции справила новоселье еще одна экспозиция – «Земская почта». Здесь нет обилия экспонатов, но каждый – из плеяды «первых»: старинный телефон, телеграф, весы с обозначением лота – меры веса письма, марки с изображением герба России, солидный почтовый ящик «Для опускания и получения отправлений». В центре экспозиции – рабочее место почтового служащего за высокой стойкой. На столе – деловые папки, канцелярская мелочь, традиционные циркуляры.

После открытия экспозиции «Земская почта» у сотрудников музея возникла идея привлечь учащихся местной школы к изучению истории отечественной почты. Появилась школа «Юный почтовик». Первые экскурсии ребят на Центральную почту и в Узел связи Гатчины произвели на них огромное впечатление. Ребят там ждали, встретили приветливо, показали, как принимают посылки, бандероли, разрешили позвонить родным. Занимаясь в школе, ребята узнали о ямской гонимости, о том, как писали письма на бересте, о появлении первых марок... За четыре года занятий в музее они стали помощниками музейным сотрудникам, многие уже квалифицированно ведут экскурсии по музею.

В помещении «Земской почты» проводят семинары почтовые работники Санкт-Петербурга и Гатчины. Знакомясь с экспозицией, они по-иному оценивают собственный труд, так необходимый людям.

Музей в Выре – своего рода символ. Символ того времени, когда о прибытии и отправлении почты люди узнавали по звону колокольчиков или мелодии почтового рожка. И хотя прошлое кануло в Лету, связь времен не прерывается, почта «живет» в «Доме стационарного зрителя». Старинным компостером сотрудники музея «пробиивают» гостям конверты, ставят оттиски старых печатей, помогая таким образом разнести весть о нынешней музейной Выре в разные уголки России и за ее пределы.

В течение многих лет экспозиция музея привлекает внимание кинематографистов, поэтому здесь снималось немало замечательных картин: «Два голоса», «Снега», «Элегия», «Последняя дорога», «Шаги императора», «Чокнутые», «Русский бунт», «Бедная Настя»...

Сюда, к Самсону Вырину, ежегодно приезжают звезды российского кинематографа – участники Гатчинского кинофестиваля «Литература и кино».

Коллектив музея проводит кроме экскурсий большую массовую работу. Формы ее как бы дополняют удачно созданную экспозицию почтовой станции: «Вырские посиделки», «Встречи у камина», «Русское чаепитие», «Пушкинские праздники»...

«Дом станционного смотрителя» – памятник родной истории – стал истинно народным музеем и вызывает все больший интерес многочисленных посетителей.

Дмитрий Рябов

У истоков Оредежа

(продолжение)¹

Первенец свободы

20-е годы XIX столетия. Саровская обитель. Старец Серафим, весь проникнутый любовью, добротой, строго взирает на приближающегося к нему офицера и отказывает ему в благословении. Прозорливец знает, что тот – участник заговора будущих декабристов. «Гряди, откуда пришел», – решительно говорит ему преподобный. Затем великий старец подводит своего послушника к колодцу, вода в котором была мутной и грязной. «Так и этот человек, который приходил сюда, намеревается возмутить Россию», – произносит проповедник...

* * *

В поселке Батово – одном из пунктов традиционных пушкинских праздников на гатчинской земле – в глубине старого парка можно увидеть скромный памятник. На гранитной плите высечены слова: «Здесь, в усадьбе Батово, 18 сентября 1795 года родился, провел свои детские годы и впоследствии бывал неоднократно выдающийся поэт-декабрист Кондратий Федорович Рылеев».

На самом деле, где родился поэт – до сих пор неизвестно; долгое время не утихали споры и вокруг года его рождения. Известно лишь, что 12 из 33 «мужеска пола душ» деревни Батово вместе с другими окрестными деревнями в 1797 году были пожалованы Павлом I родственнику Рылеевых, подполковнику Петру Малютину; остальные батовские души получила инспектриса Воспитательного общества благородных девиц Шарлотта Дешамп². Такая раздробленность, по-

¹ Начало см.: Оредеж. Вып. 1. 2002г.

² С воцарением Павла I дворцовая Рождественская волость попадает в полосу массовой раздачи казенных земель помещикам. Фаворит Павла П. Ф. Малютин, через три года ставший уже генерал-лейтенантом, получил деревни «Леды, Дамищи, Грязны, Выри, Замостье, Поддубья, Новой-Сиверск, Старой-Сиверск, Батово»; протеже императрицы – покровительницы Смольного института – М. О. Дешан «за усердное и ревностное исполнение порученной ей должности и похвальное поведение в течение 30-летнего ее служения» получила деревни Межню и Батово и т. д. Между тем, по наблюдению А. Н. Радищева, состояние крестьян, «отправляющих земледелие на счет господский... есть нантячайшее. В самом деле, если господам властен дать крестьянину столько земли, сколько хочет, если властен заставить его работать сколько хочет, то с чем сравнить такого земледельца? Одно его спасение от конечного истощения и смерти есть корыстолюбие помещика. Вот его защита!»

видимому, тяготила обоих владельцев, поскольку, как следует из купчей, три года спустя имение было продано ими «жене подполковника» Анастасии Матвеевне Рылеевой – матери будущего декабриста¹.

Итак, в 1800 году А. М. Рылеева с пятилетним «Коней» поселяется в Батове и живет здесь до самой смерти². Сам Кондратий Федорович подолгу в Батове не жил – он рано был отдан в Кадетский корпус, а большая часть его зрелой жизни прошла вдали от столицы. Но от материнского гнезда у него, несомненно, оставались детские воспоминания, а все переломные моменты его жизни, так или иначе, связывались с Батовом.

Поэта не тянуло в «шумную Пальмиру Севера». «Холод обдаёт меня, – писал он из Воронежа в 1820 году, – когда вспомню, что кроме множества разных забот меня ожидают в Петербурге мучительные крючкотворства неугомонного и ненасытного рода приказчиков». Очевидно, он имел в виду хлопоты по принятому на себя опекунству над малолетними детьми умершего «отца и благодетеля» Малютина, а также хозяйственные дела по имению матери, которые шли далеко не блестяще. «Петербург тошен для меня, он студит вдохновение», – жаловался поэт А. С. Пушкину. Но мы-то знаем, что именно за пять петербургских лет Рылеев создал все наиболее значительное в его литературном творчестве. «Легко представляю себе Рылеева среди зеленого плетения наших лесов, гуляющего, читающего, – писал впоследствии В. В. Набоков, – то были романтические блуждания в духе его века»:

Между гор, как под навесом,
Волны светлые бегут
И во след себе ведут
Берега, поросши лесом...

Превосходны оредежские места. А. А. Бестужев (Марлинский), гостивший здесь у своего друга, писал: «Местоположение там чудесное. Тихая речка вьется между кустистыми берегами, инде расширяется плесом, инде подмывает скалы, с которых сбегает звонкие ручьи. Тишь и дичь кругом».

Тишь и дичь... Но Рылеев явственно слышал в этой мнимой тиши и приглушенные стоны, видел вопиющие контрасты тогдашней

¹ За 4,9 тысячи рублей – фактически подарено в письмах сыну А. М. Рылеева называется имение «мыза Петродар». Впрочем, не исключено, что Рылевы поселились здесь раньше: в письме из соседнего с Батовом Даймища, более раннее, чем купчая, отец будущего декабриста Ф. А. Рылеев упоминает данные ему Малютиным полномочия по управлению имением. А в июне 1800 года Ф. А. Рылеев становится «почтсодержателем» Вырской почтовой станции, переведенной сюда из упраздненного города Рождествена.

² Анастасия Матвеевна, «женщина добродетельная», похоронена на старом Рождественском кладбище, где доныне сохранился скромный памятник.

русской жизни. Поэт чувствовал, что неминуемо приближаются раскаты очистительной бури:

Взвыл страшнее лес дремучий,
Месяц спрятался за тучи,
Ветр сильнее забушевал,
И за ближнюю могилу
И ужасно, и уныло
Вран злоеший прокричал...

Впрочем, Рылеев был отнюдь не одинок в своих наблюдениях. Чтобы поведать об «униженных и оскорбленных» того времени, ордежские места избрал местом действия своего «Станционного смотрителя» А. С. Пушкин. В знаменитой ныне Выре и в окрестных деревнях еще совсем недавно старухи рассказывали легенду об отнятой богатым у бедняка единственной его дочери, красавице Дуне.

К. Ф. Рылеев. Барельеф батовского памятника (ныне утрачен). Скульптор В. В. Шевченко

Безрадостную картину детства, проведенного в Рождествене, описал и видный общественный деятель середины XIX века священник А. В. Гумилевский. Мальчик, родившийся в 1830 году в бедной семье дьякона местной церкви, где было еще трое детей, в зимние морозы ходил полунагишом и босиком. «Спасибо еще неизвестным добрым проезжим господам, которые мне, мальчику, на сапоги тогда денег дали...» Вспоминая смерть матери, а затем и отца, Гумилевский продолжает: «Тут я образумился, тут я познал, что есть несчастья! Как я горько плакал, когда сидел на одном берегу реки и прощался с родиной!...»¹

Немного радостей видел в детстве и сам поэт-декабрист. За малейшие шалости его жестоко наказывал отец. Обладая крутым нравом, он запирали в погреб батовской усадьбы и свою жену,

¹ Отец Александра Гумилевского был мастером на все руки, но изрядно выпивал и во хмеле обнаруживал все черты самодура-деспота. «На четвертом году я уже был порядочный плутишка и шалун, — вспоминал Гумилевский. — Мои буйные шалости стали доходить до ушей отца, и он в наказание не стал меня пускать на улицу, а посадил за азбуку; да когда я еще заплакал, то больно высек меня розгами. Зачем, кажется, так рано заставлять учиться мальчиков?.. Бывало, сидишь под надзором отца, да твердишь: аз, буки, веде, и проч., между тем ребята играют на улице в пятнашки или в горелки... Более всего любил я в это время солдатские игрушки (в селе в то время стояли солдаты); как я восхищался, когда мне купили пушку и барабан!...»

к которой «рано любовь отлетела» — отец имел побочных детей, а затем и вовсе покинул здешние края.

Да и помещичье жилье в Батове было весьма скромно: «Петродар немного доходу приносит». Деревянный одноэтажный господский дом; в одной половине четыре комнаты, в другой — две, при двух же печах. Скромная обстановка: немного, небогато, и везде один приказ: «ветхо», «подержано», «худо». Несколько «служб», и об одном лишь можно пожалеть, что не дошли до нас три сундука да мешок с разными письмами и бумагами. Недаром Рылеев ценил в имении лишь «удобность и близость от столицы».

А как жилось в то время батовскому простому мужику, видно из той же описи имения 1826 года.

В деревне всего 13 дворов, жители «очень бедны и избалованы», «никакими рукомерами не занимались кроме хлебопашества» и были «на барской работе». На всех — 13 лошадей, 24 коровы с 3 телками да 47 кур. Но четыре двора вовсе не имели лошадей, и если у Анфима Антонова (10 едоков) было 4 лошади и 7 коров¹, то у большинства остальных — лишь по одной-две коровы да по две-три курицы. Если добавить, что в деревне на 4 «белые» избы было 14 «черных» (из них 11 «ветхих»), то увидим, что батовские крестьяне жили далеко не богато.

Там разбросаны жилища
Угнетенной нищеты.

Это не риторика — это написано с натуры.

Не успел Кондратий Федорович поселиться в Батове², как соседи-помещики, «достопочтеннейшее дворянство» Софийского уезда, «почтили» его избранием в заседатели столичной уголовной палаты. Ему предлагали занять должность уездного исправника и даже настаивали на этом, но он наотрез отказался от «подлой должности», которой другие так «держались и тщеславились». Однако общественную деятельность он считал «самою лестною, самою приятною для каждого гражданина». Весьма показателен эпизод, со слов Николая Бестужева приведенный сестрой известного писателя — знатока декабристов Лидией Тыняновой в ее книге «Рылеев»:

«Пушин, молчавший до сих пор и казавшийся погруженным в свои думы, вдруг вмешался в разговор и заговорил о другом:

— Кондратий Федорович, а ведь про тебя в Петербурге уже анекдоты ходят. Я на днях слышал один — презабавный: одного мещанина по какому-то подозрению притащили к губернатору. Тот грозил

¹ По свидетельству А. С. Пушкина, «иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности...».

² Выйдя в отставку и женившись, в конце 1820 года Рылеев оставляет полюбившийся ему юг и поселяется с молодой женой в Батове, а затем перебирается в Петербург.

ему всякими наказаниями и в конце концов пообещал отдать его под уголовный суд. Мещанин упал ему в ноги и поблагодарил за милость: "Вы меня отдали под уголовный суд, стало быть, я буду оправдан. Там служит Рылеев – он не даст погибать невинным"¹.

Рылеев улыбнулся, но тотчас же лицо его сделалось снова серьезным.

– Я служил отечеству, – сказал он, – пока оно нуждалось в службе своих граждан, и я ушел, когда увидел, что буду служить только для прихотей самовластья. Я желал лучше служить человечеству и избрал звание судьи. Наступил век гражданского мужества – я буду бороться за свободу отечества и счастье народа».

От выбора на новое трехлетие в 1824 году Рылеев отказался, поступив на службу в Российско-Американскую компанию, а его общественная деятельность приняла иные формы: увлечение масонством сменилось увлечением политикой, историей, литературой, а ложа «Пламенюющей звезды» – Северным обществом. Близился 1825 год...

Незадолго до ареста К. Ф. Рылееву довелось участвовать в довольно запутанной истории, имеющей некоторое отношение к здешним местам. В 1820-х годах топографическую съемку окрестностей Рождествена производил некий капитан Галямин, который познакомился с семьей помещика из Заречья Пахома Чернова. Задумав интригой заполучить и жену, и имение, он решил вначале женить (и потребовать приданого) на красавице дочери Чернова Екатерине своего приятеля, молодого офицера Владимира Новосильцова, которым «располагал как мальчиком».

Новосильцов знакомится с девушкой и после помолвки обращается с ней как жених с невестой. Когда же он решается спросить благословения у своей матери, аристократки высшего света из рода Орловых, получает решительный отказ: «Ты хочешь, чтобы невестка моя была какая-нибудь Пахомовна! Слышать не могу!» Жених прощается с невестой с обещанием вскоре вернуться.

Не дождавшись возвращения Новосильцова, брат невесты Константин требует у него объяснений. После ряда разбирательств (одно из которых едва не закончилось дуэлью), оскорбительных слов с обеих сторон и последующих примирений, когда все вопросы, казалось, были уже решены, он вызывает Владимира на поединок. И вот – день назначен; противники сошлись, спустили курки и оба пали, смертельно раненные. «Пусть паду я, но пусть падет и он в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмеялись над невинностью и благородством души» – это слова из предсмертного письма декабриста Чернова. На его похоронах присутствовали все бывшие в столице чле-

¹ Рассказывали и другие анекдоты; так, А. С. Пушкин в своих «Застольных разговорах» приводит такой: «Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. "Я женат", – отвечал Рылеев. "Так что же, – сказал Дельвиг, – разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?"»

ны тайного общества; по словам декабриста Штейнгейля, «это была манифестация!». А Кюхельбекер попытался прочесть стихотворение, то ли свое, то ли К. Ф. Рылеева, — он был секундантом Чернова:

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царей трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнетить готовым...

Вооруженные выступления Северного общества, ведущее положение в котором занял Рылеев, было назначено на лето 1826 года. Но события ускорили во многом загадочная смерть Александра I и затянувшееся междоусобица. Между тем известно: чтобы быть уверенным в успехе, события нужно тщательно готовить.

Состояние войск на Сенатской площади точно передал московский поэт и критик Андрей Чернов, потомок рода Доминико Трезини и погибшего на дуэли Константина:

Поручик ходит перед фрунтом,
В нутро дилеммы углублен:
Меж эволюцией и бунтом
Пока еще не выбрал он.
И с той же мыслью потаенной
Его начальник батальонный,
Штабс-капитан, герой в цвету:
— Респу... а может, конститу...

Отсутствие единого мнения среди декабристов — кстати сказать, заговорщики не были даже буржуазными демократами, ибо «страшно далеки они от народа», да и народ (в том числе подставленный под картечь) к ним не ближе — серия предательств, нерешительность — все это обрекло восстание трех тысяч солдат на Сенатской на провал. Впрочем, Рылеева, «американца по убеждениям», сложно назвать и революционером. Он желал лишь водворения невозможной при самодержавии законности и первым дерзнул произнести неслыханное дотоле в России слово «конституция».

Герцен заметил, что картечь, предназначенная декабристскому каре, досталась и Петру, вокруг памятника которому выстроились мятежники. Праправнуков тех, кто делал «революцию Петра», через 100 лет наказывали за попытку в 1820-х повторить по своему 1720-е. За коллективное уподобление Петру, давящему российскую косность сверху.

Кюхельбекер и Рылеев
14 декабря 1825 г.
Рисунок А. С. Пушкина

Конец был закономерен: восстание декабристов было утоплено в крови... Еще во время своей военной службы Рылеев как-то заявил: «Кому быть повешенным, того не расстреляют!», а один из друзей однажды посоветовал ему заранее тренировать шею (зачинщики выступления, среди которых был и К. Ф. Рылеев, были казнены «через повешение»). Но, вопреки горькой иронии А. С. Грибоедова («сто поручиков хотят перевернуть Россию»), их дело, как известно, «не пропало». И как бы мы сегодня ни относились к вооруженным попыткам государственного переворота, восстание декабристов навсегда останется одной из самых трагических и вместе с тем красивых страниц отечественной истории:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв исполнена свобода? ¹

А что касается Батова, то после казни Рылеева оно было при содействии самого Николая I продано вдовой декабриста за 52,5 тысячи рублей коллежскому асессору В. С. Тимофееву-Тимофеевичу. Сменив ряд ничем не примечательных владельцев, в 1854 году имение попадает в руки семейства Корфов, предков знаменитого писателя В. В. Набокова.

Но это уже другая, и тоже длинная, история.

* * *

Рылеевский парк, Рылеевский мост, Рылеевская пещера. Бывшие колхозы «Память декабристов» и имени Рылеева... В Батове бывали многие члены тайного общества, и сохранилось немало легенд об этих встречах ². Одна из них предполагает возможность посещения здешних мест и А. С. Пушкиным.

Еще в 1930-х годах местные старожилы показывали у въезда в имение камень, на котором якобы сидели Пушкин и Рылеев, «любующься ледоходом на реке Оредеж», и в те годы на седом валуне будто можно было рассмотреть выбитую надпись «Пушкин». Другие утверждали, что великий поэт приезжал к здешним берегам вовсе не для отдыха в кругу друзей. Наш знаменитый земляк В. В. Набоков, комментируя

¹ «Величие подвига декабристов заключается в том, — писал правнук поэта В. Крулевицкий в послании батовским колхозникам (колхоз — коллективное хозяйство) в сентябре 1940 года, — что они, сознавая безнадежность в то время попытки свержения самодержавия, шли на верную гибель ради освобождения народа...»

² Среди прочих в тайном обществе состояли дети соседних — дружносельского и зарецкого — помещиков, участников Отечественной войны 1812 года: сын «спасителя Петрополя» П. Х. Витгенштейна Лев и сын генерала Пахома Чернова, уже упоминавшийся нами Константин.

свой перевод к четвертой части «Евгения Онегина» на английский язык, развивает последнюю легенду с привлечением фактического материала.

Так, прапорщик Ф. Н. Лугинин отметил в своем дневнике: «Носились слухи, что его (Пушкина – Д. Р.) высекли в Тайной канцелярии, но это вздор. В Петербурге имел он за это дуэль...» Сам Пушкин писал: «Я последним узнал об этом слухе, который стал общим. Я увидел себя опозоренным перед светом. На меня нашло отчаяние, я дрался – мне было 20 лет...» В письме к П. А. Осиповой поэт упоминает Батово (вот только наше ли – например, в Псковской губернии в XIX веке было пять одноименных поселений), а в письме к А. А. Бестужеву замечает относительно Рылеева: «Я... жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай – да черт его знал».

Рылеевский камень
в Батове.
Офорт И. И. Владыкина.
1974 г.

В свою очередь и Рылеев, по словам исследователя из Ирландии Патрика О'Мара, также «не чурался дуэлей». Так, в феврале 1824 года он защищал честь своей сестры и был легко ранен; в другой раз пытался защитить поруганную честь А. А. Бестужева, ища повода для дуэли с неким фон Децином.

«Моей гипотезой, – заключает Набоков, – таким образом, является то, что в районе 1 мая 1820 года Рылеев в порыве антиправительственной горячности повторил слух как факт (например: «Правительство уже порет нашего лучшего поэта!») и что Пушкин вызвал его на дуэль; что секундантами Пушкина были Дельвиг и Павел Яковлев и что дуэль произошла между 6 и 9 мая в окрестностях С.-Петербурга – возможно, в имении матери Рылеева – в Батове. После дуэли Пушкин немедленно уехал на юг... и прибыл в Екатеринослав 20 или 21 мая».

Набоков не был бы самим собой, если бы попутно не заметил, что и он имеет отношение к описываемым местам. «Я вспоминаю не-всамделешную дуэль, я сражаюсь с кузеном в батовской *grande allée* (великолепная аллея из огромных лип и берез, упирающаяся в поперечный ряд тополей), где, согласно смутному семейному преданию, у Рылеева была настоящая дуэль. Я вспоминаю также некую тропинку у подножия леса за Батовом и ожидаемые с нетерпением долгие, "взрослые" прогулки по ней, которая была известна... как *Le Chemin du Pendu*¹: за сотню лет до того она была любимой тропой Рылеева».

¹ «Тропа висельника»; в романе-автобиографии «Память, говори» писатель поясняет, что *Le Pendu*, висельником, называли Рылеева «в свете» после 1825 года (лиц благородного звания в те дни вешали не часто), предпочитая это определение «декабристу» или «бунтовщику». А двоюродный брат В. В. Набокова С. С. Набоков вспоми-

Это происходило уже на заре XX – жестокого – века. А ныне? Ныне... Пророческими оказались набоковские строки:

Дом сожжен, и вырублены рощи,
где моя туманилась весна...

Тихо умирает старый батовский парк, зажатый с трех сторон наступающими новостройками. Варварски сорваны барельефы с рылеевской стелы – металл сегодня куда дороже памяти. Стучат топоры на «тропе висельника» – работники местной птицефабрики получили здесь садовые участки...

«Освобождение»

Декабристы... «О, жертва мысли безрассудной!» – восклицал Тютчев. Дальнейшая история показала, что оказались безумцами как раз те, кто стрелял картечью в самых трезвых и здравомыслящих людей страны. Немногим более трех десятилетий понадобилось для того, чтобы в стране назрела революционная ситуация.

Столичная губерния не знала пугачевщины, но здешнее крестьянство боролось за свою свободу постоянно. Не были исключением и земли по Оредежу. Так, в октябре 1812 года взбунтовались крестьяне деревни Межны, принадлежавшие барону П. А. Черкасову. Собравшись у дома управляющего, они угрожали убить его и сжечь имение. Тревожные настроения местных помещиков передает отношение владельца к предводителю царскосельского дворянства Ф. Ф. Белю¹. «Прошу покорнейше таковой беспорядок, если возможно, скорее прекратить и не дать ему усилиться², – писал барон, – ибо таковой крестьян мятеж может от деревни к деревне и вдоль распространиться».

Историк развития капитализма в России В. И. Ленин указывал две главные причины, определившие падение крепостного права. Во-первых, это была сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма, во-вторых, массовые крестьянские бунты, которые, совпав с революционной волной, прокатившейся по странам Европы, «заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*». Ведь еще николаевский шеф жандармов Бенкендорф называл крепостное право «пороховым погребом под государство». И альтернативой новому взрыву оставалось, словами Пушкина, «рабство, падшее по манию царя».

нал, что «тропа» лежала прямо напротив подъезда к дому, что на ней в начале XX столетия стояли каменные скамейки и считалось, что Рылеев «любил там сидеть, быть может, сочинять стихи».

¹ По имени Ф. Ф. Беля получила название его усадьба Белягорка (ныне – Белогорка).

² В 1826 году черкасовские крестьяне подали Николаю I прошение о защите их от притеснений; по рассмотрении оно было признано «совершенно ложным», и в селе не была введена военная команда.

У императора Александра II достало мудрости, смелости и решительности провести крестьянскую и прочие реформы. В 1857 году он подписал рескрипт петербургскому генерал-губернатору о праве столичного дворянства открыть губернский комитет и приступить к «улучшению быта» крестьян.

* * *

...Веками жил оредежский мужик с думой о земле. И вдруг в безрадостную жизнь ворвалась надежда: в начале марта 1861 года был обнародован царский манифест о его освобождении. Недаром автором документа был «корифей красноречия» митрополит Филарет – не сразу поняли крестьяне, что вся идея реформы была проникнута интересами исключительно крепостников-помещиков. Не ведали, какой ценой придется расплачиваться им за кормилицу-землю. Правда, «личное рабство» было уничтожено: крестьян перестали менять на щенков борзых и проигрывать в карты, на свадьбу-женильбу не требовалось теперь господского «благословения». Но очень скоро они убедились, что надежды во многом оказались обманутыми¹.

До реформы крестьянские хозяйства соседних деревень существенно отличались друг от друга. Так, батовские крестьяне баронессы Н. А. Корф состояли на трехдневной барщине, рождественские – платили своей помещице Ю. Д. Манухиной оброк². А владелец Вырской мызы и восьми окрестных деревень, петербургский губернатор П. М. Донауров, использовал сезонные выгоды, применяя смешанную повинность.

Существенно различались и размеры повинностей. Если крепостные помещицы М. А. Любошинской из деревни Поддубские Харчевни³ платили почти по 19 рублей с души – самые высокие платежи в

¹ После обнародования манифеста губернатор вынужден был признать, что крестьяне, «сверх всякого ожидания, не изъявили своей радости». Более того, по сообщению предводителя царскосельского дворянства А. П. Платонова, «начались самовольные порубки господских лесов, платежи оброков прекратились, издельная повинность сделалась произвольною и необязательною». Впрочем, совершенно аналогично развивались события и в 1917 году, после февральского переворота: история повторяется.

² По способу отбывания крепостной повинности крестьяне делились на три основные группы. *Оброчные* крестьяне пользовались землей, приписанной к данному селению, за что должны были платить помещику-владельцу сумму, назначенную им по своему усмотрению. *Барщинные* должны были обрабатывать помещичьи поля, а сверх того платить различные натуральные подати, за что помещик выделял им часть земли и позволял какое-то время работать на ней. Наконец, *дворовые* обслуживали самого помещика, его дом и двор и к земле отношения не имели.

³ Ныне – Поддубье. Деревня была основана в середине XIX века крестьянами из Нового Поддубья, переселившимися к вновь проложенному Ковенскому тракту (ныне – Киевское шоссе). А муж помещицы, сенатор-либерал М. Н. Любошинский, как следует из изданного в 1914 году биографического словаря, «в начале царствования императора Александра II приобрел заслуженную славу своей деятельностью по подготовительным работам к освобождению крестьян».

Царскосельском уезде, то помещик граф А. Н. Мордвинов (Малая Дивенка) брал со своих крестьян лишь по 5,71 рубля серебром в год.

Наконец, если мордвиновские крестьяне занимались преимущественно хлебопашеством и имели значительные (до 10 десятин на душу мужского пола) наделы, то хозяйство других крестьян, например деревни Грязной, не ограничивалось одним земледелием. Большая часть их занималась «в С.-Петербурге извозом, плотничьими работами, а также на Литейном, Лесопильном и других заводах, рубкою дров и возкою бревен к станциям железных дорог и до мест продажи в городе Гатчина, Царское Село и Красное Село».

После реформы здешние крестьяне оказались «равными в нищете»: растянувшееся на многие годы освобождение от крепостной зависимости на деле вышло освобождением их как от денег, так и от земли. Проследим, как развивались события в батовском имении.

С момента объявления «Положений 19 февраля» крестьяне были переведены здесь с барщины на оброк – по 13 рублей 42 копейки с души. А деньги эти надо было еще заработать: ведь, в отличие от оброчной деревни, имевшей более-менее устоявшиеся источники заработка, батовские крестьяне таковых не имели!

Далее. Через два года была составлена так называемая уставная грамота, из которой следовало, что двое крестьян, отказавшиеся от наделения их земель, и шесть дворовых ее не получают. Остальные 38 крестьян получают надел в 152 десятины – по 4 на душу, а еще до 48 десятин, бывших до того в их пользовании, отрезаются от участка и переходят помещице. А у той после выделения наделов крестьянскому обществу оставалось земли ни много ни мало – более 770 десятин!

Но и это еще не все. Чтобы стать собственниками своих потом и кровью полных «четыре десятины», крестьяне должны были выкупить землю за деньги, и деньги немалые (более 6 тысяч рублей), оставаясь до того «временнообязанными». Условия же выкупа «дани вчерашними рабовладельцами» были таковы¹, что крестьянин на полвека (до полной оплаты) прикреплялся к клочку земли и не обретал истинной свободы.

Вскоре состоялась проверка уставной грамоты мировым посредником. Несмотря на приглашение, помещица в Батово не прибыла. А крестьяне, как записано в документе, ознакомившись с бумагой, «не

¹ Фактически выкупалась не земля, а прежние крепостные повинности, ибо в основу выкупной суммы ставилась не рыночная стоимость земли, а «капитализация оброка». Оброк приравнивался к годовому доходу в размере 6% с капитала: при оброке в 10 рублей выкупная сумма составляла 166 рублей 67 копеек, а с 38 батовских крестьян – 6333 рубля 46 копеек. Крестьяне выплачивали помещику (сразу или в рассрочку) 20% этой суммы, остальное ему выплачивала казна, рассматривая это как предоставленную крестьянам ссуду. А «ссуда» эта взыскивалась затем в размере 6% в год в течение 49 лет – крестьяне, поставленные лицом к лицу с царской администрацией, как нетрудно заметить, должны были за полвека возратить государству до 300% выкупной ссуды!

предъявив против нее законных возражений, от подписания грамоты отказались, не дав на то удовлетворительных причин». Видимости добровольной сделки не получилось – крестьяне обжаловали грамоту в губернском по крестьянским делам присутствии. Безрезультатно.

Батовская помещица – женщина, по словам ее знаменитого правнука, «не столь добродетельная» и считающая демократические теории «превульгарными», – явно не торопилась: лишь в 1864 году она объявила о своем желании предоставить в собственность крестьянам их наделы. 30 июня в Батове собрались барон Фердинанд фон Корф (муж и доверенный владелицы), мировой посредник, становой пристав, уездный землемер, трое свидетелей-крестьян из соседних деревень и «полный сход» батовского общества. По избрании обществом уполномоченных мировой посредник указал крестьянам их надел. Уполномоченные не возражали против количества и «удобности» земли, но заявили, что было бы лучше, если бы помещица не отрезала от их надела узкую полоску берега Оредежа. Посредник объяснил, что берег этот не включает в себе «пустых лугов»; кроме того, к нему примыкает плотина водяной мельницы и при «возвышении» в случае надобности плотины берег может сделаться постоянным поводом к спору. А потому заявление это посредник находит незаконным и не подлежащим удовлетворению без согласия владелицы, а она его не давала. Уполномоченные вновь отказались от подписи – на этот раз выкупного акта, снова «пошла писать губерния», и опять жалоба была «оставлена без уважения».

Зимой 1860 г. Александр II, царь-освободитель, охотился у деревни Даймище.

Рисунок Ф. Тейхеля

По рассмотрении дела в Главном выкупном учреждении выяснилось, что имение было куплено баронессой за 39 тысяч рублей серебром у вдовы коллежского советника А. П. Галченковой (известной тем, что она пожертвовала 14 тысяч рублей на обновление рождественской Вознесенской церкви), а через год заложено в ломбарде. Баронесса оказалась неплатежеспособной, и на имение было наложено «запрещение». Потребовалось сноситься с прежней владелицей имения, которая согласилась на выкуп с тем, чтобы «кредитные бумаги, которые будут выданы баронессе Корф при утверждении выкупной сделки, выданы были Галченковой в уплату долга по закладной по биржевой цене этих бумаг».

По рассмотрении дела в Главном выкупном учреждении выяснилось, что имение было куплено баронессой за 39 тысяч рублей серебром у вдовы коллежского советника А. П. Галченковой (известной тем, что она пожертвовала 14 тысяч рублей на обновление рождественской Вознесенской церкви), а через год заложено в ломбарде. Баронесса оказалась неплатежеспособной, и на имение было наложено «запрещение». Потребовалось сноситься с прежней владелицей имения, которая согласилась на выкуп с тем, чтобы «кредитные бумаги, которые будут выданы баронессе Корф при утверждении выкупной сделки, выданы были Галченковой в уплату долга по закладной по биржевой цене этих бумаг».

Затем выяснилось, что «мирской приговор» крестьян об объявлении им выкупа, подписанный по неграмотности последних садовни-

ком С. Герцыным, не засвидетельствован в волостном правлении. Дело возвратили в губернское присутствие, и выкупная сделка была окончательно утверждена лишь в 1865 году, а документы поступили в архив, откуда мы и узнали сегодня обо всех мытарствах «освобождения».

Утверждение выкупных дел в некоторых из соседних селений тянулось до 1880-х годов. А крестьяне, получившие «высший» из возможных надел в 4 десятины (лишь у М. А. Любоцинской они получили дополнительно по несколько соток «на улучшение быта»), все это время платили за него и максимальный размер оброка – по 10 рублей: удельные платежи поднялись в уезде с 1,6 рубля за десятину до реформы до 2,5 рубля после нее¹.

Изменилась и структура угодий. Так, зарецкие крестьяне супругов Черновых получили почти исключительно полевую землю: луга и покосы, пастбища и лес остались за помещиками. Так же поступил князь Васильчиков (Орлино с деревнями), сосредоточив в своих руках наиболее ценные угодья. По-прежнему в исключительном распоряжении владелицы оставалась находящаяся в селе Рождествено «рыбная ловля» по реке Оредеж.

Такое положение служило для помещиков верным средством дополнительных доходов за счет выгодной сдачи земли в аренду, ее продажи по более высокой цене, а также средством давления на крестьян. Известно, что батовская помещица М. Ф. Набокова, унаследовавшая имение баронессы фон Корф, сдавала в аренду обществу крестьян выгон, за это они должны были «выставить 75 женских дней на сенокос и жнитво». Таким способом закреплялись пореформенные отработки в барщинной деревне и возмещались потери помещиков в денежных платежах.

¹ Хотя с точки зрения поборов казна была предпочтительней (несколько дешевле), условия выкупа были очень тяжелы. Так, недоимки платежей с даймицинских крестьян (бывших помещицы Любоцинской, первый муж которой, тайный советник В. М. Быков, приобрел имение Донаурова) на 1868 год составляли 154 рубля, а через год – уже 1066 рублей. Лишь после первой русской революции правительство вынуждено было отказаться от взимания годовых платежей, немного не дотянув до 49 лет.

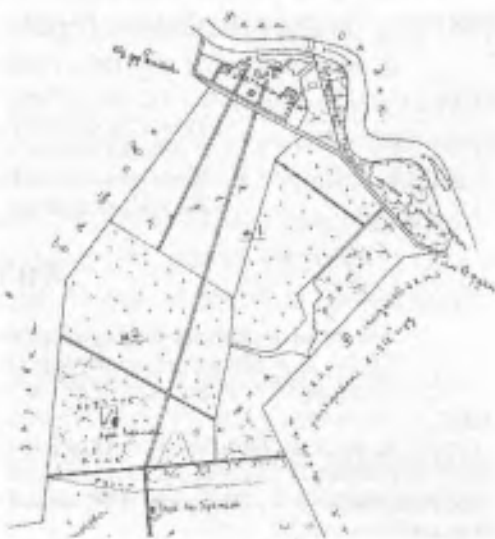
А как жилось освобожденным без земли батовским дворовым, поведала 103-летняя Наталья Павловна Богданова: «У генерала Набокова я, точно, работала. Два годка. Прачечня у них тут была, прямо у речки, в ней и жила. Там еще студеный ключок был, из трубки вода текла — чи-и-стая. У генерала девять детей было: пять дочек, четыре сына... Хороший был барин. Давали мне семнадцать рублей... в месяц, а как же. Что припасла, то и носи, да еще на ребят надо. Мужья тогда одежду не покупали. А как-то всего хватало. В Батове, ты запиши, были лучшие телята, паси где хочешь. А овес! Мы его уберем, а нам за это угожь¹... Вот и считай: господ обстирать, домой сбегать, огород, корову подоить, летом сенокос! Всю жизнь на пупе вертишься...»

Полвека спустя крестьянин из-под Дивенской вспоминал: «...волю — то дали, а только для нас она и не нужна была; были мы крестьяне великой княгини Елены Павловны, так жилось нам лучше, чем теперь, постройки у нас были хорошие, земли вволю — не обрабатываешь, нужда какая — деньги от ее высочества выдавали...» И хотя эта фраза произнесена не привыкшим к самостоятельности крестьянином-общинником, воспринимается она поистине горьким признанием.

А вот как оценивают это время историки.

По мнению замечательного писателя Н. Я. Эйдельмана, Россия стала другой; был сделан первый шаг по пути превращения страны в буржуазную монархию. Да, огромное помещичье землевладение осталось, но крестьяне освобождены были с землей и, худо-бедно, до начала нового века серьезных беспорядков в деревне не было. Самодержавие тоже налицо, но все же — с земствами, судами, с печатью, куда более свободной, чем прежде², с новой армией.

Реформы могли быть много хуже — за короткий срок было все же сделано немало. Но разбег преобразований 60-х годов, делает вывод исследователь реформы Б. Г. Литвак, не достиг своего логического финиша. Именно это и заставило русское освободительное движение,

Фрагмент чертежа урочища «Орешино» из дела об отводе бывшей помещичьей земли батовским крестьянам. 1923 г. Копия

¹ Пастбище.

² Именно в это время впервые был опубликован сборник произведений «крамольного» Рылеева.

отказавшись от надежды на «революцию сверху», провозгласить лозунг: «К топору зовите Русь!».

Министр просвещения 1860-х годов А. В. Головнин пророчил: «За последние сорок лет правительство много брало у народа и дало ему очень мало. Это несправедливо. А так как каждая несправедливость всегда наказывается, то я уверен, что наказание это не заставит себя ждать. Оно настанет, когда крестьянские дети, которые теперь грудные младенцы, вырастут и поймут все то, о чем я только что говорил. Это может случиться в царствование внука настоящего государя».

Внуком убитого народовольцами Александра II был Николай II. 1861 год, по словам Ленина, породил 1905-й.

А мы завершим эту главу словами 20-летнего Пушкина:

Увижу ль, о друзья! народ неутешенный
И рабство падшее, и павшего царя¹,
И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев В. В. Рылеев: Жизнеописание. М., 1982.

Горди Я. А. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989.

Каценко С. Г. Реформа 19 февраля 1861 года в Санкт-Петербургской губернии. Л., 1990.

Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права // ПСС. Т. 20. М., 1961.

Ленинградская область: Исторический очерк. Л., 1986.

Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.

Утищев А. И. Усадьба Батово и ее владельцы // Набоковский вестник. Вып. 3: Набоковские родовые гнезда. СПб., 1999.

Дмитрий Рябов

Пушкин, Гатчинский район и русская эмиграция

Сегодня не для кого не новость, что имя А. С. Пушкина тесно связано с Гатчинским районом. На этот раз нам хочется рассказать о двух малоизвестных событиях, связанных, с одной стороны, с Верхним Оредежем, а с другой – с русской эмиграцией, проложив таким образом еще одну тропинку к великому поэту.

В 1925 году другой наш земляк, эмигрант и «пушкинист» В. В. Набоков, в своем стихотворении «Изгнание» писал:

Я занят странными мечтами
в часы рассветной полутьмы:
что, если б Пушкин был меж нами –
простой изгнанник, как и мы?

¹ Так в рукописи. Справедливости ради отметим, что в зрелом возрасте Пушкин придерживался более взвешенных взглядов («Александр Радищев», «Мысли на дороге», «Разговор с англичанином о русских крестьянах»). И, будучи помещиком, подобно подавляющему большинству дворян, он ровно ничего не сделал для освобождения собственных крестьян.

«Странная мечта» Набокова почти исполнилась: спустя год в Эстонии, а именно в Нарве, появился Александр Пушкин...

Есть в верховьях Оредежа старинная деревня Даймище, а неподалеку – хорошо известное нашим грибникам и рыболовам Чикино, бывший фабричный поселок. В конце XIX века эти земли принадлежали гатчинскому купцу И. Ф. Чикину, сыновья которого Иван и Александр унаследовали от отца меднопрокатный завод, а дочь Екатерина вышла замуж за кадрового офицера Александра Анатольевича Пушкина. Он, как доказывают некоторые исследователи, был внуком Льва Сергеевича Пушкина – младшего брата поэта, известного знатока творчества А. С. Пушкина.

А. А. Пушкин жил в Петербурге, на Шпалерной, 60, а в доме № 53 по той же улице располагалась Офицерская кавалерийская школа, где он проходил службу, будучи накануне Первой мировой войны в звании штаб-ротмистра. В Даймище супругам Пушкиным принадлежал дом (ныне № 23 по Большому пр.), где после Октября 1917-го проживала Е. И. Пушкина с дочерьми Аллой, Ириной и сыном Александром, о судьбе которого и будет наш первый рассказ.

По воспоминаниям учившейся вместе с Александром, ныне покойной, жительницы Даймища Т. М. Корочкиной, их учительница, готовившая Пушкину за различные шалости, непременно прибавляла: «Шурик, ты же потомок великого поэта, должен быть для всех примером!»

В конце 1919 года, когда семья бежала от большевиков, мальчик заболел, и мать вынуждена была оставить его в России. В 1926 году на одном из заседаний Даймищенского сельсовета было назначено опекунов Е. И. Букашкина над 14-летним Александром Пушкиным, который остался без родительского присмотра. Другой старожил Даймища, также покойная ныне, Н. М. Никитина (в ее доме в те годы проходили школьные занятия), однажды показала фотографию Александра с надписью на обороте: «На добрую память, от друга. Уч. IV кл. А. Пушкин. 1929 год», пояснив, что карточка прислана уже из Эстонии, куда вслед за матерью выехал Александр. Дальнейшую судьбу подростка позволяют проследить материалы, опубликованные недавно Галиной Пономаревой (г. Тарту, Эстония).

Еще в 1924 году в «Последних известиях» (самая крупная русская газета Эстонии) среди материалов, посвященных 125-летию юбилею А. С. Пушкина, появилась статья врача и общественного деятеля Н. А. Колпакова «Последние Пушкины». Автор писал о потомках поэта, с которыми был лично знаком: его внуке Г. А. Пушкине, внуках племянниках Алле, Ирине и Александре (называя их правнуками),

а о последнем сообщал, что 12-летний Александр Пушкин пасет скот и живет у чужих людей в России и что долг русских эмигрантов помочь ему получить образование.

Статья Колпакова вызвала всеобщий интерес и была перепечатана во многих эмигрантских газетах (например, в берлинском «Руле»), на нее откликнулся живший в Бельгии внук поэта Н. А. Пушкин. Примечательно, что правнук А. С. Пушкина Григорий, родившийся в Нарве, совершенно не интересовал русских эмигрантов в Эстонии, тогда как судьба внучатого племянника поэта привлекла большое внимание. Этому можно найти ряд объяснений.

Во-первых, в газеты проникла ошибка, в результате которой отчество подростка звучало, как у поэта. В мае 1926 года Александр приехал в Нарву, где в русской гимназии работала его мать и учились сестры, и присутствовавшие в городе гости «крайне заинтересовались прибывшим правнуком нашего великого поэта (тоже Александр Сергеевич)».

Не последнюю роль сыграла здесь и гибель отца мальчика, который, участвуя в походе Врангеля, в 1920 году был убит под Екатеринодаром. Журналист Я. Воинов связывал заслуги поэта Пушкина и белого офицера Пушкина перед Россией воедино, считая, что русские эмигранты в двойном долгу перед детьми погибшего «внука-бойца».

Как бы там ни было, акция помощи семье Пушкиных приняла международный характер. В Эстонии и Финляндии был объявлен сбор средств в пользу «правнука Пушкина». Немалую роль в этом деле сыграл проживавший в США некий Б. А. Федотов, приславший матери денежную сумму, на которую можно было «вызволить мальчугана из советской России», а по приезде Александра продолжил финансовую помощь – ведь тот обрел семью, но попал далеко не в рай. А газета «Последние известия» в июне 1926 года писала, что юный Пушкин чуть не стал жертвой советских педагогики и политики: «Растлители детских душ не только пытались сделать из правнука Пушкина невежественного и нищего деревенского пастушонка. Они пытались замутировать чистый родник детской души и воспитать из даровитого русского ребенка изломанного калеку комсомола».

«В русском зарубежье, как известно, был культ Пушкина, – заключает Пономарева. – День русской культуры... обычно приурочивался к 6 июня, дню рождения Пушкина. Традиция же проведения Дня русской культуры возникла по инициативе русских Эстонии в 1924 году. И в том же 1924 году русские Эстонии обратились с призывом к эмигрантам помочь потомку Пушкина, попавшему в тяжелое положение. Я считаю, что эта международная акция помощи молодому Пуш-

кину помогла сплочению русских эмигрантов. В какой-то мере она способствовала и объединению русской эмиграции в 1937 году вокруг празднования пушкинского юбилея». А о праздновании собственного юбилея – наш второй рассказ.

...В марте 1937 года газета «Русское слово» (Варшава–Вильно) рассказывала о торжествах, устроенных Пушкинским комитетом в польском городе Торунь:

«На возвышении рядом со сценой среди зелени установлен был прекрасный портрет поэта, украшенный пальмовыми ветвями, перевитыми трехцветной национальной лентой... Начался вечер с чтения вступительного слова писателя Ив. Шмелева, которое было прослушано с большим вниманием всей публикой. Далее следовала декламация: Юра Рябов продекламировал "Зиму", а Галя Сиренко – "Молитву"... Пляска крестьян из 1-го акта оп. "Евгений Онегин" была прекрасно исполнена учениками школы ритмики г-жи Бутузовой... Красочен был "Боярский танец" в исполнении трио Лисовских... В заключение – живая картина "Пушкин и няня", поставленная с большим старанием и продуманностью, на фоне которой так мило и душевно звучали слова стихотворения "К няне" Пушкина, произнесенного маленькой Ниной Ивановой. После чего розданы были на память молодежи книжки-памятки о Пушкине и его портреты.

Спасибо сердечное всем потрудившимся в деле достойного чествования нашего гения А. С. Пушкина, которое дало возможность нам вспомнить свое доброе-старое-родное, а молодежи нашей увидеть и услышать то "родное", о чем старики им рассказывают!...»

Для нас эта заметка интересна тем, что первый из упоминаемых здесь декламаторов имеет самое непосредственное отношение к Верхнему Оредежу.

Фамилия Рябовых хорошо известна ныне в нашем районе и восходит к даймищенскому крестьянину-старообрядцу Ивану Семенову, жившему в конце XVIII века. В веке же XX отец Юрия Василий, участвуя в походе Северо-Западной армии, после разгрома войск Юденича под Петроградом волей судьбы оказался на чужбине. А его сыну ощущение своей причастности к русской культуре, своей связи с ней давало коллекционирование предметов русского искусства. И именно тогда, в День русской культуры 1937 года, 13-летний подросток положил начало своему собранию – приобрел в библиотеке русского храма в городе Торунь работу художника Билибина.

Впоследствии свою деятельность коллекционера Ю. В. Рябов сочетал с учебой в университетах Германии и США, постоянно получая стипендии за отличную учебу. За 60 лет он собрал около 1200 про-

изведений русского искусства, передав в 1990 году свою обширную коллекцию музею Зиммерли при Ратгерском университете (штат Нью-Джерси, США). Кроме того, в память родителей, Василия и Эмилии Рябовых, он передал университетской библиотеке 8 тысяч книг по русской культуре, а также убедил передать музею свое собрание известного американского коллекционера искусства советского андеграунда Нортон Доджа. Таким образом при Ратгерском университете был создан Центр русского искусства.

Дар коллекции Ю. В. Рябова его альма матер явился актом благодарности стране, которая помогла семье Рябовых найти завершение своим скитаниям. А начало этому собранию положил, напомню, праздник в честь нашего великого поэта.

Портрет А. С. Пушкина
Художник А. Златкин

Суйда.
Церковь Воскресения
Христовая, построенная
на месте старой, где
венчались родители
А. С. Пушкина.
Архитектор А. Семочкин.
Фото И. Савицкого

Суйда. Усадьба А. П. Ганнибала.
Фото И. Савицкого

**Георгий Штиль
в роли Самсона Вырина.
Фото И. Савицкого**

**Самсон Вырин и Дуня
в исполнении Георгия Натансона и Любови Тихомировой.
Фото И. Савицкого**

Батово. Выступает народный хор.
Фото Д. Рябова

Батово. На торжество прибыли гусары.
Фото Д. Рябова

Кобрино. Домик няни Арины Родионовны.
Фото И. Савицкого

Суйда.
Могила А. П. Ганнибала.
Фото И. Савицкого

Кирилл Лавров на 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина

Студенты из Африки на пушкинском празднике

Молодежь с удовольствием участвует в соколиной охоте.
Фото И. Савицкого

**Известная певица Любовь Казарновская и директор
музея-усадьбы "Суйда" Андрей Бурлаков.**
Фото И. Савицкого

Рождествено. Здесь слушали роговую музыку.
Фото И. Савицкого

Выра. Застолье в трактире "У Самсона Вырина"
Фото И. Савицкого

История. Краеведение.

Александр Сёмочкин

Храмы Верхнего Оредежа

Лет двадцать-двадцать пять назад, когда о религиозном возрождении России еще и слыхом не слыхивали, приезжавшие к нам гости со всех окраин огромной державы, чаще всего это были москвичи, поражались обилию действующих храмов в нашей местности. «Как, – восклицали они, – на двадцатикилометровом пространстве у вас шесть действующих церквей, да еще одна из них – староверческая?! Феноменально! Да вы представляете ли себе, что в полуторамиллионном Свердловске один (!) храм, и тот кладбищенский? Что в Калининградской области нет ни одного! Что в Москве и Ленинграде в среднем один храм приходится на миллион населения? А у вас – шесть храмов на – дай Бог – пятьдесят тысяч постоянных жителей!»

Было, в самом деле, чему удивляться. Впрочем, мы, аборигены, к нашим церквям привыкли и считали, что так и должно быть и, уж во всяком случае, ничего необычного в этом факте нет. Скорее, подсчет вели храмам погибшим – вот в Никольском стоит руина вечным укором нам и нашим отцам, вот в Орлине танцульки в наосе храма, а с бывшего амвона гроыхает оркестр. Вот обезглавленная белогорская церковь, вот разрушенная ящерская, вот гибнущая елизаветинская...

Перед революцией в пределах Верхнего Оредежа было не менее 15 православных церквей, два лютеранских храма, один старообрядческий, один католический и около дюжины часовен. Поэтому то, что уцелело к моменту гибели самой советской власти, нас, местных, совсем не впечатляло.

Но хотя и не плыл над долиной реки по праздникам малиновый звон, подхватываемый семью церквями, стоявшими на берегу, хотя не ходили, как некогда, тысячные крестные ходы на Иордань – святить воду на Богоявление или обходить выгоны на Георгия летнего (6 мая), – все равно незримо и неслышно работали наши храмы на осияние местности Благодатию Святого Духа. В этом одна из главных причин едва ли не осязаемого очарования нашей округи.

Итак, назовем их поименно, живых и погибших, малых и великих, державших и держащих по сей день твердь небя на своих крестах над нашими головами. И начнем сверху, с истоков Оредежа, и даже чуть выше, с усадебного комплекса Дылицы князей Трубецких. Сегодня – это окраина станции Елизаветино: прекрасный в своих камерных, непарадных формах дворец, и недалеко от него, в парке – руина церкви Владимирской иконы Божьей Матери. Лет десять назад барабан купола с очаровательными, барочными, то есть выполненными

ми в стиле барокко наличниками окон, был еще жив, и еще можно было его спасти, укрепив.

Но этого не случилось. А такого храмового барокко не то что в округе – пожалуй, до московских пределов не сыскать, да и мастер был велик и знаменит: Савва Чевакинский. Его колокольня Николы Морского на Крюковом канале в Петербурге настолько хороша, что впору было бы ей быть эмблемой великого города. По всем данным, именно он сооружал усадебный комплекс Дылицы, и было это в 1765 году.

А в пяти километрах от Дылиц среди холмов, лесов и полей сияет небывалой зелено-синей водой озеро Донцо (Кюрли-Ярви), по противоположным берегам которого расположились две деревни – Донцо и Пятая Гора. И когда подъезжаешь к этой Пятой Горе, случается легкий шок – настолько местность напоминает какой-нибудь остров Лемнос в Эгейском море, и все потому, что пологие зеленые холмы, избегая все выше, венчаются дивной красоты белокаменной ротондой, совершенным антиком.

Только подойдя поближе, начинаешь понимать, что перед тобой не более чем руина, остаток величественного сооружения по имени Храм Святыя Троицы, или попросту Троицкая церковь. Эллипсообразная в плане, церковь несла над собой один центральный купол, который давно рухнул, и два полукупола над абсидами, – а их здесь именно две – кроме восточной, алтарной, была и западная, входная. Это необычно для русской храмовой архитектуры, но в этой постройке много необычного. В качестве строительного материала был здесь применен местный известняк, а распор купола гасился мощной кованой полосой стали – затяжкой. Цоколь сооружения облицован известняком-ракушечником, наподобие того, что добывался в карьерах Пудости и из которого сделан стилобат Приоратского замка.

Подвалы завалены рухнувшим куполом, а в них наверняка была размещена усыпальница владельцев рядом стоящей усадьбы. Ими в пору строительства храма, который возводился в первой половине XIX века, были Брискорны. И не те ли это Брискорны, в доме которых на Галерной улице в Петербурге квартировал после своей женитьбы Пушкин?

Усадьба славилась своими конюшнями, в которых выращивались великолепные лошади для императорской гвардии, а потом карьерами, где добывалась гажка – измельченная смесь известняков и доломитов, после отжига дававшая отличный портландцемент.

Что касается церкви, то о ее восстановлении раньше говорить было бессмысленно – в округе четыре маленькие деревни со стариками. Однако теперь туда потянулись богатые дачники, и возможность восстановления есть. Как всегда – нужен человек, который бы не пожалел нескольких лет своей жизни на это дело. А может, и весь остаток жизни. И Господь воздал бы ему.

Одна из основных бед России на сегодня – недостаток предпринимчивости в людях. Советская власть почти восемьдесят лет отбивала руки тем, кто тянулся с какой-то инициативой, и отбивала настолько успешно, что извела этот тип людей почти под корень.

Пока все, на что смогла подняться человеческая рука, – это поставить деревянный крест перед церковью. Но и такое малое обнадеживает.

Дальше по реке до самого Рождествена храмов нет и никогда не было, что странно, потому как кроме современного пятиэтажного Батова там есть старинная и весьма протяженная деревня Даймище. Храм здесь не состоялся по той же причине, что и в Лампове, – основное население деревни было староверческим, в «никонианские» храмы они не ходили, а свои строить им до поры не разрешали. И молебного дома особого у даймищенских староверов, похоже, не было, старики, во всяком случае, заявляют, что собирались на молебны в частных домах.

Зато в близлежащем Рождествене в разные времена было пять храмов, и судьба каждого из них – это страница отечественной истории.

Древнейший храм возник здесь ориентировочно в XIV столетии, а возможно, и раньше, веке в XIII, в период мощного расцвета Господина Великого Новгорода, в состав которого входила и оредежская земля.

Во всяком случае, в конце века XV, как свидетельствует Окладная книга, здесь был не только храм Велика Николы, но и целый ряд мелких деревень – Погост Грезенский, Замостье Грезенское, Усть-Грезна, Свиная Гора и т. д. Существовали в то время и Батово, и Даймище (Дамнище), и Грязно, и село Выра, и Рыбицы. А храм Велика Николы был центром этого плотно заселенного района, центром Никольско-Грезневского погоста. О его таинственной судьбе и легендах, с ним связанных, рассказывалось, впрочем, в первом номере альманаха «Оредеж».

Мне же хотелось бы здесь поговорить вот о чем.

Традиционно наша земля была заселена двумя племенами, относящимися к разным народам – к финно-уграм и славянам. Первые пришли на эту землю раньше славян, но и они не были пионерами.

Сразу после того, как растаял гигантский ледник последнего Великого оледенения, и после того, как в многочисленных озерах завелась рыба, а выросшие леса заселило зверье, сюда пришли первые люди. Это были финно-угры «первой волны», и о них мы практически ничего не знаем, кроме того, что они – примитивные охотники, рыболовы и собиратели живности, ютившиеся в землянках. Отброшенные «второй волной» финно-угров на самую окраину ойкумены, они сохранились как реликт за гранью выживания – на территории севернее полярного круга. В России их зовут саамы или самоеды, в Финляндии – лаппи или лопари.

Сменившие их финно-угры «второй волны» были лучше организованы, они умели уже обрабатывать, самым, правда, примитивным способом, землю и имели домашних животных. Очень скоро они растекались по громадным просторам северо-востока Европы, от Таймыра до Атлантики, везде создавая примитивную культуру, но вследствие огромности территории почти не контактируя друг с другом.

В пределах нашей области выделились две группы племен – северная и южная, скоро ставшие непохожими друг на друга почти во всем. Северные финно-угры занимались скотоводством и время от времени ловлей рыбы. Их самоназвание – карьялайнен, то есть скотоводы, а их земля – Карья-маа, наша Карелия. Это страна сумрачных падей, лососевых затонов на реках, скал и неприветливого народа Похьелы, как повествует Калевала.

Южнее жили те, кто обрабатывал землю подсечным способом и иногда охотился – инкерилайнен. Свою землю они звали Инкери-маа; основные племена этой группы – ижора, водь и вепсы. Они жили в полуземлянках, не умели обрабатывать металл и могли бы считаться тоже примитивным народом, если бы не оставили нам поразительное по красоте собрание рун – народных баллад и песен, записанных Ленротом под именем Калевала.

Но вот в VIII веке пришли сюда славяне. Пришли они с запада, с Полабья, с Лужичанья, теснимые германскими племенами все дальше на восток. Их вторжение, впрочем, прошло почти незамеченным для местного населения, что ставило исследователей в тупик – почему столь болезненное для аборигенов событие оказалось никак не закрепленным в народной памяти?

Оказалось, что туземцам и пришельцам было попросту нечего делить. Ведь финно-угры по корням своим – степняки, они относятся к одной из ветвей желтой расы, а их прародина – великие равнины Центральной Азии. Вода не была их стихией, они побаивались ее, как побаивались ее и южные, степные, славяне («Кто на море не бывал, тот и горя не видал!»). И те и другие не любили и леса, но ижорцы, скажем, относились к лесу с почтительной осторожностью, а южные славяне – с неприязнью и даже враждебностью. Поэтому финно-угры селились на сухих водоразделах, на куполах этой сыроватой земли, выжигая вокруг себя лес. Любая финская и ижорская деревня и сегодня торчит на юру, подставив себя под все ветры Вселенной, как, впрочем, и деревня южнорусская. Напротив, северные славяне тяготели к воде и лесу. Вода была идеальной транспортной артерией, что летом, что зимой по льду, а славянин не представлял себе жизни без общения, без торговли, без, чего греха таить, разбойных походов. Лес же был кормильцем, защитой и обогревом.

Поэтому и сегодня достаточно посмотреть на деревню – как стоит, как относится к воде и лесу, – чтобы определить ее первичную национальную принадлежность. И славянское нынешнее название де-

ревни не должно смущать – все эти в чистом поле стоящие Лампово, Большево, Ляды, Голино, Тиховицы и Поддубья в основе своей поселения финно-угров. А вот Рождествено, Сиверская или Орлино – завод славян. Все это хорошо видно на примере, скажем, Выры. Там смешанное население, и Старая Выра, расположенная на высоком холме над долиной, заселена Игоненами, Рандолайненами и Лаунерами и по сей день, нижняя же часть, у реки – сплошь славянская.

Теперь о погостах. Три из известных нам центров этих погостов располагались либо на речке, либо на берегу озера. Это уже упомянутый нами погост Велика Николы на речке Грезне, это Суйдинский погост на реке Суйде и Спас-Орлинский погост на берегу Орлинского озера. В случае Суйдинского погоста даже были отвергнуты близлежащие Елицы на холме – место более высокое и, что называется, видное по сравнению с деревней Погост, где этот погост и находился.

Мы доподлинно не знаем, где именно располагался погост Дяглицкий, четвертый из этого ряда, но ясно лишь одно – именно эти четыре погоста составляли северо-западный угол тогдашней Руси.

После падения Великого Новгорода наши земли, как известно, были захвачены Швецией.

К этому времени Швеция была уже не католической, а протестантской державой, к православным отношение было едва ли не враждебное, во всяком случае, и славяне, и ижорцы потянулись на юг, в российские пределы, а вслед им пришли переселенцы – финны из Саволакса, потому их называли савакоты. Они тоже исповедовали лютеранство, и к началу XVIII столетия православных храмов в округе не осталось. Зато были основаны три лютеранских прихода.

Понятно, насколько насущной проблемой было восстановление православной церковной жизни после возвращения земли Инкери в состав России. Однако, в отличие от ижорцев и водичей, савакоты не особо стремились переходить в Православие, они и по сей день традиционно придерживаются лютеранства, которое было привито им шведами.

С основанием Петербурга сюда, на полупустую, полуосвоенную землю, пришло много славянского и прочего народа. Появились немецкие, эстонские колонии, дворянство же наше было почти сплошь иноземным: Брискорны, Лагранжи, Бели, фон Крузе, Витгенштейны, Сиверсы, Корфы, Буши и Вонлярлярские с Любощинскими.

Строительство православного храма в Большой Грезной деревне, как тогда именовалось Рождествено, было начато по благословению новгородского митрополита Иова в 1713 году и в том же году завершено. Освящена церковь дважды – в 1713 и 1716 годах. Это происходит, как оказалось, достаточно часто, когда первое освящение производит иерей, священник, а второе – архиерей, епископ. По просьбе жившего тогда в Рождествене царевича Алексея Петровича, наслед-

ника российского престола, церковь освятили в честь Рождества Пресвятыя Богородицы и Приснодевы Марии. Большая Грезная деревня стала селом Рождественное (так в документе 1715 года), с середины XVII века – Рожествено, а в XIX веке – Рождествено. Царевич же в 1716 году бежал за границу, как описывает это бегство В. Набоков, по теперешнему Киевскому тракту в Литву и далее в Кесарию. В 1718 году он вернулся в Россию затем лишь, чтобы умереть. О его кончине ходят самые разные слухи, строятся фантастические предположения. Официальная версия гласит: умер в Петропавловской крепости от сердечного приступа, не дождавшись казни. Поверить в это можно, поскольку этот великан (2 метра 11 сантиметров) особым здоровьем не отличался: современники отмечали землистый цвет лица, впалую грудь и мутный взор.

Неофициальная же версия утверждает, что несчастный царевич был убит самим Петром – заporот до смерти на дыбе в припадке ярости (припадки с великим государем действительно случались, и нередко).

В этой истории так много внутреннего напряжения, что хочется снять лишнюю энергию путем построения определенной закономерности. Скажем так: три великих российских тирана, Иван IV, Петр I и Сталин, имели в детях совершенно одинаковую судьбу: старший сын и наследник престола убит самим отцом, младший слаб и скоро умирает, род пресекается решительно и беспощадно. Можно возразить, что Яков Джугашвили был убит не отцом, но это неправда. И Якова, и миллионы других русских мальчиков, попавших в немецкий плен, Сталин убил лично, убил своей фразой: «У нас нет военнопленных, у нас есть предатели Родины».

Так вот, все это имеет прямое отношение к нашей рождественской Богородичной церкви. Якобы, предвидя свою трагичную судьбу, царевич Алексей Петрович наложил некое заклятие на род Романовых, и якобы это заклятие было записано и положено им в новопостроенном храме.

Это легенда, не более того. Однако действительно трагично закончилась жизнь и самого царевича, и его венценосного отца, да и всей династии, поскольку со смертью в 1730 году императора Петра II (в 15 лет!) род Романовых прекратился, и если даже признать Павла I законным сыном Петра III (Карла-Петра-Ульриха Гольштейн-Готторпского), то это будет уже другая династия, имеющая касательство скорее к Гогенцоллернам.

Судьба церкви оказалась печальной. Началось все с жалоб прихожан. Церковь стояла на крутом холме на берегу Оредежа, и подъем к ней со стороны села был затруднителен, а в зимнее время зачастую почти невозможен. Наверное, сыграла тут свою роль и легенда о «заклятой» церкви, короче – народ требовал себе другой храм.

Служили в ней до 1785 года, когда наконец на противоположном берегу реки и точно на том самом месте, где стоит сейчас краснокирпичная Рождества Богородицы церковь, была построена деревянная, также во имя Рождества Пресвятыя Богородицы церковь, а из храма царевича Алексея были изнесены престол, жертвенник и антиминс, и таким образом церковь превратилась в часовню, в каком-то качестве – кладбищенской часовни – она просуществовала, все ветшая, до советских времен. Разобрали ее в 1926 году, причем бревна были настолько еще крепки, что решением правления колхоза их отдали одной крестьянке для постройки хлева. Так закончил свое существование второй рождественский храм.

Уже несколько лет обсуждается идея строительства на месте этого храма часовни в память двух убиенных царевичей Алексеев – Алексея Петровича и Алексея Николаевича (последний расстрелян вместе с семьей в 1918 году в Екатеринбурге). Идею эту поддержал живший тогда в Рождествене вице-губернатор Петербурга Валерий Иванович Малышев, и стоять бы уже часовне, но судьба распорядилась по-своему – Валерий Иванович внезапно скончался, а без него дело встало.

Будет ли увенчан третий холм в излучине реки, в самом центре села, православным крестом над новой часовней, покажет время. А пока на старом кладбище лишь две полуразрушенные могилы вызывают общий интерес – могила матери К. Ф. Рылсеева, Анастасии Матвеевны (урожденной фон Эссен), и могила жены художника Ивана Ивановича Шишкина, Ольги Антоновны Лагоды-Шишкиной. И столетние сосны шумят под оредежскими ветрами, исполняя свой вечный реквием былом.

Третья церковь в Рождествене строилась как городской собор: указом императрицы Екатерины II в 1780 году Рождествено было поименовано городом, и по этому случаю был сочинен генеральный план города, герб и статус.

В герб города герольдмейстер Волков поместил тот самый холм, на котором стояла церковь царевича Алексея (напомним, что в 1780 году она была еще действующей).

А в 1786 году был построен и освящен собор во имя Вознесения Господня (празднуется на сороковой день после Пасхи), причт состоял из священника, дьячка и пономаря, позднее утверждена должность диакона. В таком составе причт был до 1797 года, с ликвидацией города Рождествено был ликвидирован и штат церкви, с тех пор Вознесенская церковь собственного прихода не имеет.

То, что сегодня возвышается на действующем «новом» Рождественском кладбище, только остов величественного сооружения, построенного в блистательную екатерининскую эпоху. Храм имел высокую и мощную отдельно стоявшую колокольню, сама же ротонда храма (восьмерик на четверике, купольный) была окружена колоннадой –

четырьмя четырехколонными портиками. Все это великолепие погибло во время пожара, обновление храма было совершено в 1845 году, но ни колоннады, ни колокольни более у этого замечательного сооружения эпохи архитектурного романизма не было. Служба совершалась там эпизодически – на престольные праздники и в дни поминовения усопших, в 1937 году обе церкви села Рождествено были закрыты.

Объявленная памятником архитектуры в 1950-е годы, церковь стояла бесхозная и заброшенная, густо украшенная надписями типа «Здесь был Вася» и еще похлеще, пока в нашей стране не наметился в 1990-е годы робкий религиозный ренессанс. Нашлась в селе добрая душа, живая христианка («Не стоит село без праведника!»), взявшая на себя труд вместе с детьми чистить, убирать и сколько можно благоустроить и кладбище, и церковь, и чьими трудами теперь уже в храм войти не стыдно. Зовут ее Наталья Антипова, и да зачет ей все ее труды Господь!

Как уже говорилось, церковь царевича Алексея стояла на крутом холме, дорога к ней со стороны села была труднопроходима, и потому местные крестьяне просили поставить другую церковь в более удобном месте. В 1785 году их желание было удовлетворено – новая деревянная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы была освящена. Стояла она на том самом месте, где сейчас находится действующая Богородичная церковь. Как она выглядела, нам трудно представить, поскольку изображения ее нет. Во всяком случае, она была невелика по сравнению с нынешней: могилы священников и почетных прихожан, находившиеся около алтаря деревянной церкви, при строительстве каменной оказались внутри храма, и могильные плиты пришлось разместить на цоколе новой церкви.

11 сентября 1837 года страшный пожар уничтожил церковь вместе с частью прилегающей к ней Церковной улицы. Надобно сказать, что 11 сентября является в Православии одним из трагических дней в году – в этот день церковь поминает усекновение головы, то есть убийство через отсечение головы, Крестителя и Предтечи Господня Иоанна.

Иоанн был на полгода старше Иисуса Христа и доводился ему двоюродным братом по материнской линии. Он проповедовал покаяние и обличал царя Иудеи Ирода Четверовластника (то есть правителя четвертой части римской провинции Палестины), сына Ирода Великого. Этот Ирод жил в блуде с женой брата своего Филиппа, Иродиадой, которая ненавидела Иоанна за его обличения и всячески искала его смерти. Случай представился во время праздника в честь дня рождения Ирода. На пиру плясала юная Саломея, дочь Иродиады, и очень угодила царю. Тот в запале пообещал выполнить любую просьбу Саломеи, а она, наученная матерью, попросила голову Иоанна Предтечи. Царь опечалился, но слово дано, и голова Иоанна на блюде была ей представлена.

С тех пор в мире весьма часто 11 сентября происходят всякие трагические события.

Казалось бы, после гибели деревянного храма церковная жизнь села должна была сосредоточиться в Вознесенском соборе, но нет, церковь Вознесения Господня так и осталась заштатной, а временная приходская церковь была устроена в усадебном доме госпожи Ефремовой (ныне усадьба называется по имени последних владельцев Рукавишниковых и даже Набоковых, хотя к последним она отношения почти не имеет).

Церковь разместилась в столовой на первом этаже, в правой анфиладе. Те, кто учился в школе, располагавшейся в усадьбе, помнят, что тогда это был спортзал. Расположение помещения, однако, таково, что алтарь и престол пришлось разместить у северо-западной стены, что, конечно же, противоречит православной церковной практике. Поэтому прихожане обратились однажды к проезжавшему через село государю Николаю I с недоумением – правомочно ли молиться в такой церкви? Государь в свою очередь обратился к сопровождавшему его митрополиту. На что тот, подумав, ответил: нет правил без исключений, и не человек для субботы, а суббота для человека, а Бог – он везде, на юге и севере, на востоке и западе.

Когда именно совершилась закладка нового кирпичного здания церкви, нам неизвестно, известно только, что строилась она долго, никак не менее 15 лет. Чертежи церкви составлены архитектором Г.И. Карповым. Авторский надзор за строительством осуществлял, однако, другой архитектор, И. И. Буланов, о чем свидетельствуют записи в церковных книгах.

9 сентября 1885 года новая церковь Рождества Пресвятыя Богородицы была освящена. Замечательны рассказы местных жителей о методе заготовки кирпича для этой церкви. Всего требовалось для постройки около одного миллиона штук кирпича, причем он должен был быть однородного алого цвета, поэтому года два длились поиски достаточно больших залежей глины, пригодной для этого. Пласт глины был найден в лесу за полями сортоучастка, в местечке, называемом Красный Маяк. Заложили сразу четыре печи, работа продолжалась несколько сезонов.

Благоустройству и благоуукрашению храма много содействовал миллионер Иван Васильевич Рукавишников, хозяин двух рождественских усадеб – ныне существующей и погибшей в 1944 году «нашей Выры», в слободке за рекой.

По этим заслугам Рукавишников получил право построить в пределах церковной ограды фамильный склеп. Был он «в форме пасхи» из белого итальянского мрамора (так называемого каррарского, по месторождению близ Рима). Первым лег в него старший сын Рукавишниковых – Владимир, умерший от чахотки в 16 лет. Вскорости легли туда и родители – Ольга Николаевна (урожденная Козлова) и Иван Ва-

сильевич. Их дети, впрочем, похоронены в других местах. Сын Василий умер под Парижем в 1916 году, дочь Елена – в Праге в 1939 году. Род Рукавишниковых на них пресекался.

Одновременно со склепом был заказан в Италии, по некоторым сведениям, и резной мраморный иконостас для Рождественской новой церкви. Он был исполнен, привезен в Россию после смерти Ивана Васильевича и исчез, якобы спрятан где-то до лучших времен в те смутные военные предреволюционные годы. Попытки найти его предпринимались, конечно, но достаточно робко. Что ж, всему свое время.

«Пятилетки безбожия» и позднейшие годы прокатились по нашим храмам паровым катком. Были закрыты и поруганы многие храмы, закрыты были в 1937 году храм Рождества Богородицы и Вознесенский. К чести местных жителей, они не опустились до мародерства: в закрытых церквях ничего не пропало ни из утвари, ни из внешнего убранства. В 1942 году по просьбе верующих оккупационные власти открыли церковь, в Рождественском «лагере перемещенных лиц» нашелся священник из Красного Села, который стал служить в храме. Говорят, первые его проповеди были жгуче антисоветскими.

Как бы там ни было, церковь Рождества Богородицы больше не закрывали. Хотя в конце 60-х и в начале 70-х годов она сильно обветшала, в алтаре стояли во время дождя тазы, туда лилась с потолка вода, отваливались пласты штукатурки.

Все, слава Богу, изменилось с приходом на служение отца Владимира. Он сумел и жертвователей найти, и общину сплотить, и обновить сверху донизу храм.

Что до стоявших в разные времена в Рождестве часовен, то их число тоже приближается к пяти. Прежде всего, это кладбищенская, царевича Алексея, церковь, переоборудованная в 1785 году под часовню. Хотя мы имеем и другие сведения – что в 1815 году гатчинский купец С. Юдин разобрал старую церковь царевича Алексея, сделав из нее часовню, а престол и иконостас были перенесены в новую деревянную церковь Рождества Богородицы, где был сооружен каменный (?) придел во имя Святителя Николая.

Другая часовня была поставлена на месте сгоревшей в 1837 году церкви, тоже во имя Рождества Богородицы. В ней отпевали покойников и крестили детей (как известно, само слово «часовня» восходит к «часам» – особо хронологически обозначенным церковным чтениям, совершаемым во время всенощного бдения в храме или читаемым над усопшим до его погребения).

Об этих двух часовнях мы имеем сведения доподлинные. О трех других – не более чем слухи, предположения, версии. Однако отметим и их.

Прежде всего хочется обратить внимание знатоков истории на одну несообразность, присущую рождественской усадьбе. Она выстроена в духе строгого классицизма, а в основании его лежит принцип

жесткой симметрии. В самом здании это выдержано, но центральная аллея парка своей осью «стреляет» мимо парадного фасада дома. Это – нонсенс для классицизма.

Лишь рассматривая план города Рождествена 1870 года, понимаешь, что ось главной аллеи направлена не «в никуда», а в очень значимую деталь административной площади города – именно в часовню, стоявшую посреди этой площади. Была ли построена эта часовня или все осталось только на бумаге (город Рождествено просуществовал всего 18 лет), нам точно неизвестно. На некоторых старинных чертежах она вообще располагается сотней метров южнее, через подъездную дорогу, рядом с тогда же утвержденной почтовой станцией (в 1800 году почтовую станцию перевели в Выру). По-видимому, только серьезные археологические исследования смогут дать ответы на подобные вопросы, и сотрудники музея-усадьбы «Рождествено» намерены их производить по завершении реставрации самого дома.

О другой, четвертой (будем так считать), часовне мы тоже почти ничего не знаем. Якобы на месте или рядом с этим местом, где провалилась под землю древняя новгородская церковь «Велика Николы на речке на Грезне», была местными доброхотами поставлена часовенка в память о погибшем храме. Действительно, в Православии существует традиция ставить на месте бывших храмов часовню, чтобы место, где стоял престол или жертвенник, не было даже случайно осквернено.

В период шведской оккупации наших земель сооружение такой часовни было едва ли возможно: лютеране-шведы относились к Православию чуть ли не враждебно, народ покидал этот край, откатываясь в южные российские пределы. Часовня могла быть возведена в веке уже XVIII, акт этот носил и политический характер: мы, русские, дескать, вернулись на земли, где издревле стояли наши святыни. По логике вещей эта часовня должна была называться Никольской, хотя, повторю, о ее судьбе мы ничего не знаем.

Столь же глухи свидетельства о пятой часовне, существовавшей предположительно рядом с церковью Вознесения. Тогда, в пору города Рождествена, в 1780-е годы, здесь располагалось не кладбище, а соборная площадь и торговые ряды, и проживал тут всякого рода торговый и ремесленный народ. Так что часовня вполне могла быть устроена по тем же житейским надобностям: в практике российской жизни не было завода держать умерших дома – они помещались в часовне, и все родственники и друзья покойного, сменяя друг друга, читали над умершим «часы», прощаясь с ним, – и так до самого предания тела земле.

Такова вкратце история рождественских храмов и часовен. О последних трех, впрочем, в церковных хрониках 1880-х годов уже нет и упоминания, они исчезли ранее. Когда и почему – предмет исследований будущих краеведов. Из советских, коммунистических иллюзий мы постепенно возвращаемся к тем первичным ценностям, которые позволили нашим предкам построить самое большое государст-

во в мире, создать великую литературу, великую музыку и архитектуру. Эти первичные ценности незыблемы, сколько бы ни пытались их отменить ленины и троцкие.

Расположенная рядом с Рождественем деревня Выра на самом деле числилась селцом уже в XV столетии, следовательно, здесь была часовня (напомним, что в российской практике селом именовался сельский населенный пункт с церковью, а селцом – с часовней).

Век деревянных часовен недолог – 70, много 100 лет, и нужно строить заново. Часовни традиционно были посвящены одному событию священной истории или одному святому. На Выре это были святые Косма и Дамиан (Кузьма и Демьян по-деревенски), их память отмечается дважды в году – 14 (по ст. ст.) июля и 14 (1) ноября. Почему так? Объяснение простое – это разные Косма и Дамиан. Обе пары братьев жили в III веке, по-видимому, старшие из них были те, чья память отмечается в ноябре, их называют Асийскими, то есть они происходят из римской провинции Асии. Прославились они как целители и строители, чудотворцы и бессребреники (то есть не мздоимцы, не бравшие за свои труды никакой mzды).

Вторая, более поздняя, пара братьев во всем подражала своим предшественникам, и их тоже чтит Православная церковь.

На Выре, впрочем, как и в Рыбницах, престольный праздник отмечали только осенью, в ноябре, и «на Кузьму» съезжались к выричам родственники и друзья с окрестных деревень. Гуляли широко, по-русски, по три дня, но не безобразничали, поскольку праздник церковный.

Были периоды, когда в Выре часовни вообще не было, потом она появлялась опять. Предпоследняя появилась в начале 90-х годов XIX столетия, строили ее на народные деньги, но большой куш положен был богатой семьей Феофановых. Эта часовня пережила войну и была разобрана в 1949 году. В разборке активно участвовал и тогдашний председатель вырского колхоза «Вперед». Искали монеты, традиционно закладываемые в сруб при начале строительства. Действительно, во втором снизу венце с восточной стороны оказался ковчег, вырубленный в бревне, а в нем монеты. Но ни золота, ни серебра в нем не оказалось, а были здесь народные медяки, никому в ту пору не интересные.

Стояла часовня на том самом месте, где стоит и сейчас, напротив ворот Вырской почтовой станции. Напомним, однако, что в 1890-е годы почтовой станции уже не было, здания занимали земская школа четырехлетка (северный кирпичный корпус) и волостное правление (южный корпус), и, таким образом, часовня была обозначением административного центра, а также служила нуждам учащихся и учащихся.

В начале 80-х годов одновременно с Вырской почтовой станцией была восстановлена и часовня Космы и Дамиана, восстановлена со скандалом, поскольку подобная деятельность не поощрялась. В на-

стоящее время в часовне два раза в году (14 июля и 14 ноября) проводит молебны отец Владимир – с водосвятием и панихидой.

Необходимо упомянуть еще одну оредежскую часовню – именно меженскую, Флора и Лавра. Это тоже были братья, пострадали они во II веке, в период гонения на христиан, и приняли мученический венец. Поскольку они были воины, всадники, их в православной традиции чтят как покровителей конского, лошадиного промысла.

Меженская часовня «обетная», то есть построенная по данному обету. Легенда говорит, что в середине XIX столетия свирепствовал сап, лошади и прочий скот гибли сотнями, и тогда сход меженских граждан дал обет построить «обыденную» (то есть за один день) часовню, что и было сделано. Падеж прекратился, часовня же стояла до середины 1980-х годов, когда с расширением взлетной полосы Сиверского аэродрома был засыпан овраг и снесена верхняя часть деревни. Это была типичная «северная амбаронка» – срубик 4х4 метра с шатровой крышей, крытой щепой и крохотной главкой с крестом наверху. Поскольку в ту пору в Межно жило большое число староверов-раскольников (55 душ на 1885 год, скажем, в Выре – 10), то можно предположить, что и часовня была староверческая. Выборным пресвитером у них был вырский житель Марк Степанов.

В народной языковой практике имя Флор было преобразовано во Фрол. Флор в переводе с латинского означает «цветущий, процветающий», а Фрол не означает ничего. Память святых мучеников Иллирийских Флора и Лавра отмечается 31 (18 по ст. ст.) августа.

Елена Суланга

Отец Николай и ингерманландцы

Когда суды Твои совершаются на земле,
Тогда живущие научаются правде.

Исайя, 26:9

«Рыжий батяка» – так называли детишки высокого, статного, неизменно облаченного в черную рясу рыжебородого священника, проходившего каждый день по дорожке между церковью и его домом. Жил священник на улице Широкой в деревне Старосиверская. Во дворе росло высокое раскидистое дерево. Большая темной масти собака радостно встречала любимого хозяина. Дети рыжебородого священника учились в местной школе. Особенно выделялся старший сын, Серафим: за незаурядные способности учитель называл мальчика «мешком с деньгами», полагая, что он станет со временем хорошей опорой стареющему отцу. Матушка скончалась в 1933 году, тогда же не стало и младшего сына, еще младенца. Оба они нашли последний приют на местном деревенском кладбище. За оставшимися детьми ухаживала

дочь Верочка да еще пожилая монахиня Марина, которую в доме звали ласково Мариша.

Детишки из соседних домов считали, что прикосновение к «рыжему батьке» принесет им счастье. «Не батька, а батюшка», – назидательно поправляли их старшие. А ребятишкам хотелось потихоньку, чтобы никто не заметил, дотронуться до его черной рясы...

Дом священника находился неподалеку от церкви. Однако служить доводилось и в разных других церквях, зачастую вдалеке от дома. Но батюшка ни разу не жаловался на усталость и неизменно пребывал в бодром состоянии духа.

Церковь стояла на улице Школьной. Она была каменная, белоснежная. Под крышей вили гнезда ласточки. Аккуратно постриженный газон да вековые деревья украшали пространство между дорогой и Божиим храмом. А возле самого церковного здания находились чьи-то могилки, за которыми бережно ухаживали прихожане.

Вот, пожалуй, и все. Как называлась церковь? «Кажется, Преображенская. Точно не помню», – отвечали старые люди. Кто похоронен возле храма? «Не знаем. Говорят, какой-то святой. Но уже забыли». А как звали рыжебородого священника, служившего до войны в этих краях? «Отец Николай Шенрок». Старики называли имя батюшки не колеблясь, словно жил он не в далекие 30-е годы, а совсем недавно.

Феноменальный факт! Ничем не объяснимый. Они его помнят, помнят до сих пор. «Хороший такой, добрый. Всегда молился искренне. Голос тихий был, но слышали все. Подкидывшей крестил. Просфорки пекли для него. Вместе на большие праздники ходили в православную церковь, хоть и лютеране мы... За что с ним так обошлись коммунисты? Зачем надо было издеваться над стариком? Что вытворяла советская власть с людьми!»

У них было право обличать преступные действия правителей! «Но вы не шпионка? Вам можно довериться? Раньше нас бы за такие слова...» Нет, я не шпионка. И сейчас другие времена. Так что напишем правду, столь долго хранимую вашей памятью. Ведь вы тоже, как и отец Николай, по-христиански относились к своим гонителям, не требуя от них денежной компенсации за свои страдания и потери, не испытывая жажды мщения.

Я говорю об ингерманландцах. Это они, лютеране, жители деревни Старосиверская, до сих пор помнят православного священника и сокрушаются о его нелегкой судьбе.

А вот многие прочие, увы, ничего уже не знают о былых временах.

В середине 30-х годов шло массовое осквернение церквей, направляемое властями. И белоснежный Преображенский храм, построенный, казалось, на века, не миновала общая участь. Колокола снимали и выбрасывали. Люди стояли на коленях и плакали: «Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят...» Некая молодая коммунистка все

ждала, когда наконец ненавистная ей церковь превратится в клуб с танцплощадкой. Ее заветная мечта – сплясать краковяк – осуществилась через год, однако радости не принесла никакой: во время танца девушка неожиданно поскользнулась и сломала себе ногу.

Еще какое-то время церковь просуществовала как клуб, там показывали кинофильмы и проводили танцевальные вечера. После войны, окончательно доломанная и обезображенная, она превратилась сначала в овощехранилище, а потом в кочегарку... («О, если б мне дали возможность, я бы силами моих прихожан постарался восстановить церковное здание!» – сокрушался отец Серафим, сын батюшки, приехавший в родные края в 80–90-е годы. «Как прекрасна сиверская земля! И как жаль, что сюда уже не вернуться», – стоя на обрыве у реки говорил он своей бывшей однокласснице).

В 1941 году, в последнем году пребывания на родной земле, отец Николай Шенрок недолгое время служил в церкви Петра и Павла на другом берегу Оредежа. Там же купил себе дом. Началась война. Семья священника испытывала все тяготы суровой годины. Сын Николай, молодой инженер, не вынес блокадной зимы – умер от голода. Два других сына, Сергей и Серафим, работали на немецком аэродроме ради куска хлеба. Старенькая Мариша скончалась незадолго до начала войны. Немного было прихожан в открытой при немцах церкви, в основном страдающие от голода древние старушки.

А затем судьба рыжеволосого батюшки резко изменилась. Летом 1942 года он переехал в Псков и занял там высокую должность – заместителя начальника Псковской православной миссии. С ним были и его дети. Серафим и Сергей избрали духовный путь: первый стал священником, второй – диаконом (впоследствии репрессирован). Никто из оккупантов не преследовал христиан, не обижал семью отца Николая.

После отступления немецких войск начались повальные аресты. Самого отца Николая в октябре 1944 года вызвали в НКВД «для бесе-

Протоиерей
Николай Стефанович Шенрок

ды», как сказал молоденький лейтенант, пришедший по его душу. Не попрощавшись с семьей, старый священник вышел из дома со своим сопровождающим. Но «беседа» затянулась на целых одиннадцать лет. Батюшку осудили по 58-й статье, как и всех священнослужителей, и отбывал он свой срок в одном из самых страшных лагерей: в казахстанском лагере «Долинка». Терпение и незлобивое всепрощение было свойственно отцу Николаю, как и многим осужденным пастырям.

В 1956 году семья встречала отца Николая на железнодорожном вокзале в Риге. Он был реабилитирован «за отсутствием состава преступления». Прежде высокий статный человек, по описанию тех, кто его знал, «рыжий плечистый варяг» превратился в хрупкого, маленького, сухонького старичка с подорванным лагерной жизнью здоровьем.

Он служил в Риге в церкви Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», в Благовещенской церкви, в Никольской церкви в Резекне.

Несмотря на физическую немощь, отец Николай до самой своей кончины выполнял пастырское служение; выйдя на пенсию, заменял болящих или ушедших в отпуск. 6 октября 1965 года в Юрмале у старого священника обострилась болезнь почек. Латвийская земля приняла его последний вздох. Согласно завещанию, прах батюшки был переезжен в Россию и покоем на его любимой сиверской земле рядом с могилками близких на местном (Куровицком) кладбище.

Такова судьба священника отца Николая Шенрока (1888–1965). Стоит добавить, что мать его была из знаменитого рода Загрязских, подаривших России красавицу Наталью Ивановну Гончарову, жену А. С. Пушкина, а отец – крупным царским чиновником. А вот лютеране, сохранившие память о «рыжем батюшке», были простыми людьми с крестьянским укладом жизни. Легче ли было в те годы им, представителям репрессированного народа Ингерманландии, ныне исчезающего, в чьей памяти запечатлен образ доброго пастыря отца Николая Шенрока?

В конце 30-х годов вышел преступный приказ властей о ликвидации преподавания финского языка и литературы в средних школах. Сталинская политика была направлена на создание образа некоего «дикого финна с ножом в руках». Уничтожались культура малых народов, самобытность, традиции. Стирались этнические корни путем перемены фамилий, например с Хяргинен на Быковых. Массовое внедрение колхозов по всей стране приводило к полной нищете крестьян. «Шла корова из колхоза, слезы капали на нос. Отрубите хвост по ж..., не пойду больше в колхоз», – сочинялись неутешительные частушки того времени. Крестьянские детишки лишились молока и не получали в достатке хлеба. Взрослых и даже подростков за неповиновение властям, в частности за нежелание идти в колхозы, могли в любой момент забрать в НКВД. Сколько матерей и вдов оплакивали своих близких, расстрелянных, сосланных в Сибирь или пропавших без вести! Люди

могли в любую минуту лишиться жизни, попиралось не только человеческое достоинство, но и свобода вероисповедания. Так, пастор Кобринской кирхи Вирронен был застрелен между снопов ржи советскими солдатами; кирха была переделана под артель для слепых и впоследствии кем-то сожжена.

Когда немцы вступили в Старосиверскую, некоторые местные жители отнеслись к ним лояльно. «Немцам было все едино, русские или финны»; «Они не брали лишнего, могли взять сколько надо, но не доводили нас до нищеты»; «При немцах открывали церкви, никто не преследовал молящихся», – вспоминают старики. Не всем немцам, в принудительном порядке отправленным на фронт, нравилась политика Германии. Встречались среди них даже пацифисты. Люди везде есть люди... Однажды, после того как партизаны убили немецких офицеров, велено было повесить нескольких местных мужиков. Неподдалеку от полуразрушенной церкви каратели воздвигли виселицы. По жребию жертвами оказались все три сына одной матери. Та в ужасе кинулась к карателям: «Мои сыновья не убивали!» Казнь не состоялась.

И все же они были захватчиками на этой земле. А для ингерманландцев та земля, на которой когда-то поселились их далекие предки, уже успела стать родиной. Родиной, которую, увы, их заставили покинуть немцы в октябре 1943 года.

Им дали 24 часа на сборы. Велено было взять все самое необходимое и оставить обжитые дома: мол, вернетесь, когда закончится война. В деревне стоял плач. Люди спешно пекли хлеб, готовясь в дорогу. Одна пожилая женщина вспоминает, что ей, тогда еще девочке, непосредственно перед отъездом пришлось срочно возвратиться в деревню: в доме остался запертым кот. Надвигалась ночь, стусились сумерки. Почти нигде не горел свет. Лаяли собаки, кричала оставленная скотина. Продвигаясь в полной темноте, девочка с подругой смогли найти дом и выпустить на свободу кота. Но зрелище обезлюдевшей деревни стало одним из самых страшных воспоминаний военного времени. А потом они вернулись к месту транспортировки и вскоре отправились в путь.

Их поместили в вагоны для скота, неудобные, но все же отапливаемые. Депортированные люди были доставлены в Эстонию, в концентрационный лагерь Клоога. Здесь им предстояло пробыть некоторое время до отправки в Финляндию. В лагере они работали. Немцы кормили их лагерной баландой, сваренной в котле. Одна миска такой баланды за отсутствием посуды выдавалась на троих человек.

Дальнейшее перемещение интернированного народа было морем. И тут разыгралась настоящая трагедия. Корабли шли по Финскому заливу с потушенными огнями, в полной темноте. Их бомбили советские самолеты («Именно бомбили, напишите – бомбили, а не обстреливали!» – попросил очевидец, читая мой черновик). Люди стояли на палубе, молились, в любую минуту готовые расстаться с жизнью.

У одной молодой женщины умер на руках младенец, не выдержав такого пути. Говорили, что где-то поблизости находится подводная лодка, которой дан приказ уничтожить корабли...

По-разному встретила их Финляндия. Присланные немцами батраки, заменившие ушедших на фронт финнов – а именно такой была цель депортации, – в одних семьях нашли поддержку и понимание, общение «на равных». Но были и такие семьи, где с переселенцами обращались как со слугами. Но люди все-таки не голодали, а семьи не разлучались. Дети могли учиться в местных школах.

Пастора среди ингерманландцев не было. Однако они сохранили в сердце веру в Христа и любовь к своей малой родине. И когда стал вопрос о возвращении домой, многие радостно согласились. «Не уезжайте! – советовали им местные жители. – Это пропаганда. Вы не попадете домой...»

Не поверили, поддались на уговоры. Большинство решило вернуться в СССР. Но, как только оказались они на советской земле, двери вагонов наглухо захлопнулись, и повезли несчастных, обманутых людей в различные уголки послевоенной страны – в Новгородскую и Псковскую области, в Красноярский край. А дома ингерманландцев по распоряжению властей передавали чужим, случайным людям, многие из которых также не имели крова.

Не желая мириться с подлым обманом и перспективой голодной смерти, кое-кто из обреченных переселенцев бежал. Более всего пострадало попавшим в Эстонию: там не было страшного послевоенного голода, и в колхозах кормили не «галочками», проставленными в рабочей ведомости, а продуктами. Устраивались они и батраками на хутора. Эстонцы, рискуя навлечь на себя гнев советских властей, спасали ингерманландцам жизнь. «Эх, Иф-фан! Ну как-кой же ты работник? Пожив-ви недельку-другую, покуш-шай. Потом и работать будешь». Часть беглецов так и осталась в Эстонии. Но не всем одинаково повезло: снова начались гонения. Вышел приказ преступной власти – отлавливать беглецов и отправлять на принудительные работы.

Гибли сиверцы в Карелии на лесосплаве, попадали в концлагерь. Мытарства зачастую оказывались длиною в жизнь. Право на свой кров и свою землю уже после смерти Сталина они отстаивали через суд, претерпевая множество унижений. Далеко не все вернулись к родному очагу. Наверное, никто не скажет, сколько их пропало в пути, сколько пострадало от голода и непосильных работ. Многие, устав от борьбы за свое законное право поселиться в собственном доме, так и остались в чужом краю. Они могли здесь жить спокойно и обеспеченно, не опасаясь за судьбу детей и близких. Но загляните в их души и спросите, тоскуют ли они по своей Сиверской? Один Бог знает, каков будет ответ.

И все-таки они стремились домой. Им было дано это чувство – любовь к родине. И отец Николай Шенрок, также пострадавший от ре-

прессий и не имевший возможности вернуться в любимые края, не пожелал себе иного пристанища и выбрал именно эту землю местом своего последнего упокоения. Какая-то высшая мудрость заключается в том, что христианский народ-страстотерпец, лютеране-ингерманландцы сохранили память о репрессированном православном священнике, патриоте сиверской земли. Не будем же пытаться разгадывать эту таинственную духовную связь и примем ее такую, какова она есть.

Автор выражает искреннюю благодарность своей дочери Федоровой Кристине Леонидовне за поисковую краеведческую работу. Низкий поклон за помощь сиверцам: Хяргинен Марии Ивановне, Седерхольм Марии Ивановне, Сойту Елизавете Николаевне, Сорокиной Валентине Григорьевне, Гроловой Нине Сергеевне, Пеннонен Хельми Абрамовне, Ульяновой Елене Андреевне, Хоренену Альфреду Ивановичу (ныне покойному), Люсинде (не пожелавшей назвать фамилию), а также жительнице Суйды Роговцевой Александре Ивановне.

Сведения об отце Николае Шенроке были предоставлены Рижской епархией по запросу автора с благословения архиепископа Рижского и Всея Латвии Александра.

Эрик Лунев, Анатолий Шустов

Кобрино – дача Лисянских

В 1800 году Надежда Осиповна Пушкина (мать нашего великого поэта) продала Кобрино¹ вдове надворного советника В. А. Жандра. В 1807 году Шарлотта Карловна (урожденная Де-Брюнольд) вышла замуж за Ю. Ф. Лисянского, лишь за год до этого вернувшегося из первого в истории России кругосветного плавания. Первое время Лисянские снимали квартиры в различных частях Петербурга, а в конце жизни, уже после кончины супруги (1831), мореплаватель приобрел два собственных дома в Коломне.

На лето Лисянские выезжали в Кобрино. Семья была большая: трое сыновей – Александр, Юрий, Платон и три дочери – Мария, Екатерина, Елизавета. Сам Лисянский, по отзывам современников, любил отдыхать в Кобрине. Может быть, именно там он и писал свою обстоятельную книгу – отчет о кругосветной экспедиции, состоявшейся под руководством И. Ф. Крузенштерна в 1803–1806 годах. Книга была издана в 1812 году. Однако начавшаяся война с Напо-

Ю. Ф. Лисянский.

Рисунок и гравюра Кургине. 1814 г.

¹ См.: Шустов А. Н. Кобринские владельцы // Приорат: историко-краеведческий выпуск газеты «Гатчинская правда». 2004г. 11 июня.

леоном помешала широкому распространению ее в России. Зато английский перевод книги, выполненный автором (Лондон, 1814), разошелся очень быстро.

Что же представляло собой Кобринно во времена Лисянского? Ответ на этот вопрос можно обнаружить в архивах и старых забытых изданиях.

В те годы Кобринно было деревней при колодце, входившей во 2-й стан Царскосельского уезда. Она находилась в 38 верстах от уездного центра и в 15 верстах от Гатчины. Согласно старой административной терминологии деревня – это селение без православной церкви, в котором находилась помещичья усадьба. В апреле 1830 года по просьбе Ш. К. Лисянской сделали хозяйственное обследование Кобринна. Из него следовало, что в деревне проживало 45 крестьянских душ мужского пола¹, пахота составляла 90 десятин², сенокос – 15 десятин; неудобной земли было гораздо больше – 525 десятин. Строевого леса у Лисянских насчитывалось 10 десятин, а дровяного – 100 десятин. Ежегодный урожай зерновых составлял: озимых – 15 четвертей³, яровых – до 80 четвертей. Господский дом был деревянным на каменном фундаменте⁴. Центральная часть его – двухэтажная с мансардой, вход оформлен портиком. Боковые флигели – одноэтажные.

Кроме того, в имении были небольшая оранжерея и сад с фруктовыми деревьями. У крестьян имелся мелкий рогатый скот, птица.

Лисянские, как видим, в материальном отношении жили довольно стесненно. Деревня, конечно, давала некоторый доход в виде оброка (деньгами или натурой), но управлять селением было довольно накладно, и хозяева неоднократно предлагали в аренду на лето свою дачу, «в коей можно пользоваться живностию, молочными скопами (продуктами от своего скота: молоком, сливками, сметаной, творогом. – *А. Ш.*), зеленью, фруктами и пасью для лошадей за дешевую цену»⁵.

Не случайно Шарлотта Карловна (юридический владелец Кобринна) просила надбавку для поддержки своих крестьян в соответствии с указом Николая I. В этом указе (от 12 октября 1827 года) говорилось: «Разрешить выдачу заимщикам Сохранной казны по 50 рублей на душу крепостную»⁶. Для получения надбавки требовалось дать описание имения по специальной форме (анкета прилагалась). Именно с этой

¹ По 8-й ревизии (1833) мужчин было 52 души «с женами и их детьми, внучатами, племянниками, приемышами и рожденными после ревизии обоего пола детьми» (ИРЛИ РО, ф. 10808).

² Десятина равна 1,09 гектара.

³ Четверть равна 209,9 литра сыпучих тел.

⁴ ЦГИА СПб., ф. 536, оп. 9, д. 955, л. 5. Спустя 20 лет (уже при новом владельце) в Кобринне было 20 дворов и 48 душ мужского пола. См.: Алфавитный список селений по уездам и станам С.-Петербургской губернии. СПб., 1856.

⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1832. 16 марта. С 683.

⁶ ПСЗ Российской империи. Собр. 2-е. Т. 11. 1827г.

целью Шарлотта Карловна заказала опись Кобрин в 1830 году. Правда, помощи она так и не получила: губернский предводитель дворянства Д. Дурново «спустил» все ее документы царскосельскому уездному предводителю, где они и затерялись.

В Кобрине имелась кирха, принадлежавшая финской лютеранской общине. Дом самого пастора стоял неподалеку – в одной версте от усадьбы Лисянских (напомним, что Ш. К. Лисянская была лютеранкой). Владение пастора составлял один двор, в котором проживало тогда три человека: двое мужчин и одна женщина (видимо, служила при кирхе). В 1829 году пастор этого прихода А. Меларт официально потребовал отмежевать у Лисянских 101 десятину 817 квадратных сажен земли в пользу своей церкви, как якобы ошибочно принадлежащие семье мореплавателя. Губернский землемер Г. Д. Зайцев вызвал на место Ю. Ф. Лисянского. На его повестку капитан ответил: «...я, не имея никакого участия в сем деле, не могу [ни] явиться, ни прислать поверенного в собственности мне не принадлежащей»¹.

Тогда Зайцев пригласил владелицу. Лисянская претензии Меларта и вызов землемера проигнорировала. В августе 1829 года она ответила: «...земля моя не есть церковная, а моя собственная и не подлежит никакому прикосновению». Позже она написала: «...я владею землей по купчей крепости и не имею никакой, принадлежащей кобринской церкви, которая, с тех пор как я вступила во владение, никогда не имела более земли, как ту, которая теперь загорожена и обрабатывается пастором <...>, а потому не имею никакой надобности к отводу вами требуемого и прошу на сей пункт меня более не беспокоить, ибо крестьяне мои, имея поля уже унавоженные и готовые к зимнему посеву, приведены вашим действием в большое недоразумение и нерешимость, а от того может произойти будущий неурожай и собственный голод оным»².

В 1838 году, после традиционной для России многолетней тяжбы, кирхе по суду было отмежевано 14 десятин.

13 мая 1831 года Ш. К. Лисянская скончалась. При разделе в 1841 году имущества родителей (Юрий Федорович умер в феврале 1837 года) Кобрин унаследовала их старшая дочь Мария (по мужу Рубини). Имение тогда было заложено за долги. В мае 1842 года Рубини продали Кобрин со всеми строениями, землей и населением Н. Т. Карташевской, сестре известного писателя С. Т. Аксакова.

К тому времени площадь участка составляла 751 десятину с небольшим и в закладе не числилась: это «недвижимое имение иному никому не продано, не заложено, ни у кого ни в чем не укреплено и не отписано»³. Здесь начинается другая история Кобрин.

¹ ЦГИА СПб., ф. 262, оп. 81, д. 1431, л. 11.

² Там же, д. 143, л. 15, 21.

³ ИРЛИ РО, ф. 10808.

Вырица

Историческая справка

Деревня Вырица получила широкую известность во второй половине XIX века, в то время она входила в состав Рождественской волости Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии. Позже это название получила обширная территория, расположенная в 60 километрах к югу от Санкт-Петербурга в огромной излучине реки Оредеж, в среднем ее течении. Местность эта находится в пределах Ордовикского плато, представляющего собой плоскую, полого наклоненную на юг и юго-восток равнину, перекрытую маломощным покровом морены. Высота над уровнем моря около 80 метров. С севера на юг ее пересекала Московско-Виндаво-Рыбинская железная дорога, а с запада на восток – шоссе Каушта–Выра, имеющее выходы на Московский и Белорусский тракты (ныне – Московское и Киевское шоссе соответственно).

Территория современного поселка сформировалась на рубеже XIX–XX веков в результате слияния деревень Вырица и Ново-Петровская, населенного пункта Поселок и дачных поселков Княжеская Долина, Бор и Заречье (Михайловка). Чистая речная вода, сухие песчаные берега и огромный лесной массив, состоящий из сосновых и еловых боров, создали исключительно благоприятный микроклимат и привлекательные условия для дачного отдыха жителей Северной столицы. Некоторое время не хватало лишь удобного транспортного сообщения.

Первым поселением считается деревня Вырица. Она появилась на левом берегу Оредежа в 125 километрах от устья в те времена, когда реки не только обеспечивали людей пресной водой и запасами рыбы, но и выполняли важнейшую функцию транспортных артерий. Топоним «Вырица» принято производить от древнерусского *выр*, *вырь* – пучина, омут, место быстрого течения в реке, что вполне соответствует ее характеру. Версия прибалтийско-финского происхождения также связана с речными особенностями и означает практически то же самое: литовское *vyrius* – водоворот и финское *vira* – водоворот, омут. Последнее практически совпадает с названием другого известного населенного пункта, который находится в 30 километрах западнее и выше по течению. Это деревня Выра. Нетрудно вспомнить еще один однокоренной топоним: эстонский город Выру. Однако спор о происхождении названия поселка этим не ограничивается. Существует еще одна версия, упоминаемая в краеведческой литературе. Ее сторонники приводят другое древнерусское слово – *Вырей*, что означает: сказочная страна древних славян, куда переселяются предки и птицы, или славянский

рай. Такое предположение должно подразумевать возникновение первого поселения в самом начале характерной излучины Оредежа задолго до XVIII столетия. Согласно же первым исследованиям местных краеведов деревню основали в 1717 году четыре семьи саратовских переселенцев. Впрочем, некоторые из их потомков утверждают, что Вырица младше Петербурга всего на три года. Поволжские строители Северной столицы, бежавшие от непосильной работы на оредежские берега, пришли не совсем на пустое место. На топографической карте населенный пункт с названием *Wiritza* встречается в рукописном атласе отдела картографии БАН, который датирован 1699 годом. В то время здешние земли входили в состав Ингерманландии. Однако за двести лет до того на реке Оредеж в составе Никольско-Грезненского погоста существовала деревня Дверницы, которая упомянута в переписной оборочной книге Водской пятины за 1499/1500 год. Известный в районе краевед Д. Рябов на основании последних архивных исследований утверждает, что ее местоположение совпадает с Вырицей. Возможно, истинный возраст первого поселения на этом месте еще старше. Дело в том, что в 1907 году на ее территории сотрудники Археологического института исследовали могильник эпохи Средневековья, который датируется XII–XIII веками.

Однако подлинное развитие населенного пункта под его нынешним названием следует отнести к тому периоду, когда здешние земли вернулись из-под шведского владычества к России.

В начале XVIII века после окончания Северной войны в связи с необходимостью укрепления новых границ в районе пунктов Вырица и Поселок возникли военные форпосты, которые позже были преобразованы в оседлые лагерные поселения. В XIX веке эти земли были отданы на откуп. Одной из первых владелиц в начале столетия оказалась помещица Бороздина. В 1835 году деревня перешла к лейтенанту флота Линхарку, а в 1838-м – к Богдановой. В это время «Вырица относилась ко 2-му стану Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии и насчитывала 83 человека местного населения». В 40-е годы Вырица принадлежала генералу жандармерии Федору Спиридоновичу Ракееву, выходцу из древнего небогатого дворянского рода Смоленской губернии. «Число дворов составляло 16, число душ – 44». В 1837 году он сопровождал тело Пушкина в Святогорский монастырь. Одна из улиц поселка, ведущая от Сиверского шоссе к церкви Казанской Иконы Божией Матери, получила его имя и сохранила его до наших дней.

К середине XIX века Вырица все чаще стала обращать на себя внимание состоятельных петербуржцев. Лишь отсутствие хороших дорог все еще сдерживало бурное развитие местности. И вот один из документов того времени сообщает: «В 1857 году приступлено к устройству нового проселочного шоссе, от дер. Каушты до Динабургского шоссе, по направлению к с. Выра, на протяжении 30 верст 192 пог. саж., с тем, чтобы соединить Николаевскую и Варшавскую железные

дороги...» Движение по новому шоссе было открыто только в 1859 году. Задержка возникла из-за двух мостов. Один из них, через ручей Тонози возле Сиверской, сгорел от бушевавших в тот год лесных пожаров. При строительстве другого, «через р. Оредеж, близ д. Вырицы, на глубине русла оказался плитный грунт, не дозволивший забивке свай до проектной глубины; сему составлен заменительный проект на постройку моста не на сваях, а на ряжах». Эта замена стоила казне 1700 рублей 56 копеек. Введение в эксплуатацию новой дороги не замедлило сказаться на развитии местности. В 1864 году появляется первое упоминание о Вырице как о значительном населенном пункте. Печатный справочник этого года гласит: «Вырица – деревня владельческая Рождественской волости Царскосельского уезда при реке Оредеж; число дворов 21, число жителей 124».

Этот рост мог быть гораздо интенсивнее, если бы первая в России железная дорога, соединившая столицу с Царским Селом, не «застряла» в Павловске. Однако стратегические интересы государства потребовали развития других направлений.

«В состав Майората, учрежденного Именным Высочайшим указом от 14/26 ноября 1845 г. в имени... Князя Витгенштейна», деревня Вырица была введена в мае 1869 года. Как уже говорилось, в 40-е годы Вырица принадлежала Ф. С. Раксееву. От него она перешла к князю Петру Львовичу Витгенштейну. Впоследствии потомки известного фельдмаршала, героя войны 1812 года, внесли немалый вклад в благоустройство вырицких земель. Промышленная заготовка леса началась здесь благодаря усилиям Петра Львовича, он же построил лесопильную мельницу.

В 1884 году произошло объединение населенных пунктов в сельские общества. Жители деревни Вырица вошли в состав Куровицкого сельского общества Рождественской волости Царскосельского уезда, а деревня Ново-Петровская – в состав Новопетровского сельского общества Лисинской волости того же уезда. В Вырице проживали 64 мужчины и 73 женщины, а в Ново-Петровской – 54 мужчины и 55 женщин.

В 1887 году скончался П. Л. Витгенштейн, и Вырица перешла к его брату Федору (Фридриху), который часть земель своих отдал в аренду.

Дачное строительство постепенно набирало обороты. Вокруг Вырицы и Ново-Петровской появлялись новые крупные землевладельцы, благо пустующих земель пока еще хватало.

В 1901 году начинается строительство железной дороги от Павловска до Вырицы. Бывшая Царскосельская железная дорога получила новое название, теперь она стала Московско-Виндаво-Рыбинской. Строительство участка было завершено в 1904 году. Пассажирские поезда сначала ходили один раз в неделю, а пассажиры были вынуждены

делать пересадку в Царском Селе. Этого оказалось вполне достаточно для настоящего бума, вызванного «дачной лихорадкой» петербуржцев.

В 1906 году было построено здание вокзала и основана станция. Первоначально ее предполагалось назвать Ново-Петровск, однако в окончательном варианте предпочтение было отдано наименованию Вырица, которое распространилось на все территории, прилегающие к станции. В этом же году было создано Общество дачной местности Вырица под предводительством Щербакова. Оно занималось устройством новых улиц, наблюдением за санитарным и противопожарным состоянием поселка, украшением бульваров и садов, организацией увеселительных мероприятий, созданием библиотек.

Основатель общины христиан-трезвенников Иван Алексеевич Чуриков появился в Вырице в 1905 году. До этого крестьянин из Самарской губернии читал свои проповеди о трезвости в башмачной мастерской на Лиговке в Петербурге. Известно, что его духовным наставником был отец Иоанн Кронштадтский. Проповеди И. Чурикова собирали большое количество людей и пользовались огромной популярностью. Однако со стороны властей, как светских, так и церковных, он подвергался постоянным гонениям. На его защиту были вынуждены встать члены Государственной Думы. Они посетили проповедника в Вырице, где он основал колонию трезвенников. Сын великого русского писателя Л. Н. Толстого Лев Львович вспоминает о своей встрече с Чуриковым: «Массы несчастных людей находят в братце опору. Тысячи пьяниц и хулиганов стали людьми. 70 тысяч человек числится в рядах трезвенников в одном только Петрограде. Эти люди отрезвляются не от одного вина, а вообще от скотской жизни без Бога. Братец Иоанн будит в них дух, пробуждает веру и совесть».

10 сентября 1906 года в километре от станции, у Сиверского шоссе, был заложен храм во имя святых апостолов Петра и Павла. Деревянная церковь строилась по проекту гражданского инженера Н. И. Котовича на средства местных дачевладельцев, среди которых «особо потрудились в этом деле В. П. Сомряков, Н. С. Ларин, К. К. Любомудров, И. А. Баусов, А. Х. Ефремов и многие другие». В архиве храма сохранились сведения «о двух наиболее крупных пожертвованиях, внесенных главою местного общества трезвости И. А. Чуриковым, пожертвовавшим 100 серебряных рублей... и работником Гознака Быстроумовым». Однако собранных средств для завершения строительства все же оказалось недостаточно. В августе 1907 года Церковно-строительная комиссия по построению храма была вынуждена обратиться за денежной помощью в размере 1500 рублей в государеву канцелярию. Прошение было переправлено в Капитул орденов, где и было удовлетворено согласно резолюции.

Освящение нового храма состоялось 22 июня 1908 года, в воскресенье. Об этом событии в двух номерах подряд сообщала церковная газета «Колокол»: «Архитектура церкви изящна, проста, но художест-

венна... Храм просторный, светлый, благолепно украшенный. Все украшения его: иконы, сосуды, облачения, колокола и пр. – жертвы отдельных лиц. Стоимость его простирается до 12 тыс. рублей... Чин освящения совершал местный Благодинный настоятель Царскосельского собора протоиерей А. И. Беляев... Администрация железной дороги дала в этот день для богомольцев специальную пару поездов».

В апреле 1907 года в семье А. Х. Ефремова родился сын Иван – будущий ученый-палеонтолог и писатель-фантаст. Его отец, «отслужив в лейб-гвардии Семеновском полку, не стал возвращаться в родное Поволжье, а решил выбиться в люди». Столичная жизнь поначалу ему была не по карману, и он обосновался в Вырице, построив рядом со станцией «избу-пятистенку». Арендовав у Витгенштейнов лесопилку, он занялся заготовкой и обработкой древесины. Многие старожилы считают именно его основателем деревообрабатывающего завода у деревни Вырица, а подходившую к нему узкоколейку называли Ефремовской веткой (позже это название закрепилось за улицей). Благоустройством здешних территорий этот человек занимался с особым рвением и оставил о себе самую добрую память.

Дачная местность преображалась на глазах. Этому способствовали быстрый прогресс в обслуживании пассажиров железной дороги, усердие деловых людей и предпринимателей в делах благоустройства местности, не последнюю роль сыграла и реклама, которую нередко можно было встретить в различных столичных изданиях. В «Новом путеводителе Петербурга и его окрестностей» за 1909 год, а также в журнале «Огонек» за май того же года читаем: «Будущий город Вырица... Земельные участки... Вырица, поселок Заречье. 1¼ часа езды от С.-Петербурга; по имению проходит жел. дор. с пятью станциями, 9 пар поездов ежедневно. Проложено 18 верст шоссейных дорог и 8 верст трамвая; церковь, телефон с С.-Петербургом, почта, аптека и все удобства. Берег чудной реки Оредеж оставлен в общественном пользовании... Будет строиться театр... Продано уже более 2000 участков».

В имении Заречье по западную сторону от железной дороги продавались участки на территории, которую предполагалось преобразовать в городок Сегаля, одного из предпринимателей того времени. А. Х. Ефремов занимался здесь прокладкой просек и строительством новых улиц, которым давал имена родного Поволжья: Самарская, Сызранская, Казанская, Нижегородская и т. п. Однако наибольшую известность получил дачный поселок Княжеская Долина. Маршрут конки (в путеводителе она, видимо, называлась трамваем) начинался у конторы по продаже земельных участков в Княжеской Долине, владениях светлейшего князя Г. Ф. Сайн-Витгенштейна. Деревянное здание конторы находится почти напротив вокзала, возле пассажирской платформы, к которой прибывали поезда из Петербурга, – сегодня это угол Коммунального проспекта (бывший Магистральный) и улицы 1 Мая. Расстояние до центра новой дачной местности чуть более километра

приезжие преодолевали при помощи «собственной конно-железной дороги», которая была проложена по Магистральному проспекту. Рекламные листовки, которые можно было получить в конторе, сообщали потенциальным покупателям о дачном поселке: «Вводится образцовое благоустройство... Кроме конки устраивается множество удобных проездных дорог. На всех улицах имеются хорошие пешеходные панели. Для общего пользования оставлены: большой парк и пешеходная дорожка протяжением около 3 верст вдоль всего живописного берега реки Оредеж. На главных перекрестках устраиваются общественные колодцы, устанавливаются фонари усовершенствованного образца, на реке строятся общественные купальни, оставлены также места для лодочных пристаней, имеется прекрасная ключевая вода». Покой дачевладельцев оберегался соответствующими распоряжениями: «В "Княжеской Долине" запрещено строить фабрики, заводы и открывать заведения с продажей крепких напитков». В 1910 году покупателям было предложено около 700 участков.

Церковно-приходская школа в Вырице существовала с 1900 года. К 1911 году в ней обучалось 32 мальчика и 32 девочки. В 1910 году было организовано Вырицкое школьное общество, целью которого стало строительство Торговой школы. Поскольку готового здания для учебного заведения не имелось, А. Х. Ефремов и М. Э. Сегаль предложили здание собственной конторы для нужд «школы бесплатно на 1 год с отоплением, предоставляемым А. Х. Ефремовым». Здание конторы находилось как раз напротив вокзала станции Вырица. 19 сентября после молебна школу открыли. Учащиеся были разбиты на четыре отделения. Всего в первый год обучался 41 ученик. Известно, что Попечительский совет школы обращался в Императорскую канцелярию с просьбой об оказании финансовой помощи для осуществления строительства, общая стоимость которого должна составить 30 тысяч рублей, однако средств в казне не нашлось, и в итоге школа была построена на пожертвования местного населения и господ попечителей.

В 1912 году в Княжеской Долине из числа местных жителей было создано братство в честь Казанской Иконы Божией Матери по построению храма в память 300-летия царствования Дома Романовых. «По мысли строительной комиссии, одобренной общим собранием братства, храм решено было построить деревянный, без наружной и внутренней обшивки, в стиле древних олонецких церквей...» Автором проекта стал известный теоретик и историк архитектуры М. В. Красовский. Князь Г. Ф. Витгенштейн удовлетворил просьбу жителей о замене участка, на котором предполагалось строительство церкви, а стоимость его снизил на 50%. В результате цена нового участка составила 1417 рублей, из них 700 рублей князь внес на возведение храма. Впоследствии полученные от братства 717 рублей он зачислил в уплату за другой лесной участок, строевой лес с которого был снят и употреблен

на постройку храма. Кроме того, им было заготовлено еще 1000 штук бревен для строительства.

Торжественная закладка новой церкви состоялась 14 июля 1913 года. Вечерне она была готова уже к осени. 26 мая 1914 года состоялось поднятие колоколов и крестов на строившийся храм. На торжества прибыл член Синода архиепископ Никон, который совершил молебен и чин освящения колоколов и крестов. Чин освящения храма 6 июля 1914 года совершил епископ Гдовский Вениамин.

Восхитительному в архитектурном отношении сооружению шатрового типа было уготовано большое будущее, которое состояло не только в том, чтобы украшать своим великолепием живописные окрестности. У его стен в середине столетия появится скромная могила старца, который на исходе века будет причислен к лику святых, преподобного Серафима Вырицкого. До 1917 года он находился в миру и занимался меховым промыслом, жертвуя немалые деньги на нужды храмов и монастырей.

Одним из первых жертвователей средств на строительство церкви в Княжеской Долине стал лесопромышленник А. Х. Ефремов, а самый крупный вклад (8938 рублей) сделал П. Л. Легуновский. Общая сумма расходов на построение храма составила 30 022 рубля.

Еще один крупный владелец здешних земель, М. Я. Эдварс, британский подданный, муж дочери архитектора Н. Л. Бенуа, имел в собственности стекольный завод в селе Введенском, земли вдоль железнодорожной ветки Вырица–Поселок. В конце 1917 года он предложил земскому собранию купить принадлежавшую ему лично местную телефонную сеть: «Коммутатор на 50 номеров, 38 абонентов, 2000 столбов, 240 верст проводов и пр. за 3500 руб.». Предложение было принято.

Господствующий архитектурный стиль начала XX века оставил в облике поселка немало примеров дачного модерна. Среди них, безусловно, достойны упоминания здание чуриковской общины на Павловском проспекте, контора Г. Ф. Витгенштейна по продаже земельных участков в Княжеской Долине, комплекс дач банкира Бумагина на улицах Почтовой, Лесной и Самарской, дачи графини Томсон на Магистральном проспекте (ныне – Коммунальный), дача Томберга на Пильном проспекте и целый ряд других. Для многих из них характерно наличие башенок, представляющих собой восьмигранник, вписанный в основной корпус тем или иным способом.

Полный перечень дач и их владельцев позволяет утверждать, что в Вырице нередко бывали многие питерские и российские знаменитости. Различные источники, включая воспоминания старожилов, назовут фамилии великого реформатора П. Столыпина и оперного певца Ф. Шаляпина, а также укажут адреса дач заслуженного артиста Императорских театров Р. Аполлонского и артистки Императорских театров И. Стравинской. Это далеко не полный список, ведь к 1917 году Вырица представляла собой живописную дачную местность, распо-

ложенную недалеко от Санкт-Петербурга и имеющую удобное транспортное сообщение со столицей.

ЛИТЕРАТУРА

- Боровкин Э. Чуриковцы: правда и вымысел // Гатчинская правда. 1990. № 166–175.
 Папкевич И. Многострадальный вырицкий храм // Нечаянная Радость. Гатчина. 1999. № 13.
 Рябов Д. Топонимия Верхнего Поореджья. СПб., 1995.
 Рябов Д. Верхний Оредеж: четыре века на географической карте. СПб., 2001.
 Черных О. И. Дачное строительство Петербургской губернии XVIII – начала XIX в. СПб., 1993.

В статье использованы данные из Российского государственного исторического архива, а также рукопись А. Барановского «Два вырицких пророка», материалы экскурсии по пригородам Петербурга Г. С. Панасенко, Вырицкой поселковой библиотеки им. И. Ефремова, администрации поселка Вырица.

Марина Смородина

Из истории поселений Большеколпанской волости

Большеколпанская волость, расположенная на юго-западе Гатчинского района, на протяжении многих веков являлась форпостом земель Великого Новгорода, а затем и Санкт-Петербурга.

Площадь волости 157 кв. км, количество поселений – 16, население – 8879 человек, плотность населения – 57,6 человека на 1 кв. км.

Соседями являются: на востоке – Воскресенская и Кобринская волости, на юге – Рождественская, на западе – Войсковницкая и Елизаветинская.

Земли волости с начала XVIII века принадлежали именитым людям.

Петр I, освободив ижорские земли от шведов в ходе Северной войны, подарил Гатчинскую мызу с деревнями своей сестре Наталии Алексеевне, а мызу Сиворицы – герою войны Федору Матвеевичу Апраксину, повелев на них строить «забавные увеселительные дворцы – каменной изрядною архитектурю». После смерти Наталии Алексеевны мыза Гатчинская с деревнями принадлежала лейб-медикам Р. Апраксину, затем И. Я. Блюментросту. В 1732 году мыза «отошла в казну», а в начале 1734 года императрица Анна Иоанновна пожаловала ее с окрестными деревнями обер-шталмейстеру князю А. Б. Куракину «в личное потомственное владение».

Александр Борисович Куракин (1722–1749) был одним из образованнейших людей своего времени. Будучи послом во Франции, он проводил петровскую внешнюю политику. За тридцать с лишним лет владения мызой Куракин ввел здесь многие преобразования. До 1763 года мыза с деревнями Парицы, Малое Колпано, Большое Колпано и др. принадлежала генерал-поручику Борису Александровичу Куракину.

В 1765 году Гатчинскую мызу с деревнями приобрела Екатерина II и подарила ее своему фавориту Григорию Григорьевичу Орлову, к ней были присовокуплены Кипень, Шунгорово, Лигово и Ропша. Владения «Гатчинского помещика» на юге простирались до деревни Старые Черницы.

О красоте своего владения Орлов писал известному философу-просветителю Жан-Жаку Руссо: «Мне вздумалось сказать Вам, что в 60-ти верстах от Петербурга у меня есть поместье, где воздух здоров, вода удивительна, пригорки, окружающие озера, образуют уголки, приятные для прогулок, и возбуждают к мечтательности...

Итак, милостивый государь, если такой уголок Вам по вкусу, — от Вас зависит поселиться в нем».

Избрав Гатчинскую мызу местом своего постоянного отдыха, Григорий Григорьевич пригласил архитектора Антонио Ринальди, садоводов Дж. Гекета, Д. Шпарро, И. Буша для создания дворцово-паркового ансамбля.

А. Ринальди на берегу Серебряного озера построил величественный замок, воздвиг Чесменский обелиск, колонну Орла, создал грот «Эхо», восьмигранный колодец. В постройках он использовал местный строительный камень, добываемый в Парицах и Пудости.

Близость к царскосельской резиденции позволяла Екатерине II часто навещать своего фаворита. Камер-фурьерский журнал императрицы пестрит записями о времяпрепровождении ее в имении графа Орлова. Это и «обеденное и вечернее купание», и многочисленные прогулки пешком и в таратайках по увеселительным местам, рощам и озерам. Одним из излюбленных мест отдыха было озеро Колпано, питающееся ключами. В нем и в речке Колпанке, вытекающей из озера и питающей водные лабиринты Дворцового парка, водились такие ценные породы рыб, как форель и хариус.

Название озера и деревни Колпано произошло от слова *колп* (вид водоплавающей птицы). Это слово трансформировалось: *колп* — *колпино* — *клпано* — *Колпаны*.

В 1783 году после смерти Г. Г. Орлова Екатерина II, выкупив имение у наследников, в августе того же года подарила его сыну Павлу Петровичу вместе с Новыми и Старыми Черницами. В указе особо выделено, что дом подарен «со всеми находящимися мебелью, мраморными вещами, оружейною, оранжерею и материалами».

Тринадцать лет Гатчинская мыза являлась резиденцией великого князя Павла Петровича. В 1796 году, став императором, Павел I возвел мызу в статус города (это был 320-й город России), дав ему собственный герб и название Гатчина.

«Гатчина, — писал Н. Е. Лансере, — со всеми ее дворцами и городом при Павле достигла высшей точки своего процветания, на которой после смерти императора уже не могла удержаться...» Но и при последующих владельцах, Марии Федоровне (вдове императора Павла) и

его потомках, основные художественные особенности дворцово-паркового ансамбля и города сохранялись, и в этом немалая заслуга замечательных архитекторов.

Среди них – А. Д. Захаров (1761–1811), по проекту которого в деревне Малое Колпано в 1800 году была построена кирха. В июле 1801 года по рисунку А. Д. Захарова был заказан иконостас столярному мастеру М. Крейтону и «кафедра с балдахином». В октябре того же года последовало «повеление императрицы Марии Федоровны о наименовании построенной близ Гатчины финской кирхи в имя святого апостола Павла». На строительство было затрачено 47 822 рубля 45 копеек.

Строительным материалом служила парицкая желто-серая плита. На шпиге церкви, сделанном из латуни, красовался петух на позолоченном шаре, на крыше над алтарем – крест. К сожалению, они исчезли в годы борьбы с религией, как и кладбище возле кирхи, где были захоронены известные люди. Среди них Густав Антонович Бооп – комендант Гатчины (умер в 1842 году), останки его нашли в 1936 году, они хранились в Гатчинском краеведческом музее. Во время Великой Отечественной войны немцы захоронили своего соотечественника, но после войны его могила была снова вскрыта.

Малоколпанский приход был большим и богатым. В него входили окрестные деревни Химози, Парицы, Большое Колпано, Вопша, Лядино и др. Жители этих деревень «занимались хлебопашеством, рыбной ловлей, кузнечным делом и извозом».

Во второй половине XVIII века в деревне Малое Колпано находилась вторая от Петербурга почтовая станция (первая была в Софии – близ Царского Села), которая затем была переведена (в 1800 году) в Гатчину.

Малоколпанскую кирху видели многие знаменитые путешественники: А. С. Пушкин, его прадед А. П. Ганнибал, родители, сестра и брат поэта, бабушка Мария Алексеевна, А. А. Бестужев-Марлинский, В. К. Кюхельбекер, А. И. Тургенев и многие другие наши соотечественники.

В 1863 году недалеко от кирхи была основана учительская семинария, готовившая преподавателей начальной школы и органистов. Трехгодичный курс в 1870 году был переведен на четырехгодичный. Занятия проводились на финском и русском языках. Обучение и питание было бесплатным.

В 1879 году открылась публичная финская библиотека, а затем начальное училище для крестьянских детей и лазарет Императорского воспитательного дома.

С конца XIX века Малые Колпаны (так теперь стала называться деревня) пользовались известностью среди дачных мест под Гатчиной. В 1908–1909 годах здесь снимала дачный дом семья известного поэта К. М. Фофанова (1863–1911). Поэт и журналист Д. В. Грошиков, вхо-

дивший в поэтический кружок Фофанова, вспоминал: «Шли мы по Большому проспекту вверх, к обелиску Коннетабль. Здесь сыновья Фофанова отделились от нас, — они жили в Малой Колпанской слободе...» Из-за трудного материального положения жена поэта — Лидия Константиновна учительствовала в пансионе, который содержала в съемном доме.

Все этапы «большого пути» этого населенного пункта проследил краевед Андрей Бурлаков в статье «Малые Колпаны» (Гатчинская правда. 1991. 12 дек.). 1918 год — закрытие учительской семинарии, затем массовая коллективизация, нанесшая удар по зажиточным крестьянам, дачевладельцам и священнослужителям. В апреле 1931 года был создан колхоз «Малые Колпаны», объединивший 34 хозяйства с землей. Год спустя в Малых Колпанах появилась МТС, обслуживавшая 110 мелких колхозов, в том числе и «Большое Колпано». Правление стало называться «Красное Колпано» и находилось в Малом Колпано, где и был сельский совет.

С 1930-х годов началась борьба с «религиозным дурманом». Районная газета «Красногвардейская правда» (с 1929 года Гатчина называлась Красногвардейском, а до этого — Троцком) печатала статьи с хлесткими заголовками «Не место церковнику в ревкомиссии колхоза», «Вместо кулацкой пасхи — субботник» и др.

С середины 1930-х годов по спецпостановлению закрывались храмы. Закрыли и Колпанскую кирху. Перед Великой Отечественной войной она использовалась как зернохранилище. Были сброшены позолоченный шар и петух, осквернено кладбище, разграблены могилы.

В начале войны в башне кирхи 14 суток велись наблюдения и коррекция огня по передовым частям немцев, наступавших на Гатчину. С конца августа 1941 года эта «божья обитель», по словам командира 260-го пулеметно-артиллерийского полка Николая Георгиевича Епишева, обстреливалась ежедневно. Ждали наступления по Киевскому шоссе, но враг, прорвав Лужский укрепрайон в Кингисеппе, продвигался к Гатчине через Волосово. События этих дней описаны в книге ветерана-ополченца Н. А. Прохорова «В суровый час» (Л., 1981).

12 сентября 1941 года немецкие войска захватили Малые и Большие Колпаны. Потери среди ополченцев были огромные. Не успев получить приказ об отступлении, они из последних сил удерживали позиции. 13 сентября была захвачена Гатчина.

О событиях оккупации рассказала жительница деревни Большие Колпаны Герта Андреевна Козлова в статье «Бои за Большие Колпаны были жесточайшие» (Гатчинская правда. 2004. 22 мая).

26 января 1944 года Гатчина и поселения Большешколпанской волости были освобождены от захватчиков. Большая часть финского населения была вывезена немцами в Финляндию, Эстонию, Швецию. Война нанесла сокрушительные разрушения МТС, школе, педтехникуму, колхозу, кирхе, которая стояла «с пустыми глазницами окон и

обвалившейся крышей». Колхоз «Красное Колпано» вошел в состав укрупненного колхоза «Гатчинское».

В 1946 году в Больших Колпанах открылась школа. Сельский совет возглавила Васюхичева.

В 1954 году в кирхе разместилась артель «Промстроймаш», где выпускали кровати, раскладушки, карнизы, шурупы, гвозди и другие изделия. На базе этой артели, фабрики «Авангард» и завода металлоизделий в 1968 году возник завод «Авангард».

Все в больший упадок приходило кладбище, люди разрушали и разграбляли ценные надгробия. А в середине 1970-х годов кладбище перестало существовать. Многие надгробия пошли на фундаменты новостроек.

Центр волости – Большие Колпаны, здесь находятся школа, амбулатория, Дом культуры, детский сад, почта и другие учреждения. На базе совхоза «Гатчинский» было образовано ЗАО «Гатчинское» (2003).

Жизненная артерия Большеколпанской волости – Киевское шоссе – бывший Большой Белорусский тракт. Проезжая по нему из Гатчины, после Больших Колпан мы попадаем в Вакколово (в переводе с финского «пудовка» – мера веса), затем в Лядино («сырые леса»). От Лядино влево отходит дорога в Воппу (ранее Обша: Большая и Малая; обжа – мера площади).

Как читатель уже знает, Малая Обша во второй половине XVIII века принадлежала прадеду А. С. Пушкина Абраму Петровичу Ганнибалу, который в результате трех покупок приобрел на гатчинской земле около 10 тысяч десятин земли. Малую Обшу А. П. Ганнибал купил в 1762 году вместе с мызой Елицы, деревнями Погост, Новая и Кузнецкая у камер-цалмейстера (казначея) полковника Дмитрия Александровича Симонова. И именно через эти земли проходил тракт, который назывался и Порховским, и Большим Белорусским, он выходил на Старое и Новое Колено.

По завещанию А. П. Ганнибала Малая Обша с мызой Елицы досталась второму сыну – Петру Абрамовичу Ганнибалу, который впоследствии продал эти земли своему соседу – Петру Григорьевичу Демидову, владельцу мызы Сиворицы.

...Южными поселениями волости являются деревни Новое Колено и Тиховицы (Тихвицы). В Новгородской писцовой книге 1499 года упоминается селцо Техутицы (возможно, по личному имени Техута). Позднее название, вероятно, переосмыслено ижорско-финскими жителями. В настоящее время в Тиховицах находится ЗАО «Гатчинское».

Пограничной с Елизаветинской волостью является деревня Корписалово (Новая) – очевидно, по отношению к деревне Ротково (Средняя; финское – «островок леса»).

Название деревни Ротково (Павлушкино, Средняя) позволяет допускать финноязычное происхождение топонима («овраг, балка»).

Павлушкино – от личного имени Павел, Средняя – деревня по отношению к Корписалову и Никольскому.

Деревня Никольское (бывшая Сиворицы) стала так называться после возведения Никольской церкви. В Никольском расположены Санкт-Петербургская психиатрическая больница им. П. П. Кащенко, школа, почта, библиотека, магазины, Санкт-Петербургский склад медикаментов.

Деревни Новые и Старые Черницы в Новгородской переписи 1499 года называются Черена, Черная («Черный лес»).

Все эти деревни ныне входят в ЗАО «Гатчинское».

Марина Смородина

Усадьба Сиворицы

Ф. М. Апраксин. – первый владелец усадьбы Сиворицы.
Портрет работы неизвестного художника нач. XVIII в.

В Новгородской писцовой книге за 1499 год упоминается сельцо Живорици. Возможно, название это произошло от маленькой речки Живорки (позднее Сиворки), которая впадает в речку Суйду. Сельцо стало называться Сиворицы, вековая его история тесно связана с трудной судьбой ижорской земли.

После переезда царского двора из Москвы в Северную Пальмиру (1712) началось активное заселение приневских земель. Петр I выделял земли вокруг Санкт-Петербурга родственникам и приближенным. Федор Матвеевич Апраксин, генерал-адмирал, сподвижник Петра I, и становится владельцем мызы Сиворицы. Какой была эта мыза? Вероятно, с деревянным усадебным домом, хозяйственными постройками, парком, деревянной церковью.

Шли годы, менялись владельцы, и вместо старой усадьбы в 1775–1776 годах замечательный зодчий Иван Егорович Старов (1745–1808) создал дворцово-парковый ансамбль для Петра Григорьевича Демидова (1740–1826), сестра которого Наталья Григорьевна была женой архитектора. Петр Григорьевич – младший сын Григория Акинфиевича Демидова, внука основателя династии Демидовых Никиты Демидовича Антuffьева, современника Петра I, российского горнопромышленника и благотворителя. Девизом этого рода, так много сделавшего для России, было: «К чести и славе любезного Отечества».

Три брата, Александр, Павел и Петр Григорьевичи, десять лет (1751–1761) изучали в Европе горное и плавильное дело, математику, химию, языки (французский, немецкий, итальянский), а также занимались фехтованием, танцами, музыкой, чтением, собирали библиотеку и коллекционировали минералы. Осматривая европейские достопримечательности, они в то же время встречались с замечательными современниками. «Ездили посетить господина Вольтера. Он весьма учтиво разговаривал с нами о России», – писали они отцу.

Вернувшись на родину, молодые Демидовы активно участвовали в общественной жизни страны. Так, Петр Григорьевич был советником Берг-коллегии, обер-директором коммерческого училища, переехавшего из Москвы в Петербург, проявил себя талантливым администратором и меценатом. С 1787 по 1797 год он был предводителем дворянства Рождественского уезда. «Бескорыстная и полезная его деятельность высоко ценилась императрицей Марией Федоровной, которая воздавала ему должное в целом ряде рескриптов и наград», – сообщается в Русском биографическом словаре. К доставшемуся наследству Петр Григорьевич выстроил два завода: Тисовский и Бисертский. Эпоха Просвещения, ценившая личные качества, а не родовую знать, позволила Демидовым, ставшим дворянами при Петре I, своими деяниями завоевать престиж роду и построить образцовые усадьбы нового типа, объединяющие в своем комплексе систему различных сооружений. Для дома было выбрано место на склоне холма, спускающегося к озеру, образованному запрудой речки Сиворки. Планировка здания была типична усадебной – «покоем» (в форме буквы П), с господским домом в центре и более низкими служебными флигелями по сторонам. Связанные дугами оград, постройки образуют с восточной стороны парадный полуциркульный двор. В XVIII веке к нему подводила большая липовая аллея, которая не сохранилась. Все здание поднято на высокий цоколь, сложенный из пудостьского известняка. Над корпусом, перекрытым высокой кровлей, возвышается прямоугольный бельведер, сильно поднятый над кровлей парапетом из каменных тумб

Архитектор И. Е. Старов.
Портрет работы Н. И. Уткина

Сиворицы. Фасад усадебного дома
со стороны парадного двора. 1775–1776.
На переднем плане – солнечные часы

и решеток. Большие окна первого этажа имеют плоские сандрики, придающие им нарядность. Здание венчает сильно выступающий карниз. Он создает глубокую тень на фасадах, подчеркивая их парадный характер. Западный парковый фасад с двумя небольшими ризалитами имеет в центре лоджии с крупной колоннадой ионического ордера. Этот фасад

рассчитан на восприятие с открытого пространства озера и луга. Восточный и западный фасады и поныне сохранили свой первоначальный вид. Южный и северный – значительно изменены новыми окнами и дверными проемами. Первый этаж занимали вестибюль с большой деревянной одномерной лестницей и парадные комнаты. Среди них особенно выделялись Большой (Белый) зал, выходивший окнами на юг, и примыкавший к нему кабинет Петра Григорьевича, а также столовая, которая имела выход в лоджию и через нее в парк. Жилые комнаты на втором этаже в зависимости от назначения соединялись переходами и лестницами.

Парк в Сиворицах очень живописен. Черты регулярности были приданы небольшой его части, примыкавшей к дому. Вся остальная территория носила пейзажный характер. Композиции из деревьев разных пород перемежались с лугами и полянами. Парк украшал обширный пруд с изысканным очертанием берегов. Великолепный пейзаж дополняли садово-парковые сооружения: изогнутые мостики, декоративные вазы, беседки, солнечные мраморные часы и многое другое. Сохранился лишь павильон-беседка «Тондо» (в переводе с итальянского «круглый»). Павильон расположен напротив дома за озером. Его венчает купол, роспись которого изнутри не сохранилась. В состав усадьбы входили различные хозяйственные постройки: скотный двор, амбары, птичники, конюшни и многие другие. Иван Егорович Старов и его сын Павел выстроили храм, освященный во имя святого Николая Чудотворца (ныне в руинах). Прилегающее к храму село стало называться Никольское.

Автор книги о Петербурге и его окрестностях Генрих фон Роймерс писал: «...кто любит красоты природы, тот не должен пропустить Сивориц и Тайц в окрестностях Петербурга». О Сиворицах он сообща-

ет: «Почтовая дорога идет большой частью среди нив, а затем через большое село с церковью Никольское... Слева от него лежит поместье Сиворицы, несколько удаленное от столбовой дороги, к которой выходит далеко

Проект усадебного дома в Сиворицах.
Фасад, обращенный к озеру

раскинувшийся парк поместья». Парк (о нем мы уже говорили) возник на некогда болотистой равнине, через которую протекала узенькая, ничем не примечательная речка Сиворка. Четыре дороги-аллеи вели из главной части парка к четырем другим районам, где находились сельские шале (хижины) – павильоны. Их называли Елицы, Пентос (пятиугольник), Ферма и Екатиринобуш – в честь Екатерины Алексеевны, жены Петра Григорьевича (das Busch – в переводе с немецкого «куст»).

В 1792 году П. Г. Демидов купил у Петра Абрамовича Ганнибала Елицы. «В Елицах, отдаленных от Сивориц на три версты, с балкона открывается пленительный вид на нивы и поля. Парк вокруг очень велик и разделен на много частей», – сообщает фон Роймерс.

Так древнее новгородское село, через которое в XVI веке шла дорога от устья Невы на юг, а в XVIII веке от Гатчины на Рождествено и на юго-запад, превратилось в прелестный уголок демидовского поместья.

Усадьба Сиворицы приводила в восторг современников. Видный общественный деятель первой половины XIX века А. И. Тургенев писал: «Я был у Демидова в деревне и восхищался красотами, искусством произведенными. Сколько ума, вкуса и даже поэзии в расположении садов его...»

Один из видов Сиворицкого парка, написанный в конце XVIII века С. Ф. Щедриным, находится в собрании Государственного Русского музея. А копия с картины Щедрина украшает музей, организованный в 1999 году администрацией СПб № 1 им. П. П. Кащенко в усадебном доме.

Никольская церковь.
Арх. И. Е. Старов.
Разрушена в 30-е г.г.

С Сиворицами связана история полета на воздушном шаре, организованного Академией наук 30 июня 1804 года. Участник полета

академик Я. Д. Захаров писал: «Главный предмет сего путешествия состоит в том, чтобы узнать с большей точностью о физическом состоянии атмосферы и о составляющих ее частях в разных определенных возвышениях оной». Шар, поднявшийся на учебном плацу Васильевского острова в Петербурге, три с половиной часа находился в воздухе. Он пролетел 60 верст, достигнув высоты 2000 метров. Ученый благополучно приземлился вблизи Сивориц. Это был первый в мире полет с научными целями, привлечший всеобщее внимание.

А. Корнилова в статье «Альбом помещика конца 18 века» отмечает, что «садоводство, сельская экономия, литературные упражнения были любимыми занятиями дворян того времени». Об этом же свидетельствуют записки Петра Григорьевича, сделанные в Сиворицах за 1825 год, — из них следует, что он был рачительным хозяином.

В записках Ф. Ф. Вигеля есть описание городского особняка Петра Григорьевича. В то время обстановка и образ жизни усадебного быта были похожи на городской. Он пишет, что «в убранстве комнат, в обычаях, в распределении времени, во всем было заметно нечто голландско-немецкое». Комнаты «были с прочными сводами, украшены лепными изображениями, стены одних были завешаны множеством хороших и дурных картин... столовые и стенные часы, люстры, все мебели одни другим соответствовали... А также одна из комнат была убрана шелковыми китайскими обоями. Она называлась чайной: и в 6 часов, не позже, разливали в ней сей горячий напиток, разводили огонь в камине и гостям мужского пола раздавали по маленькой белой трубке с табаком». Гостей потчевала жена Петра Григорьевича — Екатерина Алексеевна (урожденная Жеребцова). Молва приписывала ей связь с графом Алексеем Григорьевичем Орловым-Чесменским. Однако надпись на ее памятнике

Усадьба Демидовых
(современный вид)

гласит, что «в память любезнейшей супруги и нежнейшей матери поставлен сей камень мужем и другом, жившим с ней в совершеннейшем согласии 46 лет».

После смерти Петра Григорьевича в 1826 году «оставшиеся после тайного советника П. Демидова дом с библиотекою, минеральным кабинетом, медалями, картинами и со всем имуще-

ством в нем» были отданы его сыну, полковнику Алексею Григорьевичу Демидову.

Демидовы владели Сиворицами до последней четверти XIX века. Затем имение перешло к кредиторам. Позже хозяева неоднократно менялись.

В 1902 году усадьбу приобрело Петербургское земство для постройки в ней губернской психиатрической больницы.

В 1904 году инженер Ю. И. Мошинский разработал проект больницы. С 1907 по 1918 год директором больницы работал П. П. Кащенко, выдающийся психиатр.

2 марта 1909 года состоялось освящение, а 10 июня (22 по н. ст.) поступили первые больные. Больница была принята под Августейшее покровительство Ее Императорского Величества Марии Федоровны.

19 февраля 1920 года в Москве скончался основатель больницы П. П. Кащенко. 5 марта 1920 года было принято решение о присвоении Сиворицкой психиатрической больницы его имени. Это решение было утверждено народным комиссаром здравоохранения Н. А. Семашко.

К 90-летию больницы, в 1999 году, по инициативе главного врача О. В. Лиманкина в кабинете Демидова был открыт музей. Отремонтировали Белый зал и столовую, где расположен Гербовый зал. Музейная экспозиция посвящена истории усадьбы и больницы.

ЛИТЕРАТУРА

Гоголицын Ю. М., Иванова Т. М. Архитектурная старина: Памятники зодчества Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1979.

Гришина Л. И., Файнштейн Л. А. Памятные места Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1973.

Дмитриев А. Демидовы и Сибирское золото // Урал. 1994. № 6.

Корнилова А. В. Альбом помещика 18 века // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975.

Краснова Е. И. Демидовы: Родословная роспись. Екатеринбург, 1992.

Кючарианц Д. А. Иван Старов. Л., 1982.

Максимова С. Демидовы // Коннетабль. 1990. 6 окт.

Мартынов С. Д. Демидовы // С.-Петербургская панорама. 1993. № 9.

Мурашова Н., Мыслина Л. Усадьбы Гатчинского района // Ленинградская панорама. 1989. № 5.

Петрова О. Демидовы в эпоху Просвещения. Старая Гатчина. СПб.: Лига, 1996.

Пирютко Ю. М. Гатчина: художественные памятники города и окрестностей. Л., 1979.

Лилия Сони́на

Приглашение к путешествию

«Поедем в Царское Село!» – так начиналось одно из стихотворений Осипа Мандельштама, бывавшего в здешних краях. Когда-то Царскосельский уезд, а ныне Гатчинский район был популярнейшим местом отдыха в окрестностях Петербурга.

Гатчинский район представляет огромный интерес для всех, кто увлечен путешествиями и туризмом, изучает историю края. Многие горожане и жители нашего района хорошо знакомы с маршрутами в Суйду, Кобрино, Выру, где проводятся экскурсии по местам, связан-

ным с именем А. С. Пушкина. Далеко за пределами района известен музей-усадьба В. В. Набокова в Рождествене с интереснейшими экскурсиями по окрестным местам. В поселке Сиверский в кинокультурном центре «Юбилейный» в летнее время планируется проводить для всех желающих экскурсии по Сиверской и ее окрестностям. А для тех, кто предпочитает путешествовать самостоятельно, в нашем районе есть множество исторических и памятных мест.

Особенно привлекает туристов и отдыхающих урочище Донцо и озеро, которое называют здесь Голубым, а также уничтоженная фашистами деревня Большое Заречье Волосовского района. Туда ведут две дороги: одна от станции Елизаветино и деревни Дылицы к Кюрлевскому карьеру, а другая от станции Сиверская и деревни Выра по Волосовской дороге в Заречье к Голубому озеру. Рейсовые автобусы туда не ходят.

Урочище Донцо является достопримечательностью Ижорского плато. Здесь сохранились артезианские источники, и отсюда берет начало река Оредеж. Тут много можжевельника, встречаются редкие растения, охраняемые на территории Ленинградской области. Из семейства орхидных это венерин башмачок, есть тут прострел, ветреница лесная и другие растения. У Кюрлевского карьера расположено озеро, дно которого покрыто кварцевым песчаником, что придает воде яркий голубой цвет. Потому и называют это озеро Голубым.

Схема Гатчинского и смежных с ним районов

Богата история этого уголка нашей области. «Заретцкий Спасский погост» существовал задолго до переписи населения, сделанной в 1499 году, когда здешние земли присоединили к молодому Московскому государству. В XVII веке эта территория попала под шведское владычество и была возвращена России Петром I только в XVIII веке. Мызу Заречье получил тогда царский любимец А. Д. Меншиков. После его опалы императрица Анна Иоанновна подарила ее петербургскому архитектору Доминико Трезини. Архитектор был обременен многочисленной родней, которой и досталась мыза Заречье. Впоследствии владельцем мызы стал

боевой генерал, участник Отечественной войны 1812 года Пахом Чернов. Как известно, его сын Константин Чернов, защищая честь своей сестры, погиб на дуэли, историки называют это событие предвестником восстания декабристов в Петербурге.

В советское время Заречье стало местом летнего отдыха ленинградцев, здесь, по слухам, отдыхала известная ленинградская поэтесса Наталья Крандиевская-Толстая. В годы Великой Отечественной войны деревню Большое Заречье постигла участь белорусской Хатыни: в октябре 1943 года все жители деревни за помощь партизанам были сожжены фашистами. Сейчас на этом месте находится мемориал. Неподалеку от Заречья, в деревне Пятая Гора, сохранилась каменная Троицкая церковь, построенная в 1827–1833 годах. Ее закрыли в 1945 году, но здание церкви уцелело.

С названными достопримечательностями можно познакомиться, совершив многокилометровый поход по этим местам. Тех, у кого нет возможности отправиться в дальнее путешествие, интересуют поездки от Сиверской на автобусах № 505, 506, 507 и маршрутном такси № 120 до деревень Лампово и Орлино, к Орлинскому озеру.

Деревня Лампово является заповедником северорусского народного зодчества. Ее часто называют «сказкой русской северной архитектуры», и кинематографисты любят снимать здесь фильмы. Название деревни, по утверждению краеведа Б. Ф. Давыдова, произошло от названия речки Лямбовка. По его словам, «лямбовка» означает «ямка от копыта коня». Здесь издавна занимались извозом. Культ коня существовал на этой древней земле испокон веков. В XVIII веке при царевице Алексее, сыне Петра I, которому принадлежала деревня, она стала называться Лампово. Эту деревню заселили раскольники-староверы северного толка, дониконианцы. В XIX веке император Александр II предоставил свободу не только крепостным крестьянам, но и иноверцам. В связи с прекращением официального гонения на староверов сюда стали приезжать родственные здешним крестьянам семьи из северных скитов. В деревне начал складываться своеобразный архитектурный стиль, где элементы северорусского народного зодчества, такие как резьба, высокие подклети, въезды и др., сочетались с местными традициями. Здесь использовались валунные камни в цоколях домов, в стенах скотных дворов, «ломанные» кровли и т. д. На Центральной улице, на улице Жуковка почти без изменений сохранились дома, которые датируются 1861–1880 годами.

Ламповские крестьяне того времени, выходцы из Архангельской и Вологодской губерний, на зиму уезжали в Петербург и работали там по найму извозчиками. Это давало им возможность жить в относительном достатке и строить основательные, с богатой резьбой, с деревянными кружевами крепкие избы, рассчитанные на несколько поколений. В конструкции этих строений видно влияние северной деревянной архитектуры. Внимание заслуживает дом № 60–62 на Центральной

улице на краю оврага. Неподалеку от него находится старообрядческая церковь, ныне одна из немногих действующих в Ленинградской области. Молельня старообрядцев построена без архитектурных украшений. Тут сохраняется набат наших предков – вечевой колокол. В молельне бережно хранят древние книги и старые иконы дониконианского периода. Здесь все овеяно стариной, хотя нынешнее здание старообрядческой церкви возведено взамен старого конца XIX века – в 1896 году.

Пройдя всю Центральную улицу в деревне Лампово-1, можно выйти на шоссе, которое ведет в деревню Орлино и к Орлинскому озеру. Когда-то здесь, на берегу озера, находилось имение Орлино с чудесным парком времен императрицы Анны Иоанновны. В XVI веке на месте села находился «погост Спасской Орлинской» с церковью Преображения, построенной в 1570 году. В 1809 году вместо деревянной церкви была воздвигнута новая каменная Преображенская церковь в стиле классицизма.

С имением Орлино связано имя императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги императора Александра I. Основательница Сиротского училища, женского Патриотического общества России, Елизаветинского института, императрица Елизавета Алексеевна «делала много добра... Ее скромность, простота в обращении, чрезмерная кротость и отзывчивость к нуждам слабых и страдающих заслужили ей всеобщую симпатию», – писал о ней великий князь Николай Михайлович. А. С. Пушкин воспел ее в стихотворении «На лире скромной, благородной...». Императрица дважды посещала Орлино: в день закладки нового храма в июле 1808 года и в день его освящения – 25 сентября 1809 года. В письме к своей матери она писала: «...В минувшем году я совершила поездку в деревню с графиней А. Протасовой, и она оказала мне честь, предоставив заложить первый камень церкви, которую строит. Я обещала тогда же присутствовать при освящении церкви, и теперь оно должно свершиться...» Императрица действительно приняла участие в освящении церкви, сдержав слово, данное престарелой фрейлине Анне Стефановне Протасовой, владелице усадьбы Орлино, которую с трудом переносил Александр I, она оставалась при дворе только благодаря душевной доброте императрицы. До 1917 года возле Преображенского храма бережно сохранялась красивая каменная скамья, на которой была укреплена чугунная доска с надписью, где сообщалось, что «здесь отдыхала Ея Императорское Величество Государыня императрица Елизавета Алексеевна 8 июля 1808 года».

От Протасовых имение по наследству перешло графам Строгановым. Один из них, граф Николай Сергеевич Строганов, человек набожный, был в дружеских отношениях с настоятелем церкви священником Николаем Фроловским. В 1873 году графа избрали старостой орлинской Преображенской церкви, и он был им до 1906 года. В 1903 году по инициативе священника и при поддержке графа Н. С. Строганова прихожане этой церкви создали братство во имя Преобра-

жения Господня, цель которого состояла в искоренении пьянства и в поднятии культурного уровня в приходе. Здесь проводились беседы, лекции, собрания. В селе были открыты чайная-читальня и библиотека, пользовавшиеся большой популярностью у населения. В советский период церковь была закрыта. В настоящее время Преображенская церковь в Орлине восстанавливается и действует.

Интересна история деревни Орлино. После окончания Северной войны в 1721 году Петр I подарил орлинскую мызу поначалу И. Нарышкину, а позднее И. Бутурлину. В конце XVIII века владельцем усадьбы в Орлине стал известный русский дипломат А. Стахийев, в гостях у которого часто бывал писатель Д. Фонвизин, автор комедии «Недоросль». В Орлине часто проводила время императрица Мария Александровна, супруга Александра II, освободившего крестьян от крепостного рабства и осуществлявшего политику реформ, преобразовавших Россию. Императрица старалась держаться в тени и этим вызывала уважение окружающих. «Душа хотела б ей молиться, а сердце рвется обожать...» – писал о ней поэт Ф. Тютчев. Она способствовала развитию женского образования в России, неустанно занималась благотворительностью и основала Красный Крест. Это, по уверениям современников, дает ей право на признательность потомков. Ее супруг, император Александр II, воспитанный поэтом В. А. Жуковским, считается самым добрым, самым благожелательным русским царем, который смело встал на путь преобразования России. По словам А. Столыпина, этого царя отличали «прямота, благородство, великодушие, близость к подданным...». Александр II был страстным охотником и не раз охотился на Орлинском озере.

Овеяно легендами сказочной красоты Орлинское озеро. Одно из преданий гласит, что оно получило свое название от того, что когда-то, в глубокой древности, на нем охотился один из князей и подбил орлика. Это одно из самых живописных озер не только Гатчинского района, но и Ленинградской области. Здесь побывали многие знаменитые русские художники, в числе которых был Н. К. Рерих. На берегу озера частично сохранился усадебный парк, где стоит церковь Преображения. Но самая главная достопримечательность Орлина – это великолепие Орлинского озера.

Природы дивной край

Александр Сёмочкин

Сага о грибах

Дождливое и прохладное было лето от Рождества Христова 2003-е, от сотворения мира же – 7511-е. Однако не тем запомнится оно верхнеореджежским обывателям, будет значиться оно в народной памяти как лето грибного изобилия.

О таких годах слышали мы, старшие из ныне живущих, от своих отцов; такими годами отмерялись эпохи деревенского бытия: большой гриб 1941 года, обильный 1948-го и обвальный 1958-го.

В новейшее время таких годов не случалось, уже в мыслях было, что и не будет никогда более – и погоды, дескать, не те, и лес не тот, что прежде, да и сами мы не того крепкого разлива, как наши отцы и деды. Не с чего, кажется, было грибу разыграть и взъяриться, совершенно то есть не с чего.

Но вот – чудо лета нынешнего, явленное нечаянно и с эпохой несогласное.

Два года предыдущих гриба почти не было вовсе – колосовик, выскакивающий в июне, оказывался первым и последним грибом лета, последующие потом жары и сухмень тему грибную закрывали наглухо. Поэтому и нынешний в июне опять-таки вылезший грибок никто всерьез не принял – подразнит, мол, и был таков. Но оказалось, что это была лишь только разведка. В июле, во второй половине, гриб пошел, да как!

Белые снова, как в отцовских байках, считали сотнями, березовик и за гриб не шел, а красные брались только молоденькие, а при всем том никакой тары, взятой в лес, не хватало и на пару часов сбора – гриб пер и пер, и конца этому изобилию было не видно.

Надобно заметить, что гриб в России – это не просто гриб, плодовое тело грибницы. Это предмет культа, тема для разговоров в августе, род лихорадки, охватывающей старых и малых. В грибе есть что-то таинственное и даже мистическое. Этот маленький комочек растительной протоплазмы кажется наделенным чувствами, эмоциями – он растет, прячется, камуфлируется, охотно показывается одним людям и избегает других, он появляется на пустом месте и потом неведь куда исчезает, чтобы снова где-то появиться.

Он выбирает лучшие, красивейшие участки леса для своего обитания и явно тяготеет к местам, которые часто посещает человек, хотя по логике вещей должен был бы их избегать. Грибу нравится, когда им восхищаются, и самые красивые грибы всегда стоят на виду, напоказ, давая возможность собой полюбоваться.

А ведь по сути своей гриб – только цветок, споронос мицелия, грибницы, которая может быть огромна, и этот подземный мир таинственен и непредсказуем. Я знаю место в лесу, знакомое с детства, где семейство настоящих красно-коричневых боровиков выскакивает с регулярностью раз в пять-шесть лет. Что делает остальное время грибница, чем она занята, почему не разрастается – нет ответа. В ее поведении, кажется, главенствует аксиома женской логики: «Довольствуйся тем, что есть, и ни о чем не спрашивай!» Будем и мы руководствоваться этим замечательным правилом, восхищаясь дивным даром природы и не мудрствуя лукаво.

И тебе, дивный лес моего детства, – тебе первый поклон. Лет с десяти взрослые, то есть тетки нашей многочисленной семьи, стали брать меня с собой за грибами в большой лес. Этот лес жив и поныне, изуродованный до неузнаваемости песчаным карьером и многочисленными вырубками. Звался он «замостские горушки», и это действительно были горушки, поросшие молодым ельником и березняком, с дивными полянами на косогорах, со своим небольшим болотцем и родником, ключиком, бившим из земли под откосом. Рядом с ним на ветке висел ладно скроенный кем-то берестяной черпачок – испей, путник, водицы, причастись к лесным дарам! – что все и делали, конечно. Это входило в ритуал, было его частью, как и то, что тетки, входя в лес, доставали из кошелки кусок хлеба и оставляли его на пеньке, что-то шепча про себя. Когда я спрашивал – зачем, мне отвечали – птичкам, зверушкам... Но я чувствовал, что этот хлеб предназначался не им, но кому-то большему, таинственному хозяину леса – чтоб не обижал, не «водил», не жадничал грибами и не пугал, озорничая.

И то сказать – походы были всегда удачными, корзинки короба полны, и на выходе из леса, у небольшого поля, где всегда росла рожь, у кучки огромных валунов, устраивался привал – перекусить, отдохнуть перед долгой, трехкилометровой дорогой домой, перебрать еще раз грибы, вспоминая, как нашел, да как рядом – другой, а во мху, глядь – еще парочка спряталась... Как счастлив был я слушать все это, и своим похвастаться, и приврать чего при случае.

«Поклонись лесу за щедроты его. И так всегда делай!» – говорила тетка Аня, старшая.

Я и делаю это всегда. Правда, хлеба не кладу на пенек, с тех пор как повесил на грудь себе крест. Хозяин Вселенной куда могущественнее хозяина леса, поэтому осеняешь себя крестным знамением – и вперед, уже без страха. И вот они – грибы...

Первое, что, как правило, попадает в лесу, – сыроежка. Их у нас великое множество всяких и по цвету, от бледно-серых до темно-коричневых, и по форме. Надо лишь помнить, что у сыроежки всегда легко отстает верхняя красящая пленка шляпки и никогда не бывает на ножке «добочки» – это чтобы не путать с бледной поганкой.

На севере сыроежку любят, берут ее охотно и солят на зиму кадушками. Предпочтение отдается молодому грибку, с желтой шляпкой, их потому и зовут желтушками. У нас желтушка встречается нечасто, во всяком случае гораздо реже красноцветной сыроежки. Однако именно красная, алая пленка шляпки единственно опасна, поскольку слабоядовита. Ее необходимо счищать с гриба, а это при обилии таких сыроежек затруднительно. Да и сам «скальпированный» гриб выглядит не столь красиво. Поэтому у нас сыроежки берут редко, только на безгрибье. Хотя, надобно отдать должное этому вездесущему грибу, молодые сыроежки, хорошо прожаренные, да со сметанкой дадут фору многим и многим из «благородных».

На севере, впрочем в Архангельщине, да и у восточных наших соседей, у вологжан, к благородным грибам отношение более чем спокойное. Вот «соленые», то есть грибы для засолки, – другое дело. Это гриб промышленный, он будет всю зиму кормить, остальные же – баловство для дачников.

Грибов для засолки много, практически – все племя пластинчатых: серянки, волнушки, валуи, рыжики и, конечно, грузди. Но и груздей род не мал – белые, желтые, черные, сухие. Строго говоря, груздь настоящий один – белый, все остальные именуются подгруздками. И уж как этот груздь любим в народе за его крепость, аромат, вкус, стойкость в рассоле! Февральским вечером ничего лучше нет отварной картошки с груздочками из кадки. К такому столу и боярина позвать не грех – бутылочку первачка со слезой.

Любим этот гриб в фольклоре («Назвался груздем – полезай в кузов!») и поэтами:

Белогвардейцы, гордиев узел доблести русской,
Белогвардейцы, белые грузди песенки русской...

Марина Цветаева. Белая гвардия. «Лебединый стан»

Впрочем, у нас белый груздь встречается редко. Я за всю свою жизнь грибника встречал его несколько раз, и то случайно, бессистемно так сказать, поскольку другие грузди, то бишь подгруздки, растут на облюбованных местах из года в год и большими колониями. Набрать, скажем, чернушку (черный груздь) или сухарку (сухой груздь), набить ими короб – ничего не стоит, если знаешь место их обитания. Нужно только не спутать черный подгруздок со свинушкой, а сухой со скрипуном. Последний если лизнешь на срезе, не отплюешься – такой жгучей горечью захватит рот. И свинушка, и скрипун числятся в условно съедобных – отваря, мол, два-три раза, сливая воду, – и в кадушку. Однако лучше не надо.

В условно съедобных числятся и все поганки, за исключением трех: бледная поганка, панцирный мухомор и сатанинский гриб. Вот эти ядовиты по-настоящему. Последнего у нас, правда, нет, это южанин, панцирный мухомор довольно редок, а бледная поганка – опас-

ность реальная: каждый год эта тварь уносит какое-то число жизней. Впрочем, как ругать ее! Для нас – яд, для вепря или сохатого – лекарство.

Скажем, панцирный мухомор использовали «святые безумцы» викингов – берсерки, именно из него получали они стимулятор бешеной боевой энергии и способность не замечать свои раны. Про ныне популярные поганки – галлюциногены – я уж просто молчу.

Лучше руководствоваться правилом – брать лишь отборные хорошо знакомые грибы. Всякие там вешенки, колпаки кольчатые, зеленушки, козлята, горькушки и прочий такой народец нужно оставлять в лесу, как это делали наши бабушки и дедушки: одни из них накапливают в себе радионуклиды, другие «коллекционируют» тяжелые и совсем не благородные металлы, у третьих на сотню безобидных особей приходится одна небезобидная. Пусть себе растут, лес красят.

Я же хочу воспеть тебя, рыжий грибок, чудо леса Панов угол, что подходит своими елками и соснами к моей родной деревне.

В первой декаде сентября, когда дело идет к осеннему равноденствию и ночь уравнивается с днем, в хрустальные и свежие утра этой дивной поры года начинается охота на одно из самых удивительных грибных существ Северо-Запада – на рыжика. Этот небольшой грибок, как и сыроежку, можно есть сырым, только чуть-чуть посолив. Но ароматом своим он превосходит всех, да и питательность его фантастична – по белку он перекрывает говядину, а его клетчатка (это та составляющая, что делает гриб «тяжелой пищей») легка и удобоварима. Рыжик солят, жарят, маринуют, отварив, замораживают до зимы. Но лучший способ его приготовления, принятый у нас дома, – свежий гриб закипятить в соленой воде с малой толикой пряностей – и на стол. Вкуснее я ничего не едал.

Рыжизна рыжика удивительна – кажется, что он светится в тени лесного подростка. И если уж мелькнула эта рыжая искорка – ставь корзину и осторожно осмотришь и увидишь там и тут, под травинкой и листом спрятавшиеся рыжие крепыши. Рыжик – гриб семейственный и очень редко растет в одиночку. Поскольку нет в нем едкого млечного сока, как в груздях или в волнушках, грибные черви моментом проникают в едва подросшие грибы, и те сплошь и рядом бывают, увы, червивы.

Раньше, в старорежимные времена, ценился особо рыжик «бутылочный», то есть такой, чтобы шляпка его свободно проходила сквозь горлышко бутылки. Так, в бутылках, их и поставляли оборотистые купцы в столичные рестораны. Именовался такой рыжик еще «копеечным», поскольку размером был с копеечную монету. Были в ходу и двух- и трехкопеечные грибки, размером же с пятак был предельным – крупнее не брали.

Боровой рыжик бывает оранжевым – это сосновый, бывает побледнее с прозеленью – это еловый, но у обоих пластинчатый испод

такого интенсивно рыжего цвета, что спутать его, скажем, с волнушкой невозможно.

В таежной зоне рыжик ценится выше всех других грибов, его зовут рыжок, иногда рудой, считают его лесным мясом и заготавливают без ограничений – сколько ухватишь. Я едал в Сибири рыжик осенью засоленный, а зимой вымоченный и зажаренный с мясом дося – такого не забудешь. К столу подается в качестве заправки простокваша – и вот вам пища богатырей.

Хочется сказать слово в защиту одного гриба, часто незаслуженно обижаемого неопытными грибниками. Это валуй, растет он на плотных сухих пригорках, где любят селиться белые, мало того – и видом своим он белый напоминает, отчего и страдает безвинно. Ринется к нему грибник, сорвет – и бросит разочарованно в сторону, того не ведая, что это один из самых лучших засолочных грибов нашего леса. Только брать валуй надо молодым, когда шляпка его крепко свернута в кулачок. Подросши и распрямив свой зонтик, гриб становится хрупким, и вы рискуете принести домой ни на что не пригодное крошево.

Умолчать нельзя о лисичках и опятах, по степени популярности они едва ли белые не превосходят, хотя популярность их по сути своей дутая.

Желто-оранжевой лисичке сопутствуют два мифа: что она, дескать, никогда не бывает червивая и едва ли не от лучевой болезни излечивает. Первое – неправда: бывает лисичка червивой, но чрезвычайно редко. Второе – не знаю, может быть, и излечивает. Но что доподлинно известно – вкус ее, лисички, проявится только на сковородке, да в пережаренном до шкварок виде, тогда она и ароматна, и своеобразно вкусна.

Опенки, грибные ребенки, ребята веселые и дружные – единственный грибной паразит нашего леса. Известно, что грибы – симбиоты, их грибница находится в сложнейшей связи с корнями деревьев, мха и травы. Но опенок именно паразит: он питается соком умирающего или больного дерева, помогая ему умирать, а потом еще и на «труп» посидит, выкачивая из него остатки органики.

В хорошую осень нарезать туес опят с трех-четырех пней не составит труда. Пень нужен березовый – на нем опенок слаще. На осиновом пне он будет горчить, на еловом – отдавать смолой. Бывает опенок летний, он тощ и неказист и очень похож на опенок ложный, так что лучше его не брать. Осенний же опенок крепок, пятнист и оторочен изящной белой юбочкой – и не хочешь, а срежешь друзу грибов пятнадцать, двадцать, а то и тридцать особей на одном корне. Вкус у него почти никакой, но для любителей «быстро и много» этот гриб незаменим. Они его отваривают, а потом замораживают и хранят в морозильной камере холодильника, чтобы зимой удивлять друзей «свежими грибами», в которых, правда, кроме названия ничего от гриба уже не осталось.

Рождествено. Поворот к карстовым пещерам.
Фото И. Савицкого

Рождествено. Река Оредеж.
Фото И. Савицкого

Сиверская.
Пещера в обрыве
в районе Красной улицы.
Фото И. Савицкого

Сиверская. Местная достопримечательность - валун "Лунный камень".
Фото И. Савицкого

Рождествено. Вид из набоковского дома.
Фото И. Савицкого

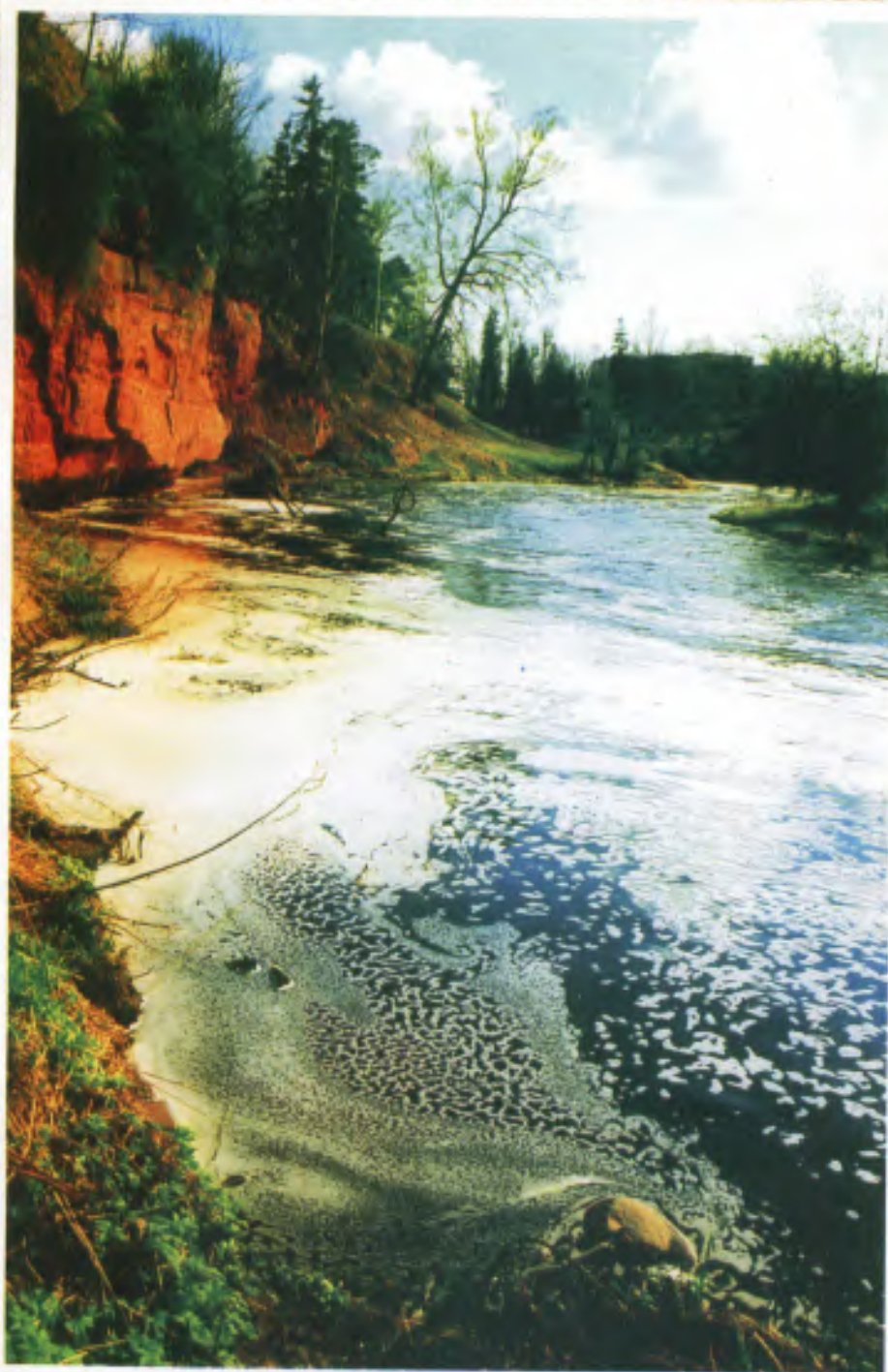
Старосиверская.
"Источник молодости".
Фото И. Савицкого

Место первых признаний.
Фото Н. Емельянова

Обрыв.
Фото Н. Емельянова

Сиверская. Река Оредеж.
Фото И. Савицкого

А. Златкин. Тихий день

А. Златкин. Красные берега

А. Златкин. Листопад в Рождествено

А. Златкин. Березы над рекой

К. Бернюков. Снег сошел

Многие нынче опенки маринуют, но должен признаться – бездарнее опенка в этой роли может быть только какая-нибудь вешенка.

В нашей большой семье, где вся заготовка на зиму проходила под неусыпным и жестким бабушкиным контролем, только отборные и самые лучшие губчатые грибы допускались к маринованию. Они должны были быть молодыми и упругими, эти подосиновички и белые, они должны радовать взор в январе, под старый Новый год, когда открывалась заветная баночка, залитая сверху парафином и обернутая бумагой, и под восторженные восклицания гостей водружалась на главное на столе место.

Маринование – от латинского *marinare*, то есть «морской», и, по видимому, нужно объяснить, каким образом сухопутному пресерву довелось приобрести это романтическое имя.

А начало было положено в героические времена Великих географических открытий, когда тысячи кораблей бороздили океаны в поисках «страны золота» (Эльдорадо) или еще не открытых материков. Путешествия длились месяцами, запас продуктов при отсутствии холодильников был ограничен. Тогда было установлено, что мясо, залитое «мертвым вином», то есть уксусом, не портится даже в тропиках.

Потом это открытие взяли на вооружение европейские хозяйки, а в России маринованные продукты хоть и появились поздно, в XVIII столетии, но быстро стали невероятно популярны. В самом деле, лучшей закуски под наши крепкие и сверхкрепкие напитки нет, не было и не будет (если вы, конечно, обладаете здоровым желудком и печенью).

Рецептов маринования грибов я приводить не буду, настолько это деликатная операция, настолько она индивидуально тонка, что оскорблять этот акт высокого художественного творчества цифирью, процентами и миллилитрами не поворачивается рука.

Нужно, правда, и то знать, что скверно замаринованный гриб может быть грозной опасностью для едока. Потому, если уж захочется приобщиться к маринованию, ищите конкретную Марь Ивановну с ее дивными грибочками и через ее руководство приобщайтесь.

Что же касается, скажем, подберезовиков, то только один подвид его, растущий ближе к елкам, чем к березам, – именно черноголовик, – имеет право быть замаринованным, и то лишь молодой, и только шляпка. Два других подвида, у нас растущие, – обыкновенный бурый и болотный белый, чуть с прозеленью, называемый абабок, – годятся только на сковородку.

В Сибири и на севере, впрочем, абабками называют все губчатые грибы, кроме боровиков, пожалуй, не делая различия между подберезовиком и подосиновиком. А они действительно могут быть очень похожи – именно подберезовики-черноголовики и подосиновики-серокорни.

Дело в том, что и у нас, и на севере этот красивый, многочисленный и вкусный гриб – подосиновик – встречается двух видов.

Один из них – классический красный – более редок, более капризен к почвам и вообще к лесу и у нас не особо част. Я знаю только один чисто осиновый лес по старой «царской» дороге, ведущей от деревни Грязно в сторону Большого Заречья, где растет в обилии этот замечательно красивый гриб. От своего собрата он отличается яркой алой шляпкой – именно алой, а не красно-бурой! – и белоснежной толстой ножкой, увы, часто червивой даже у молодых грибов. Растет он дружно, компаниями, и если попадаешь «на слой» – набрать корзину этих красавцев совсем не трудно.

У подосиновика есть одна странная особенность – он весьма любопытен. Стоит человеку прокопать канаву в лесу, ров или просто проложить подземный кабель, через год-другой на отвалах невесть откуда появляется целыми выводками этот красноголовый гриб, как бы силясь понять, что тут делали странные машины и зачем сустились люди. Потом, через несколько лет, бугры и отвалы становятся привычными, и грибы теряют к ним всякий интерес.

Так случилось и со старинной дорогой, которая некогда соединяла два озера – славянское Орлино с ижорским Кюрли-Ярви (теперешним Донцом). Лет двадцать тому назад вдоль нее был проложен кабель, и вдоль полосы потревоженной лесной земли через два года стеной стали подосиновики того благородного ало-белого окраса, который столь ценится грибниками. И когда я, гордый, приносил полную корзину в деревню, вездесущая и всезнающая тетка Женя Маркова моментально вычисляла: это ты, парень, в Заречьих покосах наковырял, гриб оттудова, сразу видать.

Те покосы сейчас на глазах зарастают ивняком и осинником, никому уже не нужные, не кошенные десятки лет, а ведь когда-то моему деду, в 1919 году организовавшему вместе с пятком таких же, как он, шальных мужиков Вырскую коммуну, – тогда им пришлось за эти покосы настоящую войну с деревенским миром выдержать, да и выделил им мир самую что ни на есть неудобь, полуболото.

Утром пораньше, чтоб не опередили другие охотники, пробегал я вдоль дороги триста грибных метров, восклицая и восхищаясь и быстро наполняя корзинку, и бежал на работу, на Вырскую почтовую станцию, которая тогда восстанавливалась.

И однажды при входе в лес путь мне преградил огромный секач. Грозно рыкнув, он встал поперек дороги с намерением стоять долго. Встал и я, любясь мощным животным и жадно ловя впечатления. Вскорости стало ясно, почему он стоит – из леса, поспешая и похрапывая, прошла матка-кабаниха, а за нею восемь или девять поросят, полосатых и резвых. Секач подождал, пока они уйдут, еще раз рыкнул и бесшумно исчез вслед за своими.

Я тоже подождал и пошел дальше, к любимому своему валуну величиной с хорошую баню, чтобы начать утреннюю охоту. У местных эта просека так и называлась: у Большого камня.

Что же до подосиновиков-серокорней, то эти ребята растут повсюду и настоящего азарта не вызывают – гриб хотя из благородных, но невысокого чина и звания. Особенно много их на берегах Черной речки, той, что впадает во второе Чикинское озеро, на участке от озера до бывших хуторов на старой зарецкой дороге.

Серокорень густо синеет на срезе, чернеет при сушке и суп чернит, если в него попадает, так что лучшее место его – на сковородке, а малым да крепеньким – в маринаде.

Но настоящий охотничий азарт связан не с перечисленными грибами. Это лишь разгон, прелюдия в грибо-охотничьем деле. Настоящая же страсть начинается там, где в сухих прилужских борах среди холмов и редких сосен, среди зеленых, а на взгорках белых мхов, среди куртинок толокнянки вырастает чудо с корявой красно-коричневой шляпкой, светло-зеленым исподом и мощной белобуровой ножкой. Это боровик, царственный боровик – предмет вожделения настоящего охотника. В отличие от обыкновенного белого гриба, почти всегда растущего на виду, боровик часто прячется во мхах, выставляя наружу лишь часть своей шляпки, и потому его нужно именно искать, а не просто собирать. В поисках же самое главное – правильно настроить глаз, чтобы потом при беглом просмотре местности он моментально «считывал» и «вычислял» гриб, фиксировал и расшифровывал все подозрительные пятна, бугорки, поганки и прочий камуфляж леса. А для того чтобы этот настрой появился, нужно внимательно, запоминающе всмотреться в первый найденный гриб и, запечатлев его образ, дать команду глазу: ищи! Иногда для этой цели можно занять гриб у более удачливого приятеля.

Корзинка, а тем паче короб, наполненный боровиками, – предел мечтаний любого грибника. Торжественно, с видом усталого победителя прийти домой, выложить красавцы грибы на стол – для счета, любования и фотографии на память и с ленцой бывалого охотника рассказать домашним о перипетиях охоты – это заслуженный триумф. После этого красавцы боровики будут крошены проворными хозяйками и нанизаны на лучинки для сушки или молоденькие будут отобраны для маринования – праздник души закончится. До следующей удачи.

Около Рождествена боровики не растут, хотя боры по берегам реки существуют, и они не хуже лужских. То есть иногда, в редкий год и попадаетесь несколько настоящих боровичков, но считать это за полноценную охоту нет никакого резона.

Зато растут в наших лесах обыкновенные белые, и есть в них все достоинства боровиков, кроме, пожалуй, высокого аристократизма

последних. Наш белый – боярин, но не князь, но и как боярин он может быть восхитительно красив.

Белые грибы зовут еще весьма неблагозвучно коровьяками, и вот по какой причине.

Раньше, когда в наших деревнях жили крестьяне, а не дачники, как теперь, – раньше никто из крестьян и помыслить не мог, что коровы могут пастись в поле или на лугу. Поле было предназначено для хлеба или овощей, луга – для покосов, то есть для сена, буренки же гуляли в окрестных лесах, на вырубках и среди малых лесных полянок. Оттого и молоко их было особо ценным, что поедали коровки такую лесную траву, какой в поле не сыщешь. Охотно съедали они и попадающиеся им грибы, особенно белые, поскольку те и вкусны, и питательны. Ну а потом грибные споры, эти семена грибниц, вместе с коровьими лепешками оставались в лесу же и, хорошо удобренные, давали новую грибницу. Оттого и росли белые преимущественно вдоль лесных тропок, на полянках и около них.

Теперь, когда коров в леса не гоняют и остались от бывшего только народные названия – коровий мостик, Карьяга (это от ижорского «скотий-выгон»), – теперь можно было бы посчитать, что малый гриб последних годов из-за отсутствия коров потому и мал – если бы не год нынешний с его грибным изобилием. По-видимому, грибы приспособились к новым условиям существования, как они это делали раньше и как будут делать всегда.

В грибные годы нередко в лесу можно встретить грибы, тесно растущие и создающие некое подобие круга. Эти круги могут быть небольшие, когда их образующие грибы числом невелики, но они могут быть и огромные, когда сотни грибов, шляпка к шляпке, формируют круг в десяток, а то и более метров.

В народе такие круги называют ведьмиными, и я помню панический с детства страх – как бы не попасть внутрь круга нечаянно, потому что тогда из леса тебе не выйти никогда. В самом деле – в любом таком круге есть просветы, прогалы, «входы», через которые можно вступить в круг – и тогда он замкнется, и ты в ведьмином плену.

Круги образуют грибы только пластинчатые, и не всегда поганки – могут быть и вполне добротные сыроежки, волнушки-белянки или земляные опята. Понятно вроде бы происхождение кругов – это окраинные, периферийные точки грибницы, давшие разом плодовые тела свои в обилии и в радости.

Сегодня я уже не шарахаюсь от этих кругов, а любуюсь ими. Так и представляются они мне хороводом юных лесных существ, радующихся жизни и приглашающих нас, двуногих, порадоваться вместе с ними.

Короток их век, так ведь и наш не намного длиннее, слабы и хрупки они, но и мы не железные, исчезнут они вскоре, растворившись в лесной почве, но и наши тела ждет та же участь.

Будем же уважительны к малому лесному народцу и поблагодарим Создателя за дивный промысел Его о нас, о лесе, о грибах, этот лес населяющих, и будем просить Его, чтобы и правнуки наши могли радоваться нашей о грибах радости.

Александр Сёмочкин

Ода болоту

О, преславное чудесе Божиего творения! Где хляби водные и тверди земные соединяются, где почва зыбится, а по моховому ковру можно ходить по воде, как посуху, где зеленая трава означает яму бездонную, а трава пожухлая и худая – надежный остров, где живут дивные растения, поседающие летающих тварей, где из жижи черной как смоль вырастают цветы белее самой белизны, – тебе, верховое сфагновое болото, пою я эту песнь.

Германцы зовут тебя *das Moor*, почти море (*das Meer*), а они знают толк в болотах. Если бы в Северной Европе было бы возможно соединить все болота в одно, получилось бы море обширнее Балтийского. А есть еще болота Сибири и Канады. Есть еще южные, низовые болота, но не о них сейчас мы поведем речь.

Латинцы зовут тебя *palus*, нам более известно слово «палуэстра»¹. Когда я был совсем молодой, то был уверен, что наше петербургское Полуострово означает некий полуостров в полярном море, близкий к полюсу, в скалах которого бьют источники целебной воды, пригодной для всех обстоятельств жизни.

Но мое личное знакомство с тобой началось намного раньше, о болото. Нам, послевоенным отрокам славного сельца Выры, было лет по восемь-девять, когда наши бабушки отрядили нас в первую болотную экспедицию. На шею нам повесили литровые банки на веревочке и приказали с пустыми банками домой не возвращаться.

Стояла дивная пора середины июля, разноцветное болото мрело перед нами каким-то фиолетовым или сиреневым сиянием, а посреди зеленого, белого, багрового и оранжевого мха поднимались, тянулись к нам на своих тонких стеблях дивные ягоды янтарного цвета. Я съел их несколько и понял, что никогда в жизни я не буду вкушать ничего более сладостного и радостного, чем эта болотная ягода.

То была морошка.

Мистическая ягода белых ночей и бездонных болот, я не один влюблен в тебя. Моя бабушка и мои тетки признавались, что никогда не варили варений из морошки потому лишь, что всю ее съедали сырую, живьем – не было сил удержаться.

Взрослые тогда, в те строгие послевоенные сороковые, не ходили за ягодами, их поставляли мы, отроча, и половина нашего короткого

¹ *Palus* – болото, *paluster* – болотный.

лета проходила на болоте – царственную морошку сменяла благородная гоноболь, пьяника, за ней следовали брусника и клюква.

Мы научились купаться в коварных болотных окнах, пить торфяную необыкновенно вкусную воду и наблюдать за тем, как хищная росянка ловит и пожирает комарика, которого мы же ей подсовывали. Мы уже знали, что, когда проваливаешься сквозь тонкий моховой покров в пучину, нужно не месить ногами попусту, а ложиться на спину и, работая локтями, аккуратно освобождать ноги. Мы ведали, что сохранившиеся темные болотные озерца, где вода густа и черна, как деготь, бездонны; все попытки наши измерить их глубину с помощью шестов ни к чему не привели, и была вода эта страшна и притягательна: так и подмывало нырнуть в темную бездну и увидеть болото снизу – как плавают там сросшиеся торфяные острова и какая там внизу идет тайная жизнь.

Я ни разу не нырнул в болотные озера. Купались же мы так: нужно было выбрать средней величины окно, покрытое нежнейшей зеленью травки и поблескивающее глазками воды, к нему приблизиться, лечь и, ногами вперед, на спине, локтями работая, наползть на окно, оставляя на кочке только голову. Тотчас тело начинало погружаться в теплую и пахучую воду, на какое-то время оно, тело, вообще переставало существовать, и отрок мог насладиться ощущением полной невесомости.

Опасно это не было: погружение происходило до определенного предела, тело зависало на мягчайшем мхе, чуть покрытое водой. Так можно было лежать часами, но что может быть непоседливее тебя самого, когда тебе девять лет!

Мир болота полон чудес: один приятель поймал ужа, другой – обнаружил слетка неясоти – сова тарашит огромные слепые глаза, щелкает клювом и шипит по-кошачьи.

Позже, когда подрос, я таскал на болота своих друзей и девушек, заставляя их восхищаться разноцветьем мхов и таинством темных вод, и уже по тому, как болото принимало нового человека, пытался вычислить его глубинное сущее.

Я любил болото и всем своим существом чувствовал, что тоже любим им. Я любил его спокойствие, его тишину, его красоту и ту разлитую в нем сладкую тоску, на которую так отзывчиво русское сердце; кажется, вот болото вздохнет, и явятся на его просторах счастливые берендей, льноволосые девушки с синими глазами поведут хоровод и станут бросать в темные воды венки болотных нарциссов, гадая о суженом.

По краешку болот в сыром разнолесье росли и растут по сей день дивные лесные орхидеи с таинственными именами: ятрышник пятнистый, любка двулистная, ночная фиалка. Этот невзрачный бледно-зеленый цветок обладает таким ароматом, в сравнении с которым ландыш груб, а роза вульгарна.

В ночь на день рождения матери я сажился на велосипед и ехал к ближайшему «круглому» болотцу, чтобы набрать букетик цветов, источающих аромат только по ночам, и поставить их на столик у изголовья материнской кровати.

Однажды на краю болота в темной лужице воды в июльскую ночь я увидел чудо. Чудо было огромным цветком из одного лепестка, и этот лепесток светился зеленоватым светом так, что, кажется, все освещал вокруг себя. С трепетом и восторгом я сорвал это диво и поспешил домой – поставить его в воду и утром поразить домашних. Но каково же было мое разочарование, когда поутру увидел я блеклое и полувялое нечто, ничего общего не имеющее со вчерашним откровением! Этот цветок называется белокрыльник болотный, и никогда, слышите – никогда не убивайте его, любуйтесь чудом вявь, в его стихии.

Когда наступил период познания мира, когда закончилась суeta молодости, болото стало открывать свои потаенные кладовые, сначала малые, а потом и побольше. Я увидел разницу в рядом лежащих болотах, даже растения здесь были различны, и запахи, и звуки. На одном обильно цвел багульник, пьянящим ароматом своим заглушая все, на другом плаун булавовидный, этот реликт древних лесов, гордо поднимал свои головы, а рядом с ним в мирном соседстве росла тундровая карликовая березка – растеньице в сорок сантиметров высотой, точно пришедшее сюда с японской выставки искусства бонсай. Одно болото затоплено цветущим все лето болотным вереском, его фиолетовые цветы дают темный целебный нектар, и мириады насекомых упиваются им. Другое поверх мха все подернуто щетиной болотной щучки, но здесь самая крупная и самая вкусная клюква – под защитой колючей и густой травы она чувствует себя в большей безопасности. На третьем заросли вороники – ягоды не менее полезной, чем брусника, но водянистой, «никакой» на вкус, на ней чаще всего пасутся рябчики, а эти ребята знают толк в ягоде! И везде, повсюду – мхи, мхи... Самый знаменитый из них – сфагнум – утеплил бревенчатые срубы всей Северной Руси. Потом оказалось, что по количеству растительного белка он превышает зерно и им можно питаться. Потом оказалось еще, что по бактерицидным свойствам своим сфагнум сродни йодной настойке. Что завтра отыщут пытливые головы в этом скромном растении, можно только предполагать, но можно не сомневаться, что отыщут.

До середины семидесятых годов страна боролась с болотами, пытаясь их осушить и одеть лесом. В результате мы получили чудовищные подпочвенные пожары, когда выгорали и обрушивались десятки квадратных километров земли.

С середины семидесятых в печати стали появляться статьи о болотах, об их роли в экосистемах и их уникальности. Оказалось, что болота одного региона связаны подземными протоками в единое целое, что соседи подпитывают усыхающего соседа, давая ему возможность

перестроиться, приспособиться к новым условиям. Оказалось, что «корни» болот, эти водные отростки, достигают глубины полутора километров, и вода, профильтрованная мхами, будет направлена на питание всех здешних родников и источников.

Но больше всего поражали рассказы о болотных самородных рудах. Невероятный дар северной природы, о котором нынче почти все забыли, на протяжении веков был единственным источником получения своего, не привозного, металла.

Давным-давно, когда Господь еще не сотворил Адама, а лишь подготавливал планету к его, Адама, проживанию, когда земля еще лепилась из скал, воды и льда, когда поднималась и опускалась твердь и снова поднималась, когда приходили и уходили моря, а на их месте вздымались горы, — в те библейские времена огромные ледники, набрав силы в Заполярье, срывали высокие скандинавские горы и, перемалывая их, тащили на юг, размазывая обкатанные куски скал, щебень и песок по Великой Русской равнине. В горах Скандинавии много было рудных жил меди, железа и серебра, и жилы эти вместе с породой тащил ледник на юг, оставляя их там, где заставало его очередное потепление. Перемолотая руда, промытая водой, собиралась на дне древних озер, ставших болотами. Она слеплялась в небольшие шарики — конкреции, и шарики эти наполняли собой низменные места болот, и наполнения эти были порой весьма обширны.

Человек искал их и находил. Гуляли тогда по Руси люди необыкновенной профессии — лозоходцы, рудознатцы, и каждый из них имел дар свыше искать свое: одни искали воду, другие железо, были и такие, кто искал серебро и золото. Вооружением этих людей была свежесрезанная ивовая рогатинка, за концы ее взяв, осторожно шел человек по местности, думая лишь о том, что ему надлежало найти. В нужном месте рогатинка начинала биться в руках, оставалось забить тут колышек и начинать копать.

В случае с болотной рудой копать, конечно, было не нужно — с сооруженного помоста черпали руду специальными ковшами. Эти бурые шарики были почти чистый окисел железа плюс марганец — идеальное сырье для примитивной древесной доменки — железоварни. Получалась не сталь, не чугун, а нечто среднее — чугун ковкий, дивный металл, который и не ржавел, как чугун, и ковался, как сталь.

В веке восемнадцатом, когда Россия восхотела стать и на море великой, не только на суше, огромное количество металла стало потребно для строительства кораблей, и преуспел в этом разворотливый и настырный псковский мужичок. Он и руду искал, и доменки ставил, и ковал потребный крепеж для Адмиралтейства, за что получил почетную кличку «скобарь». Особо ценились нашей российской работы якоря из болотного металла: в Роттердаме за два больших (для линейных кораблей) якоря давали один средней величины корабль! Правда, изготовить такой в косую сажень высотой якорь было делом непростым.

Гораздо реже железных встречались в болотах отложения медных руд. И уж вовсе редко – серебряных. Но – встречались. Есть предположение, что медный завод в верховьях Оредежа, называемый Чикинским по последним владельцам, в начале своего основания работал именно на таких болотных медных конкрециях. Их, естественно, быстро вычерпали, и Чикины пользовались привозной медью, благо Варшавская железная дорога была уже построена.

Итак, воздадим тебе честь и славу, родная Палюстра!

В семье трех земных стихий ты – чадо двух первых, чадо Посейдона и Геи, и славно предназначение твое – поить и пестовать ручьи, реки и озера, около которых живет и кормится человек.

Живи же и здравствуй на многие века, болото, и да пребудет благословение Божие и человеческое на тебе!

Александр Сёмочкин

Гимн реке

С трепетом и надеждой приступаю я ныне к повествованию о тебе, Господин Великий Оредеж.

С сыновним трепетом должен был бы сказать, ибо рожден на благословенных твоих берегах, и с сыновней надеждой, ибо бóльшая часть моей жизни прошла здесь же, и я знаю, как благорасположен ты к чадам своим: к скотам и рыбам, к птицам и человекам, к водорослям и стрекозам на них.

Приходит пора отодвинуть заботы, одолевающие повседневно, и совершить поклон родной земле и родной реке и всему сущему на них, что так премудро устроил Господь, и да обозначит этот поклон начало конца моего человеческого эгоизма и моего мужского тщеславия. Ибо они, эгоизм и тщеславие, заставляют нас в молодости нашей презреть родившую нас землю и вскормившую нас реку во имя эфемерий карьеры, мишуры городов, неправды заграниц и тщеты богатства. Но приходит пора, и опадают листья, от пышной некогда кроны не остается почти ничего, и вот тогда замечаешь, как прекрасна голая темная ветвь на синем и как много прекраснее она на лунном диске, в безветрии ноября.

В мире не так уж много абсолютов: звездное небо, снег, огонь да движущаяся вода. Может быть, еще пустыня и крик иволги. Но – обязательно – вода.

В бытность свою довелось мне видеть реки огромные – Волгу и Обь, Днепр и Одер, Волхов и Дунай, но они не оставили впечатлений душе, только разве уму. Слишком велики они, слишком заняты собой. И остается в памяти огромное количество мутноватой воды, куда-то катящейся и что-то значащей безусловно. Что? – мне, человеку пришлому, не дано знать.

Но три реки, небольшие и незначимые, пронзили душу совер-

шенством и радостной красотой на всю оставшуюся жизнь, и вот их имена: Басандайка под Томском, Вильва под Пермью и Оредеж под Петербургом. Во всех трех светлая, серебристая вода, камни, водяной шелк и скальные берега. И все три молоды, наивны и радостно улыбаются навстречу тебе, еще даже тебя не зная, просто потому, что ты пришел и улыбаешься встречь им.

О милый Оредеж, река моего детства! Счастливого детства, можно было бы добавить, если бы не уверенность, что каждое детство счастливое. У нас, у мальчишеской поросли нижней Выры сороковых годов, было все, о чем можно просить судьбу, — была собственная территория, свой лес, свой парк, свой танк и свой виллис, свои зачатки с патронами и снарядами, свои землянки и блиндажи. Еще были у нас на нижней Выре три бабушки Тани, которые нас без разбора кормили чем бог послал, зашивали наши треснутые рубахи и пороли крапивой, веревками, вениками — что под руку попало и было бы за что.

Еще было у нас четыре километра лучшей в мире реки с пескarilyми, раками и хариусами — от грезенской мельницы до самых Рыбиц — реки, знаемой, кажется, до последнего камушка на дне, реки, где проходила, собственно, вся наша жизнь.

Теперь, по прошествии десятилетий, я понимаю, что это мы были у реки, а не она у нас, мы были ее детьми наравне с окуньками и лягушками, и река, многое нам прощая, воспитывала нас в положенной строгости. Лет в восемь я первый раз тонул в этой прозрачной воде, вверзившись в яму бездонную у самого берега, манившего желтым песочком. Не могу вспомнить, что делали мои руки и ноги, но жажда жить и дышать вынесла меня на поверхность, и так я научился плавать, а река признала меня за одного из своих. На следующее лето я переплыл речку, что было событием, а еще через год, поотстав от сверстников, научился нырять вниз головой.

Уже пришла пора нам, юным петушкам, расправлять перышки и пробовать голос, и был рыжий Ленька, красавец и ловкач, так великолепно прыгавший с трамплина в воду ласточкой — весь выгнувшийся, с раскинутыми руками, он на миг действительно становился ласточкой, — что весь деревенский пляж ахал, а девицы, только-только успевшие нацепить себе на грудь еще совершенно плоский лифчик, делали вид, будто пресытились подобным зрелищем давно и навсегда. Потом Ленька попал в какую-то дикую перестрелку, пуля угодила ему в позвоночник, и он стал инвалидом. Но Оредеж здесь ни при чем — это случилось в Ленинграде.

На участке от мельницы до Песчанки река кишела хариусом, за каждым камушком на дне стояла пара небольших, по сто-двести граммов рыбок, бросавшихся на кузнечиков, которых мы им подбрасывали. Годились и жирные синие мухи, в обилии водившиеся около дощатых домиков известного назначения, но мухи при этом должны быть живыми. Хариус хватал добычу жадно, часто, правда при этом срываясь с

крючка. Улов нанизывался на кукан и приносился домой, если не был съеден на месте. И я жалею своих внуков, которые, наверное, никогда не узнают фантастического вкуса пескаря, только что пойманного, насаженного на прутик, изжаренного на костре и тут же съеденного с чешуей и кишками.

Я был неловкий отрок, и мне постоянно не везло на рыбалке, но как мне не везло в тот памятный день – это было мрак, слезы и отчаяние. И Оредеж внял моим страданиям – на крючок плотно сел красавец хариус в полметра длиной, и я смог его вытащить на берег. Это был триумф. До сих пор я помню место на реке, где на берегу тесно растут вечнозеленые хвои – реликт каменноугольного периода, и всякий раз, проходя мимо, испытываю чувство бесконечной благодарности тебе, Оредеж, за твой дивный дар.

И было еще одно потрясение в пору открытия мира: когда в жаркий полдень, с куканом рыбы или без, возвращаясь домой – взбежать на зеленый пригорок, где «кошачьи лапки» перемежаются мхом и полевой гвоздикой, и рухнуть на траву навзничь, лицом наверх, и смотреть в блекло-синее небо, и через пять минут начинать совершаться невероятное – бездонный верх становится бездной внизу, и ты, маленький и невесомый, висишь над нсю, вцепившись руками в траву как в шерсть огромного зверя, и невозможно разжать пальцы, и мутится в голове до вопля страха и беспомощности.

«Падение в небо». Многие, оказывается, переживали подобное. И сколько ни пытался я потом, став взрослым, повторить свой опыт, он не удавался в той одиннадцатилетней полноте уже никогда. Это ушло, как исчез хариус, как пропали под вырским мостом водившиеся там голубые раки. Да и вездесущего раньше бычка-подкаменщика я не видел на реке уже много-много лет.

Но осталась жить и здравствовать в реке ее живая легенда – благородная форель. Конечно, ее стало намного меньше, чем раньше, когда, скажем, одна из упомянутых бабушек Тань – именно баба Таня Белоусова – на покосе в Пановом углу напротив Песчанки прибила ко-сой выпрыгнувшую на берег форель – рыба разыгралась настолько, что река ей оказалась тесновата.

Должен признать, мой личный опыт ловли форели более чем скромнен. И я утешаю себя английскими стихами в гениальном переводе С. Маршака:

Я семь недель ловил форель, не мог ее поймать я.
Я весь промок, я весь продрог, и изорвал я платье.
Ловил в лесу, ловил в саду, ловил я даже в печке.
И что ж — форель все семь недель скрывалась, братцы, в речке!

Зато похожий на цыганенка внук удачливой бабы Тани Белоусовой, Толик, был великим мастером ловли этой великолепной рыбы. Ловил он ее и на живца в бурных потоках после плотин, ловил и на гарпун при охоте с маской и лапами.

Одев гидрокостюм и ласты, взяв ружье и маску у Толика, нырял и я в омуты реки, и подводный мир был прекрасен, и металась рыба мелочь, а однажды промелькнул передо мной хариус никак не меньше того, пойманного в детстве. Но он исчез, а форели в ее родном окружении я не увидел ни разу.

Толик выслеживал рыбу часами, когда она стоит днем в прибрежных корягах, сливаясь с ними, и только шевеление жаберных плавников может ее обнаружить. Форель красива – брусковатое мощное тело ее украшено пятью рядами цветных пятен, перья плавников красноваты, горбоносая морда и жировой плавничок говорят о ее благородном происхождении из красных рыб. В нашей реке форель вырастает до полупуда и более, рыбина в три-четыре килограмма совсем не редкость. В свое время мы были уверены, что это и не форель вовсе, а благородный балтийский лосось, перешедший вследствие плотин на пресноводный образ жизни. Оказалось – нет, это эндемический вид форели, водится только в Оредеже и его притоках и исключительно высоко ценим за размер и вкус. В самом деле, мне довелось пробовать форелий балык собственного приготовления у того же Толика, и спешу всех заверить, что это был гастрономический шедевр. Хотя метод приготовления балыка примитивен – у рыбины вынимают внутренности и натирают крупной солью снаружи и внутри, затем ее заворачивают в чистую тряпицу и ставят в холодок под пресс. Через день можно откусывать деликатес.

Форель – рыба сильная и упорная, тягаться с ней, сидящей на крючке, – истинное наслаждение. Только нужно быть постоянно настороже и помнить о любимой повадке этой рыбы – так называемой свечке. Поняв, что ее подсекли, форель резко бросается в сторону и внезапно выпрыгивает, вылетает из воды. В этот момент нужно отпустить леску, ослабить ее – через миг рыба головой вниз войдет в воду, и если леска натянута – удар обрежет, оборвет леску, какая бы она ни была прочная. Далее следует вопль разочарования и сматывание испорченной снасти. Можно идти домой и там обо всем помалкивать, потому как не поймут, да еще посмеются: отчего, мол, у вас, рыбаков, все крупные рыбы непременно срываются?

На самом рыбном нашем водоеме, на втором Чикинском озере, форель является сущим бедствием для «щучников», то есть рыбаков, ставящих зимние жерлицы на щуку. Поставленные на глубине, живцы привлекают внимание форели, следует удар, но, в отличие от щуки, форель не остановится через пару-тройку метров, а, почуяв неладное, будет лететь вперед, пока не размотает всю леску и не порвет ее. Я не слыхал, чтобы кто-нибудь когда-нибудь ловил форель на жерлицу. Везде один результат – снасть вдребезги, рыбы нет, зато разговоров на неделю.

Однако наряду с этой воистину Царь-рыбой живет в Оредеже и некое существо, внушавшее нам, двенадцатилетним, ужас. Брезгливо и

настороженно смотрю я на него и сейчас, хотя, как выяснилось, ничего опасного в нем нет. Это живой волос, водяной волос – странное животное толщиной с толстую нитку и длиной в двенадцать-пятнадцать сантиметров. Мальчонками мы свято верили в то, что это оживший конский волос, что он впивается в человека, проникает в вену и с током крови устремляется в сердце. И тогда – конец, спасения от этой твари нет. Поэтому дежурный вопль «Живой волос!» моментально выгонял всех из реки, и начиналась дикая охота на безвинное существо, кончавшаяся чаще всего его поимкой и торжественным сожжением на костре.

Мир раннего отрочества бывает наполнен легендами, часто фантастическими. Рассказы взрослых, прочитанная книга, любой случайный факт попадают в этот мир искривленных зеркал, превращаются в уродов или монстров и начинают жить в новом качестве.

Сколько было изведено нами в свое время несчастных беззубок-перламутровок только потому, что кто-то из нас прочитал о господах, которые любили кушать устриц. Противнее зажаренного мяса этого несчастного моллюска мне в жизни не доводилось есть – но ели же!

Эта заморочка была вскорости заменена другой – мы стали искателями жемчуга, и новые сотни раковин были взломаны в поисках заветных зерен. Нет, жемчужин мы не находили. В лучшем случае попадались некие зачатки жемчуга – мелкие темные камушки, почти песок. Но я не уверен до сих пор, что слава Севера – речной жемчуг – миновала Оредеж. На вызревание жемчужин нужны годы, а в пятидесятых годах поселенные у нас ондатры просто не давали беззубкам таких сроков: где поселится водяная крыса, там весь берег бывает усеян скорлупками раковин.

Эти чистильщики речного дна, которых нынче, слава богу, снова развелось великое множество, заслуживают доброго слова. Им, прежде всего, обязан Оредеж своей небывалой способностью к самоочищению – через пару километров свободного течения от любой органики не остается и следа.

Впрочем, и оредежские жемчуга оказались скоро забыты. Началось освоение нового участка реки – от нижней Выры до Рыбиц, с ее бездонными ямами, старицами и тихими затонами. В свое время здесь все кишело рыбой, отсюда и название деревни. В нашу бытность, в сороковые годы, рыбацкие мужики еще промышляли рыбу, как их деды и прадеды – лучили ее. Делалось это так: на лодке – долбленке или дощатой плоскодонке – устраивали на носу железный поддон, в котором разводили костер. Ночью пара мужиков на лодке тихо двигалась по ямам и затонам, светя в воду горячей головешкой. Внизу стояли рыбыны – огромные щуки, гибкие налимы, глупые окуни и всякий водяной народ. Выбиралась нужная рыба, удар острогой – и рыбалка заканчивалась. Ни тебе азарта, ни тебе риска, одно слово – промысел.

Впрочем, у нас не было ни лодок, ни острог, щук ловили при-

митивными удочками, на живца, идеальным же живцом считался карасик, которого в старицах у Рыбиц тоже было полно.

Там и произошла наша первая встреча с шаровой молнией. Надвигалась с юго-запада гроза, мы с приятелем собрали удочки и улов и уже бежали к деревне, когда над нами, над нашими головами проплыл, опережая нас, огненный шар с детский мяч величиной. Мы упали, необъяснимый ужас охватил нас, хотя шар не проявлял агрессии к нам, не метался, не рыскал, а спокойно шел к ему одному ведомой цели. Спустя годы я нашел объяснение тогдашнему иррациональному страху. Дул шквалистый ветер, как бывает перед сильной грозой, все вокруг гнулось и стонало, но огненный шар спокойно плыл против ветра, его вовсе не замечая, будто кто-то огромный и невидимый нес фонарь, и ему, этому огромному и невидимому, были нипочем и наш ветер, и, наша гроза, и мы, два маленьких напуганных человечка. Молния добралась до электрической подстанции в деревне и там взорвалась, оставив Выру на три дня без света.

Впрочем, и молния была вскорости забыта; открылся новый этап жизни — дальние странствия захватили воображение на долгих несколько лет. Все начиналось с радуги, с этого сияющего цветного моста, столь частого у нас летом. Очень скоро было нами подмечено, что радуга бывает только на востоке, причем левым своим плечом она, так или иначе, касается реки. Радуги у нас бывают столь плотными и настолько близкими, что, кажется, недалекий лес уже за нею, поскольку расцвечен радугой, и добежать до нее, коснуться этого чуда нетрудно, если бежать быстро — век радуги недолог.

И сразу невесть откуда возникла легенда, гласящая, что радуга — это вроде многоцветного хобота у тучи, которая, истощив себя ливнем, упирается этим хоботом в речку и пьет, пьет воду, и, если подойти поближе, будет видно, как вода по этой цветной, но вполне прозрачной трубе устремляется на небо. Еще утверждалось, что если пробежишь через радугу, то будешь какое-то время светиться тем цветом, который пересек, но потом это постепенно исчезнет...

Боже, какие километры намахивали мы, спеша и подгоняя друг друга, чтобы искупаться в цветной купели или посмотреть на поднимающийся в небо столб подцвеченной воды! А радуга бежала впереди нас, радуясь, смеясь и ускользя: вот, за тем кустом, за излучиной, вот она — но опять манит и смеется, и вдруг ее нет, исчезла, растаяла, только далеко над лесом дотаивает последний цветной лоскут.

Погоня за фантомом должна была породить цель для путешествия вполне конкретную. И этой целью, естественно, стало желание увидеть, откуда есть пошла наша река. Мы слышали от взрослых, что река начинается не особо далеко, даже совсем недалеко, что начинается она родниками и что родников тех великое множество, а рыбы там столько, что ее можно «ловить штанами».

Несколько первых экспедиций, однако, закончились провалом.

Один раз наш небольшой отряд увяз в топких берегах второго Чикинского озера и не смог перебраться через устье Черной речки. Другой раз мы имели неосторожность взять с собой девиц, и их нытье в конце концов развернуло всех по направлению к дому.

Так и получилось, что Большое Заречье, и Донцо, и Пятую Горю я увидел впервые уже будучи вполне взрослым. И должен признать, что это было потрясение, причем не одноразовое, но многократное.

Представим себе вторую половину мая и лес, уже слабо опущенный зеленым – это еще не листья, но уже и не почки. И представим себе лесную землю, всю залитую живой синевой цветов. Это голубые подснежники, по-настоящему называемые печеночницей благородной за сходство ее округлого листа с печенью, по-видимому. Цветы стоят стеной, сплошным ковром, изредка пропуская в свою лиловую синеву розовые искры: так цветет другое чудо нашего леса, волчье лыко, еще безлистные кустики выкинули сотни цветков.

Оба растения, кстати, ядовиты, и собирать их нельзя.

Но нет, дело не в цветах, сколько бы ни были они прекрасны. Дело не в цветах, просто здесь все оказалось другим, чем у нас; всего лишь десять километров понадобилось, чтобы попасть в другой мир. Суходольные полянки перемежались настоящими вересковыми пустошками, а те – холмами с не виданными мною травами, сияло озеро невероятной какой-то сине-зеленой водой, и каменистые осыпи заменили собой почву. И душа, пронзенная совершенной красотой, восхищаясь и тоскуя, должна была признать как факт, что не одно только мое родное болото прекрасно, что есть рядом иные болота, не менее прекрасные.

Ранение было болезненным; но предприимчивый разум быстро нашел выход из ситуации, предложив отныне и навсегда границей «нашей Выры» считать не разделяющий нас лесной массив, как было раньше, а, скажем, нитку железной дороги от станции Елизаветино в сторону станции Серебрянка. Что и было душою с благодарностью принято.

Теперь и огромные, на многие сотни гектар водные лабиринты севернее Большого Заречья, и трехметровые конусы родников-грифонов, и белокаменный храм на холме Пятой Горы, и заросли лесного ореха – лещины по дороге в Малое Заречье – все это теперь стало столь же родным и любимым, как, скажем, хутора Карловка и Весна за Лядами, как крутые откосы Игонена ручья, как ток собственного кровообращения, по выражению Владимира Набокова.

Теперь я никак не меньше десятка раз в году бываю в этих благословенных местах, и можно было бы, пожалуй, привыкнуть ко всему, что так поражало вначале. Но остается кое-что, привыкнуть к чему не получается совершенно.

Это, прежде всего, вода озера. Прозрачная сверху, с лодки (можно на восьмиметровой глубине бросить монетку и видеть, как она

упала на дно – «орлом» или «решкой»), она встает ярко-голубой стеной, если, нырнув, откроешь глаза. И всякий раз это поражает, хотя разум давно достучался до причины маленького цветного чуда – пласты синих кембрийских глин лежат на дне озера, они и подсинивают воду.

И еще – странно и необъяснимо волнует вершина холма у деревушки Донцо, крутые склоны которого поросли только травой – ни кустика, ни деревца не растет на них, да и травы здесь странные: пустырник, перечная мята и блеклые бессмертники-иммортельки. На куполе вершины – груда белых камней и великолепная панорама озера.

Если и были в языческие времена культовые места на Верхнем Оредеже, холм у деревушки Донцо первый среди них претендент.

Так уж получилось, что я узнал его за десять лет до того, как первый раз его увидел воочию и на него взбежал. Это случилось в Москве, в музее Пушкина, на выставке картин Николая Рериха. После полыхающих гор и монгололицых всадников словно что-то толкнуло в сердце: крутой зеленый безлесный холм, край озера внизу и хоровод девушек в русских сарафанах. Все наполнено радостью и печалью, этим странным сочетанием несочетаемого, так что душа сразу узнала свое и поверила.

Картина называлась «Весна священная». Уже потом я узнал, что да, именно здесь, на этих холмах у Донца, юный Николай Рерих впервые прикоснулся к древностям Руси в археологической экспедиции профессора Ивановского. Ему 15 лет, сокровища курганов и зеленые холмы сольются в один образ, и это не будет тяжелое золото Рейна, но легкий хоровод юных славянок, танцующих Победу.

Взлетев, взбежав, взойдя (по мере своего возраста) на эту вершину, как будто пересекаешь некую черту, отмеченную тихим звоном в ушах, моментальным легким головокружением.

Это переход в Безвремяе.

Несколько раз в жизни я переживал подобное состояние, когда полтора или два века сгущаются в какой-то временной кисель, прозрачный и мутный одновременно. Тогда можно видеть одновременно: и отрока Николая, восторженно рассматривающего только что выкопанные бусы из индийской ляпис-лазури, и спешащего с мольбертом к своему укромному уголку Кузьму Петрова-Водкина (зеленый лужок, красный обрыв, река, и вот сейчас прилетит на коне четырнадцатилетний барчук из соседнего Рождествена), и стареющего Ивана Шишкина, брезгливо отряхивающего с еще сырого холста прилипшую бабочку-капустницу в своей Выре, и сидящего у раскрытого окна в усадьбе на большевском берегу Ивана Крамского. Он смотрит в струящиеся и ртутно-поблескивающие воды реки и ждет поезда, с которым должен приехать Третьяков – чужак миллионщик, покупающий еще не написанные им, Крамским, портреты. Строительство собственной дачной усадьбы обошлось Ивану Николаевичу дороговато, да и большевские

мужики-жохи не упустили возможности пожить за счет непрактичного барина, так что деньги – вот как нужны...

...Однако пора. Автобус с экскурсантами ждет внизу, на дороге, на повороте в Донцо. Все уже уселись, разместились, и первые вопросы, которые там будут: «А скажите, откуда такое странное имя у вашей реки? Оредеж – это он или все-таки она? Это слово финское или славянское?»

В самом деле, какое? Первая половина имени рвется вверх, вторая – стелится долу. В первой бешеный красный конь (*ori* – «жеребец» по-фински), во второй – «камышовая тишь» (В. Набоков), и они разорвут слово, но река именно такова – то бьется и шумит на перекатах, то сонно катится в черемухах, обвитых хмелем. Еще есть французское *orange*, и его тоже пристегивали к моей реке по причине оранжевых берегов.

Да только нет в финно-угорских языках звонких согласных, ни «д», ни «ж», а берега моей реки не оранжевые, а красные. И на картах XVI века значится река с именем Уредеж, да еще с твердым знаком.

Впрочем, давно это было. Тогда границы государств были размыты и, дабы не провоцировать соседей на военную грубость, являли собой весьма широкую полосу нейтральной, ничьей земли, на которой вооруженных сил и крепостей быть не должно, а экономическая и торговая активность не возбранялась.

Условными рубежами часто были реки – их не передвинешь ночью и не затопчешь, но их пересечение военным отрядом обозначало войну. И был уговор, уряд между Королевством Трех Корон и Господином Великим Новгородом о том, что в пределах Водской пятины текущая с запада на восток река будет этим рубежом, благо и с юга, и с севера от нее тянулись огромные болотно-таежные массивы, почти безлюдные. Сам же Уредеж был свободной торговой территорией, а его погосты – зоной перехода, где свейский купец-гаст становился славянским гостем, а чухонец из рода *Isora*, гордо называвший себя Инкериланен, – вольным землепашцем Новгородской республики.

И сама вода реки была свободная, еще нигде не подпертая плотинами. В августе начинался сезон дождей, вода вздымалась, мутнела и лезла на низкие берега. Вот тогда благородный балтийский лосось входил в реку и начинал свое движение наверх, и его движение было ужасно: огромные лохи, неудержимые в своем порыве, убивали соперников, река несла кровь и трупы рыб и вопли рыбаков, старавшихся не упустить свой шанс в этом общем безумии. Тот, кто видел реку в такой час, никогда не смог бы назвать ее тихим женским именем.

Впрочем, все изменилось потом. Десятки плотин стали на реке, вода крутила жернова и двигала пилы, и кумжа все реже заходила сюда на нерест, зато поднялась местная форель и заняла пустующую нишу. Тогда стало возможно говорить о реке снисходительно: «А в Оредеже

роскошное пойло!» – и петь ее как возлюбленную: «...на реке илистой, тинистой, с именем милым, с именем что камышовая тишь...» Поэты, витии, аэды, рапсоды, сколько их поместилось на берегах прирученной реки! Тут пламенный Рылеев с Бестужевым, а там надменная пара: Мережковский с Гиппиус; Майков на лодке с удочкой и Плещеев с вечным своим насморком, бледный Надсон и румяный Куприн, лошадиная физиономия Корнея Чуковского выглядывает из-за покатого плеча Мандельштама. А вот и Александр Сергеевич, коротающий время в ожидании станционных лошадей, слушает на постоялом дворе рассказ о несчастной судьбе местного зрителя. Летит на своем новеньком велосипеде Владимир Набоков, поэт начинающий и ничего собой не обещающий, по мнению Зинаиды Гиппиус; на импровизированной сельской сцене Николай Тихонов читает с подвыванием свою знаменитую поэму «Выра», а тут случившийся Николай Заболоцкий встает и уходит посреди чтения. Ему сейчас не до судьбы Александра Ракова, другая судьба захватила его в полон: судьба князя Игоря Путивльского и несчастных его воинов.

Да уж! По количеству поэтов, хороших и разных, тогда и теперь приходящихся на один километр свободного течения реки, я думаю. Оредеж, без сомнения, занял бы одно из первых мест в стране, а может, и в мире.

Причем скорее в мире, нежели в стране: нигде в западном мире природа, погода, река, снег, лес не займут столько места в душе поэта. Мы еще дети земли, хотя и не лучшие дети, и эта земля терпеливо ждет, когда мы, наконец, подрастем и научимся хотя бы убирать за собой.

Я не могу уже ловить рыбу в реке, в той ее части, которая оmyвает мою родную деревню. Жалко рыб – они так красивы живые, в родной своей стихии. Выбрав время и место, можно часами любоваться из укрытия, какая богатая событиями жизнь протекает там, в этой прозрачной воде, отороченной желтизной песка и зеленью рдеста.

С недавних пор к привычным обитателям реки – рыбам, выдрам и ондатрам – добавились еще бобры, которых развелось в округе много и которые основывают все новые и новые колонии. Реку им своими плотинами, конечно, не перегородить, но они приспособились делать полуплотины, используя для этого береговые, стелющиеся над водой деревья, ивы и ольхи. В диких зарослях восточнее Выры немало деревьев, помеченных бобрами, – поясок подгрыза в полдерева не увеличивается иной раз неделями, дерево не падает, хотя уже и не живет в полную силу.

Старый егерь объяснил причину таких «недоделок»: бобер умен, но свалить дерево точно в том направлении, куда ему нужно, он не может. Тогда он делает черновую, подготовительную часть работы и ждет. Ждет он нужного ему ветра и, когда тот задует, быстро догрызает обреченный ствол, который ветром будет положен туда, куда

нужно бобру.

Впрочем, какого только народу не живет и не кормится вокруг реки!

На незамерзающем перекате в декабре видел я оляпку, водяного воробья, смело ныряющего в воду и бегающего по дну, выискивая только ему ведомую добычу. А однажды, стоя с удочкой, с полчаса наблюдал за охотящейся норкой, а еще однажды пара горностаев спокойно рыскала вокруг замершего меня, что-то настойчиво ища и не находя.

Немало июньских утр было посвящено отслеживанию иволги – дивной оранжевой с синим птицы, чей крик поражает слух – так кричит обитательница рая, тоскующая об утраченном небесном саде. Утром же, когда маленькие кулички затевают свои стремительные игры над самой водой, а весь воздух кажется наполнен треском крыл десятков крупных стрекоз, я старался приучить к себе, к своему присутствию дикуую уточку, которая из года в год выводит здесь, у самого моста, своих утят и нисколько не смущается шумом машин. Стайка плотвы с одним окушком, пяток довольно крупных ельцов, полсотни пескарей всех возрастов и туча мальков составляют постоянное речное население около наших семейных мостков. Да, чуть не забыл щуренка-двухлетка и подвязка с отметиной на спине. Река у нас неширокая, и, купаясь, я плаваю в основном под водой. В такие моменты весь этот водяной народец наверняка считает меня одним из своих, доверчиво плавая рядом или тычась носами в мои ноги. И я немного горжусь тем, что завоевал их доверие, и буду стараться никаким образом это доверие не разрушить ни словом, ни делом, ни похотеньем. Потому что образ Родины и образ этой великолепной реки, так удавшейся Творцу, давно слились воедино и сияют:

... но я в блеске твоём не забыл,
что в пруду неизвестном когда-то
я простым головастиком был.

В. Набоков

Сияй, река. Твое время исчисляется тысячелетиями, но и само время условно для тебя – вот эта вода из истока докатится до моря через полгода, – а все четыреста километров твоего течения одновременно и есть ты, река. Мы, люди, постоянно будем стремиться к тебе, селиться около тебя, восхищаться тобой и слагать о тебе песни. Твои красноцветные песчаники, твои гранитные перекаты, твоя прозрачная вода, твой холод, твой радон и твои синие стрекозы – самое большее из того, что мы можем иметь в нашей земной жизни. Спасибо тебе за все и да хранит тебя Господь.

Знаменитые люди на гатчинской земле

Марина Смородина

«Вестник света»

Пусть вдохновенная песнь раздается
Чаще, как добрый пример!
В памяти чутких сердец не сотрется
Милая подпись «К. Р.».

А. Алуштин

Его императорское высочество великий князь Константин Константинович Романов родился 10 (22) августа 1858 года на императорской мызе Стрельна. 26 сентября салют в 301 выстрел и колокольный звон церковей Петербурга известили о совершении таинства Крещения над новорожденным. Восприемниками от купели были император Александр Николаевич и вдовствующая императрица Александра Федоровна.

Это было время, когда молодой император Александр II окружил себя поборниками преобразования России, среди которых был и его брат великий князь Константин Николаевич. Фрейлина царского двора А. Ф. Тютчева оставила о нем следующее свидетельство: «Он отличается живостью, много говорит и с большой легкостью и изяществом выражается на нескольких языках. Говорят, что он очень образован, очень любознателен, очень деятелен: от него ждут с надеждой славы будущего царствования». Великий князь Константин Николаевич последовательно занимал важные посты: наместник Царства Польского, председатель Государственного Совета, генерал-адмирал Российского флота.

Его кипучей деятельности флот был обязан тем, что стал одним из первых среди военных флотов других государств. В морском деле он был профессионалом и привлекал к морской службе выдающихся людей. Принимал деятельное участие в проведении реформы 1861 года.

Но после убийства Александра II обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев советовал императору Александру III «...гнать от себя людей, подобных Константину Николаевичу». В 1881 году великий князь сложил с себя все должности и удалился от двора.

Мать К. Р. великая княгиня Александра Иосифовна, была дочерью герцога Саксен-Альтенбургского. А. Ф. Тютчева пишет: «Великая княгиня изумительно красива и похожа на портреты Марии Стюарт. Ее муж в нее очень влюблен, а государь к ней весьма расположен». Александра Иосифовна славилась не только необычайной красотой, но также живым, незаурядным умом и остроумием.

Получив прекрасное домашнее образование, Константин Константинович по желанию отца плавал в учебной эскадре Морского училища на фрегатах «Громобой» и «Светлана». За храбрость, проявленную в военных действиях против турецкого флота в 1877 году, был награжден орденом Святого Георгия IV степени.

Отчий дом, с его насыщенной культурной жизнью, помог раскрыть природные дарования великого князя. Первое стихотворение он написал на южном берегу Крыма, находясь в Орианде вместе с отцом и любимой сестрой Ольгой, вышедшей замуж за греческого короля Георга I:

Задремали волны,
Ясен неба свод;
Светит месяц полный
Над лазурью вод.
Серебрится море,
Трепетно горит...
Так и радость горе
Ярко озарит.

Но выступить в печати поэт решил лишь три года спустя. В 1882 году в августовской книжке «Вестника Европы» было напечатано стихотворение «Псалмопевец Давид», подписанное криптонимом *К. Р.* В конце года в этом же журнале опубликованы сразу пять стихотворений под общим заголовком «В Венеции». На даровитого поэта, скрывающегося под таинственными инициалами, обратили внимание критики и читающая публика.

Морская служба не позволяла князю заниматься любимым делом – поэзией.

В стихотворении «Я баловень судьбы» (1883) есть такие строки:

Есть дар иной, божественный, бесценный,
Он в жизни для меня всего святей,
И ни одно сокровище вселенной
Не заменит его душе моей;
То песнь моя!..

В 1884 году, к неудовольствию отца, он сменил однообразность «морской безбрежности» на командование ротой его величества лейб-гвардии Измайловского полка. Семь лет, проведенные с измайловцами, сыграли большую роль в становлении *К. Р.*

Любовью к лихим измайловцам проникнуто стихотворение «Письмо из-за границы» (1885):

Гой, измайловцы лихие,
Скоро ль вас увижу я?
Стокгольмась по России
И по вас душа моя.
Надоело за границей
Киснуть по чужим краям;
Обернуться бы мне птицей
Да лететь скорее к вам!
Но на родину покуда

Позже другой маститый поэт, А. Н. Майков, назвал *К. Р.* «поэтом-провидцем».

В связи со 100-летием А. С. Пушкина Академия наук, руководимая Константином Константиновичем, объявила конкурс на сочинение кантаты. Было представлено около 40 произведений. Но наиболее совершенным Особая комиссия единогласно признала стихотворение под девизом «Душа поэта встрепет, как пробудившийся орел». Переложенная на музыку А. К. Глазуновым, кантата была исполнена на торжественном чрезвычайном заседании Академии в день рождения А. С. Пушкина.

Трепетно относясь к памяти великого поэта, Константин Константинович постоянно заботился о семье его. Особенно близкие отношения установились с сыном Пушкина – Александром Александровичем – генерал-лейтенантом.

На юбилейном заседании был учрежден при Академии наук «Разряд изящной словесности».

8 января 1900 года состоялись первые выборы «пушкинских академиков». Наряду с Л. Н. Толстым, А. А. Потехиным, А. Ф. Кони, А. М. Жемчужниковым, А. А. Голенищевым-Кутузовым, В. С. Соловьевым, А. П. Чижевским и В. Т. Короленко почетным академиком был избран *К. Р.*

К этому времени творчество его стало широко известно не только в России, но и за границей. Любители чистой лирики зачитывались его вдохновенными стихами: «Растворил я окно», «Серенада», «Уж гасли в комнате огни...», «Повеяло черемухой», «У озера», «О, не гляди мне в глаза так пылливо» и многими другими. Семьдесят его стихотворений стали известными романсами.

Второе издание сборника «Стихотворения *К. Р.*» вышло в 1888 году, а в 1900 году был издан третий сборник. Оба сборника имели большой успех, были переведены на немецкий язык и изданы в Германии.

К. Р. известен как классический переводчик Шиллера и Шекспира. Его перу принадлежат три крупнейших произведения на библейские темы: драматический отрывок «Возрожденный Манфред», поэма «Севастиан-Мученик» и драма «Царь Иудейский», которая была лебединой песней августейшего поэта.

Великий князь Константин Константинович Романов – *К. Р.*
Фото конца XIX в.

Имея хорошее музыкальное образование, Константин Константинович выступал на сцене домашних и Императорских театров не только как музыкант, но и как актер. В драме «Царь Иудейский» играл роль Иосифа Аримафейского. Поэт проявлял заботу о развитии русской музыки, был членом и почетным членом многих обществ. Он работал также в различных комиссиях при Академии наук, помогал талантливым людям: Рубинштейну, Апухтину, Чайковскому, Глазунову, Струве, Васнецову, Репину, Кони и многим другим.

В 1891 году великий князь Константин Романов оставил Измайловский полк. Он был назначен командиром лейб-гвардии Преображенского полка, который являлся «парадным» лицом Петербурга. В нем по традиции служили русские цари, начиная с Петра I. Это была почетная и высокая должность. «Я впервые переживал минуты ожидания, предшествующие параду, которым сам должен был командовать. Наконец подъехал государь. Скомандовав: "Полк, слушай, на караул!", я пошел Царю навстречу, остановился перед ним в двух шагах и отпортовал громко, внятно и с расстановкой», — записал в дневнике Константин Романов 8 июля 1891 года.

Какой гордостью и любовью к своему полку звучат строки его стихотворения «Полк» (1899):

Наш полк! Заветное чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас — все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью.
О, ветхий наш штандарт, краса полка родного,
Ты, бранной славой увенчанный в бою!
Чье сердце за твои доскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою?
Полк учит нас терпеть безропотно лишения
И жертвовать собой в пылу святого рвення.
Все благородное: отвага, доблесть, долг,
Лихая удаля, честь, любовь к Отчизне славной,
К великому Царю и вере православной
В едином слове то сливается: наш полк!

Последняя должность Константина Константиновича — генерал-инспектор военно-учебных заведений России. Он объехал все кадетские корпуса России, потребовал заменить многих воспитателей и преподавателей, распорядился разработать новые учебные программы. Встречаясь с молодым поколением, он призывал их верой и правдой служить Отечеству. В стихотворении «Новобранцу» (1891) он писал:

Но верность, честь, все доблести солдата
Тебе внушит отныне долг святой.

Великий князь Константин Константинович Романов часто бывал в Гатчине, неся службу во дворце, встречаясь с семьей императора Александра III и другими членами Дома Романовых. Здесь были напи-

саны некоторые его стихотворения: «И. А. Гончарову», «Опять томит очарованьем благоуханная весна...», «Будда» и др.

В его дневниковых записях часто упоминается Гатчина.

23 июля 1879 года

«Мы, то есть мама, Таня Лазарева и я, проводили великую княгиню Марию Павловну и Владимира до Гатчины. Когда их поезд тронулся, нас встретил на гатчинской станции П. С. Кеппен. Уселись вчетвером в коляску и нас повезли во дворец через сад.

...В Гатчине невольно из каждого угла старых дворцовых покоев как будто слышатся затаенные вздохи, глухие слезы и смех и веселье старых прошлых годов. Мы долго оставались в китайской галерее, рассматривая старые портреты и вычурную китайщину. Солнце, просвечивая сквозь желтые стекла, волшебным золотым цветом, озаряло бронзы и китайские фарфоры; не захотелось уходить оттуда».

24 сентября 1879 года

«Сегодня устроилась большая прогулка в Гатчину. Нас везли на место царской охоты, мы были в загонах, где вокруг нас бегали на свободе волки и лисицы, показывали нам борзых и гончих».

4 августа 1888 года

«Вернувшись с вечера в Гатчинском дворце на бивак, я спал всего только часа три: уже в пять часов утра меня подняли, а в шесть полк выступил. Идти было жарко и трудно, у меня сильно разболелись ноги повыше колен. Тем не менее я бодрился, стараясь этим придать бодрости людям. На походе чувствуется, что между нами устанавливается своего рода товарищество – все мы одинаково несем тот же труд и терпим ту же усталость».

1 января 1892 года

«Вчера возвращался из Гатчины с цесаревичем в его вагоне. Он рассчитывает со временем командовать у меня в полку батальоном. Для меня это будет и лестно, и почетно, и отрадно. Я нежно люблю его не только как наследника нашего престола, но и как человека, преисполненного сознания долга».

Маршруты кочевой лагерной жизни многократно пролегали через гатчинские земли, о чем также свидетельствуют дневниковые записи К. Р.

6 июня 1886 года

«В шесть часов меня подняли. Наш батальон шел в деревне Салози. В этой местности мы были в прошлом году.

Большие маневры. Село Рождествено, на Варшавском шоссе. Четвертого августа 1888 года. Пишу в палатке, после перехода верст без малого в тридцать. Дождь шелестит по парусине, ноги побаливают с ходьбы, и все-таки я наслаждаюсь походной жизнью».

Маршрут лета 1893 года описан в письме Я. П. Полонскому: «Выехали мы из Красного Села в воскресенье 18 июля. С тех пор мы ни разу более двух дней не останавливались на одном месте. Побывали

на бурной и студеной речке Пудости, и в Гатчине, и в Сиворицах в саду мызы, некогда принадлежавшей великому князю Тавриды, и в Сиверской, где на берегу реки Оредежа видели А. Н. Майкова, и в Старом Заречье у истоков этой речки, и в Волосове, а теперь стоим неподалеку от Вруды, полустанка Балтийской дороги».

Сиверская – «дачная столица» привлекала августейшего поэта и своей природной красотой, и встречами с творческими людьми.

«Жизнь моя и деятельность вполне определилась. Для других – я военный. Для себя же – я поэт. Вот мое истинное призвание...» – пишет в дневнике *К. Р.*

«После отбоя полк перешел на станцию Сиверскую (Варшавская железная дорога) и расположился биваком на скошенном лугу, подле дачи шталмейстера генерал-лейтенанта Фредерикса. Командующий полком позвал барона ужинать в полк. Приходил и проводивший лето в Сиверской поэт Аполлон Николаевич Майков», – отмечено в полковом дневнике.

А. Майков жил на собственной даче на Сиверской Горе, недалеко от усадьбы барона В. Б. Фредерикса, занимаясь творчеством и просветительской деятельностью, а также благотворительностью. Он внес свои средства на строительство Петропавловского храма, на покупку здания для народной школы и библиотеки-читальни, которая, к сожалению, была открыта только после смерти поэта. В 1900 году ей было присвоено имя А. Н. Майкова. Поэтов многие годы связывало глубокое уважение и взаимопонимание.

Имя А. Н. Майкова часто упоминается в дневниках *К. Р.*

19 октября 1888 года

«Когда, сменившись с дежурства, я вернулся домой, пришел ко мне Майков с тетрадью моих стихов. Да и после завтрака он читал мне свои замечания, записанные карандашом на моей рукописи. В общем, он отнесся ко мне гораздо снисходительней Гончарова, и все почти исключенное им признал годным к печати».

10 марта 1890 года

«...У нас обедал Аполлон Николаевич Майков. Не родился он поэтом, то, наверное, был бы историком: я люблю его взгляды на прошлое нашего Отечества.»

21 января 1893 года

«В воскресенье 17 января Майков прислал мне новое, только что им написанное стихотворение "Аскет, спасавшийся в пустыне", прося меня дать о нем чистосердечный отзыв. Мне было очень лестно желание маститого, заслуженного поэта знать мое мнение».

29 января 1896 года

«...У меня был Аполлон Николаевич Майков, он по моей просьбе достал для меня мои письма и записи к покойному Страхову, он принес также новое стихотворение гекзаметром памяти покойного государя».

К 50-летию юбилею поэта *К. Р.* написал стихотворение:

Твоя восторженная лира
И песни чистые твои
Нам проливали звуки мира
Добра, надежды и любви.

Ты черни ветреной в угоду
Себе, певец, не изменял,
Свою священную свободу
Страстям толпы не подчинял;

Ты пел в течение полвека,
Бессмертья лаврами увит,
Ту песнь, что душу человека
И возвышает, и живит.

О, если б струны эти пели
Нам долго, долго твой завет,
Как несравненной должен цели
Быть верен истинный поэт!

Лейб-гвардии Преображенский полк неоднократно в летние месяцы посещал Сиверскую и ее окрестности. Возможно, *К. Р.* вместе с командиром 1-го полка наследником цесаревичем великим князем Николаем Александровичем бывали в имении Красницы, принадлежавшем отцу балерины Императорских театров Матильды Кшесинской, которой был увлечен наследник.

Служба, поэзия, семья составляли жизнь Константина Константиновича. Жена, великая княгиня Елизавета Маврикиевна, была троюродной сестрой *К. Р.* (по матери). С ней он познакомился в Альтенбурге, столице герцогства Саксен-Альтенбургского. Семейная жизнь проходила счастливо и гармонично. В семье было шесть сыновей: Иоанн, Гавриил, Константин, Олег, Игорь и Георгий, две дочери: Татьяна и Вера.

Всех объединяли дружба, родственная любовь и общие интересы. По воспоминаниям дочери великой княжны Веры Константинов-

Вера Константиновна — дочь великого князя Константина Константиновича.
Фото конца XIX в.

ны, детей наказывали «в исключительных случаях». «Наша совесть сама должна была подсказать нам, как надо поступать. Однажды я в чем-то провинилась, может быть, сказала неправду. Когда вечером, перед сном родители пришли благословить нас на ночь, отец подошел к моей кровати, внимательно посмотрел на меня и сказал, что, так как я была не "пай", он меня только перекрестит, но не поцелует. Этот маленький эпизод запомнился на всю жизнь!»

В цикле стихов, посвященных детям, есть «Колыбельная песенка» (1887), в которой *К. Р.* напутствует старшего сына Иоанна:

Будь же ты верен преданьям
Доброй простой старины;
Будь же всегда упованьем
Нашей родной стороны!

С верою твердой, слепую
Честно живи ты свой век!
Сердцем, умом и душою
Русский ты будь человек!

Пусть тебе в годы сомненья,
В пору тревог и невзгод
Служит примером терпенья
Наш православный народ.

Пророческими оказались слова «Колыбельной песенки»:

В тихом безмолвии ночи
С образа, в грусти святой,
Божией Матери очи
Кротко следят за тобой.

Сколько участия во взоре
Этих печальных очей!
Словно им ведомо горе
Будущей жизни твоей.

Быстро крылатое время
Час неизбежный пробьет;
Примешь ты тяжкое бремя
Горя, труда и забот.

В начале Первой мировой войны пятеро старших сыновей отправились на фронт. Первым уехал Иоанн, затем «проводжали по очереди Гаврилушку, Игоря и Олега. Каждого ставили на колени перед иконами в моем кабинете. Не обходилось, конечно, без слез, хотя и сдержанных». Эта запись из дневника *К. Р.* от 22 июля 1914 года. Последним уехал Константин.

29 сентября был смертельно ранен Олег, духовно близкий отцу. Выхав спешно в Вильно, родители застали сына живым. До приезда родителей Олег сказал генералу Адамовичу: «Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух, в войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь царского дома.

Это поддерживает династию», – читаем запись в дневнике от 28 октября 1914 года.

Олег рад был приезду родителей, ласково обнимал их, говорил нежные слова. Но жизнь его быстро угасала.

В мае 1915 года погиб зять К. А. Багратион-Мухранский.

Смерть любимого сына, боязнь за остальных детей, а также пережитое в начале войны – все это отрицательно сказалось на здоровье Константина Константиновича и ускорило его кончину. Княжна Вера Константиновна вспоминала: «Здоровье "папа" все ухудшалось. У него обнаружили грудную жабу. Приступы становились все сильнее и сильнее». Умер К. Р. 2 (15) июня 1915 года в Павловске, в своем кабинете. Через неделю состоялись похороны. Тело его было торжественно погребено в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора в присутствии царской семьи.

«В своем горе мы тогда не знали, как милостливо было Провидение, призвав отца в иной, лучший мир. К великому нашему счастью, он не увидел революции со всеми ее ужасами, так трагически коснувшихся именно нашей семьи», – писала в своих воспоминаниях княжна Вера Константиновна. Ей было 12 лет, когда в 1918 году ее и брата Георгия мать увезла в Стокгольм.

Ужасная трагедия, о которой говорится в воспоминаниях, – это гибель трех сыновей Константина Константиновича: Иоанна, Константина и Игоря, которые в ночь с 17 на 18 июля 1918 года заживо были брошены в шахту старого рудника под Алапаевском (в 60 километрах от Екатеринбурга). Вместе с ними погибли великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович и князь Палей (сын великого князя Павла Александровича).

В царском манифесте о смерти великого князя Константина Константиновича было подчеркнуто, что Россия вспомнит о нем за его многолетние труды во благо Отечества.

А. Ф. Кони писал в воспоминаниях «О великом князе Константине Константиновиче Романове»: «Служил он этой родине верой и правдой во всех случаях, где только можно было ей служить... он всей душой старался служить людям, насколько мог и умел... во многих произведениях великого князя звучит этот голос совести. Он сам говорит: "о, если бы совесть в жизни уберечь", это его лучшая мечта.

И затем в одном из стихотворений содержится синтез жизни в том смысле, как он его понимал:

Поверь, мой друг, не страшно умирать,
Когда средь огорченья и страданья,
Средь испытаний и труда
Ни разу грешные уста
Не изрекали слов роптанья,
Когда умели нежною душой
Мы разделять чужое счастье,
Когда в печали, полные участья,
Мы жили радостью чужой,

Мы плакали чистосердечно
О горемычной участи людей
И относились беспечно
К печали собственной своей.

К счастью *К. Р.* уже не забытый поэт. Вестник света, так долго находившийся в забвении, вернулся и снова занял достойное место среди лучших поэтов России.

Вспоминая *К. Р.*, хочется повторить строки стихотворения поэтессы М. Лохвицкой, которые понравились ему при разборе стихов, представленных на Пушкинскую премию:

Вечный мир душе твоей прекрасной,
Отстрадавшей муки бытия».

ЛИТЕРАТУРА

- Гейченко С. О забытом поэте // Слово. 1990. № 1
Гершен Г. Лебединая песнь «К. Р.» // Нева. 1997. № 9
Дорохов Д. Романовы: судьбы династии // Эхо планеты. 1990.
Загадка «К. Р.» : Из дневников великого князя К. К. Романова // Москва. 1994. № 1, 2, 6.
Кони А. Ф. О великом князе Константине Константиновиче Романове // Роман-газета. 1994. № 19.
«К. Р.» Времена года. СПб: «Северо-запад». 1994.
«К. Р.» Избранные лирические стихотворения. Пг., 1915.
Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М. 1990.

Марина Смородина

«Генералиссимус балета»

«Будьте украшением и славою нашего балета».
Александр III

«Я родилась 19 августа по старому стилю или 1 сентября по новому, 1872 года, в местечке Лигово, на 13-й версте по Петергофскому шоссе, где мои родители нанимали дачу, чтобы проводить лето вдали от пыльного города и дать детям простор и чистый воздух», – пишет в своих воспоминаниях М. Ф. Кшесинская. Она была тринадцатым ребенком в семье, где от второго брака ее матери и отца было четверо детей.

Матильда была любимицей отца, который до глубокой старости танцевал на сцене: «...мой отец не был богат. Но сценой и уроками зарабатывал достаточно, чтобы в доме был полный достаток и мы могли жить с комфортом».

В Императорском театральном училище Кшесинская училась с осени 1880 по 1890 год. На выпускном концерте Александр III обратился к Матильде со словом: «Будьте украшением и славою нашего балета». Матильда Феликсовна до конца жизни «с благоговением воз-

давала дань благодарности» Александру III, чьи одобрения и поощрения определили ее жизнь и карьеру.

«После окончания училища я уехала с родителями в Красницы, в наше имение», — вспоминала балерина. Имение, купленное ее отцом у генерала Гусмана, находилось вблизи станции Сиверская на высоком берегу реки Орлинка (имение не сохранилось). Деревянная двухэтажная дача была окружена садами, полями и лесом. «При имении была своя ферма с полным молочным хозяйством, птичий двор и курятник... В имении стараниями отца все было в хозяйственном отношении отлично устроено, содержалось в особом порядке и чистоте... В этом имении я проводила лето в течение всего моего детства и прожила в нем много, много счастливых дней», — читаем в мемуарах Матильды Феликсовны.

Императорская семья окружила молодую балерину вниманием и поддержкой. Роман с наследником Николаем Александровичем оставил большой след в ее жизни: «Всю жизнь я чувствовала его покровительство, и не раз он поддерживал и защищал меня, когда меня стремились унизить или оскорбить».

Яркий — темперамент, артистичность, безупречная техника, «эротический подтекст в танце» позволили Кшесинской стать звездой русского балета. Она переняла секреты виртуозности итальянских танцовщиц и первой исполнила 32 фуэте. В 1895 году Кшесинская стала прима-балериной. Ее бенефис в 1900 году по случаю 10-летия сценической деятельности вышел в триумф: «Сцена была завалена охапками цветов, публика несла ее до кареты на руках».

Зажигательный темперамент балерины, редкое сценическое обаяние создавали особую атмосферу в зрительном зале. Ей поклонялись два великих князя — Сергей Михайлович и Андрей Владимирович, последний позже стал ее мужем. Они дарили ей дорогие подарки: дачу, драгоценности, изделия от Фаберже.

М. Кшесинская в роли Китри-Дульсиней в балете «Дон-Кихот». 1902 г.

Ярким событием стало 20-летие ее сценической деятельности. На спектакле, состоявшемся 13 февраля 1911 года, присутствовали члены императорской семьи, дипломатический корпус. И опять море цветов и подарков, среди них бриллиантовый орел в платиновой оправе. Затем состоялся роскошный обед на 100 персон в ресторане Кюба, где звучали юбилейные речи, где ее провозгласили «генералиссимусом балета».

Два с половиной десятилетия длился этот удивительный сценический успех. У нее было много поклонников. Среди них, гусар Скалон. «Когда я ездила в имение Красницы, и мне приходилось тратить два часа на дорогу туда, Скалон провожал меня до Сиверской, а потом снова приезжал на станцию за мною, чтобы проводить обратно в город». Но, к сожалению, гусар Скалон умер «от таившейся в нем уже тогда болезни».

Матильда Феликсовна была душой любой компании: «Я очень любила принимать у себя великих наших артистов драматической труппы Александринского театра Варвару Васильевну Стрельскую и всеобщего друга Костю Варламова...» Последнее ее выступление состоялось в 1917 году на сцене Петроградской консерватории.

Блестящая карьера Кшесинской завершилась с крахом Российской империи. После 1917 года ее постигла трагедия, которая выпала на долю многих талантливых современников. Ее особняк в Петербурге был занят несколькими большевистскими учреждениями (впоследствии Музеем Революции). «Когда я вошла в свой дом, то меня сразу объял ужас, во что его успели превратить... В Петербурге я еще прожила около месяца. Чем становилось спокойнее, тем мучительнее чувствовалось, что нет больше ничего своего. Нет ни дома, ни вещей, но другим было еще хуже. Проезжая как-то мимо своего дома, я увидела Коллонтай разгуливающей в моем саду в моем горностаевом пальто», — пишет балерина в своей книге.

Матильда Феликсовна провела на юге три года, и летом 1920 года с небольшим саквояжем она эмигрировала во Францию. Встретившись с судебным следователем по делам гибели императорской семьи Соколовым, она удостоверялась в екатеринбургской и алапаевской трагедиях. В Алапаевске погиб и ее покровитель Сергей Михайлович, который задержался в Петербурге, надеясь вернуть особняк и имущество балерины.

Великий князь Кирилл Владимирович дал разрешение на брак великого князя Андрея Владимировича с Матильдой Кшесинской, ей был дарован титул светлейшей княгини Красинской. Венчание состоялось 17 (30) января 1921 года в каннской Русской церкви. Шаферами были муж сестры балерины Александр Логвинович Зедделер и граф Сергей Платонович Зубов. Сын Матильды Феликсовны и Андрея Владимировича Владимир получил фамилию Романов.

«Переехав в Париж уже окончательно, я первым делом занялась устройством своей студии. Но оборудование студии требовало известных затрат, а средств у меня на это не хватало, и если я смогла это сделать, то только с помощью моих друзей», – вспоминала балерина. Ее балетная студия пользовалась успехом. Среди учениц были дети знаменитых фамилий, в том числе и две дочери Ф. И. Шаляпина.

В 1958 году ей довелось присутствовать на гастрольном спектакле Большого театра с Г. Улановой в главной роли. «Я плакала от счастья и волнения», – признавалась Матильда Феликсовна.

Вместе с мужем она написала мемуары, которые были выпущены в Париже и Лондоне. Гонорар в сумме 300 тысяч франков балерина передала нуждающимся русским эмигрантам из среды военных. 17 (30) октября 1956 года внезапно скончался Андрей Владимирович. Отпевание состоялось в Александро-Невском соборе Парижа. На нем присутствовали члены императорской фамилии.

Последнее ее выступление состоялось в Лондоне в 1936 году. Удары судьбы не сломили «генералиссимуса балета». Она скончалась в 1971 году, немного не дожив до столетнего юбилея. Пережила ту страну, где родилась, свой балет, друзей, врагов, вместе с ней закончилась эпоха русского императорского балета. До конца своих дней она сохранила твердую память, ясный ум и царственные повадки.

Марина Смородина

Певец добра, надежды и любви.

Ты пел в течение полвека,
Бессмертья лаврами увит,
Ты песнь, что душу человека
И возвышает, и живит.

К. Р.

Талантливейший поэт, художник, философ и просветитель Аполлон Николаевич Майков родился 4 июня 1821 года в Москве, в семье академика живописи Николая Аполлоновича Майкова. Мать поэта, Евгения Петровна, была детской писательницей. Древнейший дворянский род Майковых дал России много замечательных подвижников: Нил Сорский (в миру Николай Майков), Иван Степанович – один из организаторов театра Волкова, Аполлон Александрович (дед поэта) – директор Императорских театров.

Высокообразованные родители много времени уделяли воспитанию и образованию сыновей. Рано умерший Валериан был талантливым критиком, Владимир – известным журналистом, Леонид – вице-президентом Академии наук, пушкинистом.

В течение многих лет в семье Майковых выходил рукописный журнал «Подснежник», затем «Лунные ночи». Сотрудниками журна-

лов были члены семьи Майкова, а также писатель И. А. Гончаров, который преподавал старшим сыновьям риторику, пиитику и латинский язык. Д. В. Григорович, характеризуя кружок Майковых, писал, что там «музыка своим чередом, литература – своим; раз в неделю вечером в небольшой ... гостиной Майковых можно было встретить тогдашних корифеев литературы».

Подросткового мальчика отвезли в Петербург, где в течение трех лет он прошел весь гимназический курс и поступил на юридический факультет Петербургского университета. По окончании его поступил на службу в Государственное казначейство, а затем восемь лет работал помощником главного библиотекаря при Румянцевском музее. С 1852 года был цензором, затем председателем Комитета иностранной цензуры, где проработал до конца жизни.

Обладая многими талантами, А. Н. Майков сделал выбор в пользу поэзии. Писать и печататься начал с 14 лет. В 1842 году он издал первый сборник «Стихотворения», который был отмечен В. Г. Белинским, увидевшем в молодом поэте «дарование неподдельное и замечательное». Поездки в Грецию и Рим отразились в ряде произведений Майкова: «Очерки Рима», «Неаполитанский альбом», «Новогреческие песни». Многие стихи поэта вошли в школьные хрестоматии. К числу лучших его творений относятся пейзажные стихи: «Весна! Выставляется первая рама», «Ласточки», «Летний дождь», «Сенокос», «Осень», «Журавли», «Рыбная ловля» и др. Его стихи можно сравнить с творениями живописца или скульптора, его поэтические картины отчетливы и ощутимы:

...Красных мухоморов ряд,
Что карлы сказочные, спят...

Или:

Дождик лил сквозь солнце, и под елью мшистой
Мы стояли точно в клетке золотистой...

Несколько произведений поэта вдохновили композитора П. И. Чайковского, написавшего «Колыбельную песню», «Новогреческую песню», «Торжественный марш» и кантату «Москва».

Майкову принадлежат переводы из Г. Гейне, И. В. Гете, А. Мицкевича, Г. Лонгфелло и др. Четыре года жизни он отдал работе над переводом замечательного памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Этот период был для него «вторым университетом»: «Мне всегда казалось, что я исполняю как будто какой-то долг и поэтому обязан исполнить его строго и свято, сил не жалеючи». И этот долг был исполнен «строго и свято». Перевод считается одним из лучших в литературе.

В 1882 году А. Н. Майков был удостоен Пушкинской премии. Став при жизни классиком, он был высоко оценен современниками. Его музе поклонялись Гоголь, Белинский, Плетнев, Фет, Тютчев, По-

лонский, Достоевский, К. Р. (Константин Константинович Романов) и др. Д. С. Мережковский писал: «Жизнь А. Н. Майкова – светлая и тихая жизнь артиста, как будто не наших времен... Судьба сделала жизненный путь Майкова ровным и светлым. Ни борьбы, ни страстей, ни врагов, ни гонений». Это не совсем так. Воспринимая поэзию как «венец познания, над злом и страстью торжество», он пережил разлад и с либералами, и с радикалами, отражая «удары слева и справа». Некоторым поэтам-современникам он советовал «растворить гражданскую злобу в гармонии природы...»

Немало переживаний выпало на его долю и в личной жизни: ранняя трагическая смерть любимого брата Валериана, тяжелый недуг младшего сына Аполлона, смерть малолетней дочери Веры, распад семьи брата Владимира и многое другое.

Летние сезоны 1878–1896 годов А. Н. Майков провел на собственной даче, которая находилась в Сиверской на Церковной улице (дача не сохранилась). «Дачная столица» полюбились поэту, как и многим его современникам – деятелям литературы и культуры. С постройкой Варшавской железной дороги Сиверская и ее окрестности стали модным курортом под Петербургом. Гатчинский поэт В. Штормовой посвятил поселку этого времени такие строки:

И все российские таланты,
Интеллигенция страны –
Художники и музыканты,
Поэты, скульпторы, певцы

Писатели, артисты – люди
Нам всем известные сейчас.
Сюда стремились отовсюду...

И приезжает из столицы
Писатель Салтыков-Щедрин,
Пейзаж за окнами светлицы
Его больного, так бодрит.
С ним рядом Майков поселился
Он много сделал для сельчан:
При нем читальный зал открылся
И школа для детей крестьян.

Дача была и творческой лабораторией и «гнездом» семьи». Здесь поэт встречался с друзьями, совершал прогулки по красивым берегам реки Оредеж, занимался «тихой охотой». Рыбная ловля – любимое занятие Майкова с детских лет. Не случайно И. Н. Крамской, живший на собственной даче у Строганова моста, запечатлел поэта на одной из лучших своих картин – «Поэт А. Н. Майков на рыбной ловле» (1833).

В письмах к жене Анне Ивановне часто упоминается Сиверская:
25/V 1879 г.

«Воздух – аромат! Чудо! Дача – прелесть! Мебель – красота из красот! Так, по крайней мере, кажется все это от радости, что не в го-

роде, а главное, что дышу чем-то живящим, питающим и возбуждающим аппетит». Поэт тяжело переживал, что прекрасные и любимые уголки Сиверской застраиваются безвкусными дачами:

26/V 1879 г.

«Тот чудесный угол, что мы называли Крепостью, увы, застраивается!.. Тишина смешалась плотниками, землекопами, роют канавы, строят две дачи огромные – и на плевков одна от другой! Вся томительность, прелестная грусть, все шорохи и звуки лесные – все пропадает перед нагло врывающейся цивилизацией, с ее безвкусием, руганью, дымом...»

29/V 1879 г.

«Ах, душечка моя! Как все-таки жаль, что не вместе нам пришлось принять первое впечатление нашей дачи. Как теперь здесь хорошо!.. зелень, травы, деревья, цветы – чудо! Все, все цветет – ландышей бездна!»

Живя в Сиверской, А. Н. Майков много сил и средств тратил на благотворительность. Он был одним из инициаторов строительства первого храма, освященного в память апостолов Петра и Павла. Доктор В. Т. Никитин выделил под храм большой участок земли, а многочисленные дачевладельцы пожертвовали средства. Среди них – барон В. Б. Фредерикс, П. Н. Зиновьев, П. А. Максимов, Н. А. Юдин, Н. Н. Бороздин, А. Е. Репников, А. Е. Трофимов и др. Церковь построили всего за 11 месяцев (архитектор М. С. Самсонов). 25 июня 1889 года состоялось ее торжественное освящение.

Попечительский кружок при церкви, членом которого был Майков, в августе 1891 года принял решение открыть народную школу. И опять доктор В. Т. Никитин предоставил помещения, а Майков снабдил школу мебелью.

Неутомимый просветитель через несколько лет заговорил о создании собственного школьного издания: «Мне идет восьмой десяток лет, значит, осталось жить недолго; но хотелось бы при жизни видеть это дело упроченным – приобрести школьный дом». Первый взнос в сумме тысяча рублей сделал сам поэт. Он же помог организовать литературно-музыкальный праздник, давший сбор в 4 тысячи рублей.

Развивая просветительскую деятельность, А. Н. Майков открыл народную библиотеку-читальню: «Если создана первая ступень разумной жизни – школа, то необходимо создать и следующую – библиотеку и читальню для народа. Будет теплое, уютное местечко, с интересными для народа книжками, он мало-помалу сам научится сюда заглядывать». В 1896 году он пожертвовал тысячу рублей на приобретение книг для библиотеки. Свою лепту в создание библиотеки внесли сослуживцы поэта по Комитету иностранной цензуры и местные попечители.

Поэт не дожил до ее открытия, состоявшегося 9 июля 1900 года. После литургии в Петропавловском храме, которую совершили епи-

скоп Ямбургский Борис (ректор Духовной академии) и пятеро священнослужителей, отдыхавших в Сиверской, церковный хор исполнил произведения поэта, положенные на музыку.

Сиверская библиотека-читальня была первой в России, устроенной по типу Императорской публичной библиотеки Санкт-Петербурга. Согласно уставу она была устроена «в целях образовательных, на началах религиозно-нравственных». Ею могли пользоваться бесплатно все желающие. Но правила гласили: «В читальном зале разговоры и курение табаку не допускается. На книгах не допускается делать никаких пометок. Вход лицам в нетрезвом состоянии, безусловно, воспрещается...»

Популярность библиотеки быстро росла, рос и ее фонд. К 1910 году он насчитывал около 12 тысяч книг за счет дарителей из Петербурга и местных жителей.

Судьба первой библиотеки в Сиверской трагична. Расформированная в начале 20-х годов, она бесследно исчезла. Но традиции, заложенные Майковым, живы. Они нашли свое воплощение в Сиверской поселковой библиотеке, которую возглавляет заслуженный работник культуры Спиридонова Светлана Ивановна. Решением Совета депутатов МО «Гатчинский район» 31 марта 2005 года библиотеке присвоено имя поэта А. Н. Майкова.

В последние годы жизни поэт искал ответ на вечные вопросы: что такое добро и зло, в чем смысл жизни и счастья:

В чем счастье?..
В жизненном пути,
Куда твой долг велит идти,
Врагов не зная, преград не мерить,
Любить, надеяться и верить.

Всю свою жизнь поэт делал добро и занимался самоусовершенствованием:

Жизнь - достижение совершенства,
И нам победа над собой
Едва ль не высшее блаженство...

Напутствуя последующие поколения, Майков советовал:

Гони их прочь, твои мучительные думы!
Насильно подними поникший долгу взгляд!
Дай солнцу проглянуть в туман души угрюмой,
И разорвется он, и ключья полетят,
Как приведения, - а с ними мрак и горе,
И жизнь в глазах блестит, под золотым лучом,
Как вдруг открывшееся море
Во всем своем просторе голубом!

В Сиверской о Майкове напоминают Майковская тропа на обрыве реки Оредеж, мемориальная доска на одном из зданий по Церковной улице, которая была открыта по инициативе краеведа Л. В. Солиной, действующий Петропавловский храм:

Когда, гоним тоской неутомимой,
Войдешь во храм и станешь там в тиши, -
Потерянный в толпе необозримой,
Как часть одной страдающей души.
Невольно в ней твое потонет горе,
И чувствуешь, что дух твой вдруг влился
Таинственно в свое родное море
И заодно с ним рвется в небеса...

А. Н. Майков был человеком высокой души. Ему посвящено множество стихов его современников. В торжественный венок его памяти можно вплести замечательные строки Константина Константиновича Романова (К. Р.), считавшего А. Н. Майкова своим учителем:

Твоя восторженная лира
И песни чистые твои
Нам проливали звуки мира
Добра, надежды и любви.

Литературные страницы

Уголок прозы

Арнольд Колобановский

Феномен Богданова (Ироническая фантастика)

Иван Кузьмич налил себе еще рюмку чесночной и взглянул в окно.

– К тебе, Фрося.

Ефросинья Васильевна перестала мешать ложечкой чай, подняла голову:

– Опять ее черти несут... Гляди-ка, розовую шляпку надела. У внучки небось взяла... Нет, это к тебе, старик.

А гостя уже ворковала в передней.

– Как мило! Сидит парочка у окошечка, чаек попивает... Я на минуточку. Не помешаю?

– Милости просим, – степенно пригласила Ефросинья Васильевна.

А Иван Кузьмич со свойственной ему прямоотой спросил:

– Ну, чего там у вас стряслось?

Гостя присела на краешек табуретки. Ее остренькое, с мелкими чертами личико изобразило серьезность миссии.

– Уличный комитет организует выставку сельскохозяйственных культур, которые выращивают наши пенсионеры. Как член жюри, я пришла узнать, чем вы порадуете общественность.

Иван Кузьмич поглядел на жену. Та с безразлично-замкнутым видом прихлебывала чай из блюдечка. Гостя продолжала тараторить:

– Ведь это так полезно – работать в саду, на свежем воздухе. Это так хорошо отражается на здоровье! У вас прекрасный вид, Иван Кузьмич. Никогда не скажешь, что вы восьмой год на пенсии...

– Да и у вас видик – ничего себе, – разжала рот Ефросинья Васильевна, косясь на розовую шляпку.

Иван Кузьмич поспешил с вопросом:

– Где выставку устраиваете?

– У полковника Коробова под верандой.

– Как это – под верандой? Под верандой только кошки лазают.

– Ну так выставка откроется к концу лета. К тому времени полковник начнет ремонтировать веранду, разберет пол и предоставит нам помещение на несколько дней. Так что же вы будете экспонировать?

– Горох и репу, – мрачно сказал Иван Кузьмич. После второй рюмки чесночной на него обычно нападала меланхолия, прогнать которую могла только третья рюмка, но жена прекращала счет и оставляла Ивана Кузьмича в тяжком раздумье.

– Вы мне покажете ваши культуры? Надо занести в план.

Иван Кузьмич повел члена жюри в огород.

Усадьба Богдановых, как и большинство участков в этом небольшом дачном поселке, была стандартно-полезного типа: три-четыре яблоньки, несколько грядок с овощами, остальная земля под картошкой.

Хозяин подошел к компостной куче:

– Здесь земля пожирнее, поэтому и репа вон какая вымахала. А горох разве плох?

– Превосходно! – восхищалась розовая шляпка. – Пока нам дают заявки на одни аристократические экспонаты: гладиолус «Гете», клубника «Фестивальная», шампиньоны... Зато у вас будет чисто практический момент.

Репа Ивана Кузьмича действительно годилась на выставку: круглые желтые шары так и выпирали из земли. А горох так наливался соком, что даже, кажется, шевелился на глазах. В стручках проступали округлости горошин величиной с орех.

– Во какой горох! – хвастался Иван Кузьмич. – Такой могут и на районную выставку принять.

– Даже на областную, – охотно подхватила розовая шляпка.

Все остальное на участке было самое обыкновенное. Кривоцветные яблоньки в этом году вовсе не пожелали плодоносить. Картошка уродилась неважная. А вот почему-то репа и горох... Тут Иван Кузьмич заметил, что его будущие экспонаты словно кто-то очертил на грядке циркулем. Внутри совершенно точного круга земля была чернотелая, как на картинах Сарьяна, и блестела жирными пятнами. А за границей круга начиналась обычная для этих мест светло-серая бросовая земля. Конец грядки пришелся на подзол. Там торчали чахлые листы-хвостики.

Иван Кузьмич наклонился, взял горсть черной земли. Она была теплой, пышной и в то же время тяжелой, каменной. Иван Кузьмич с уважением посмотрел на компостную кучу. Великое дело удобрения!

Проводив гостью, хозяин трудился до самых сумерек на необыкновенной земле. Выполнял все былинки-травинки, разрыхлил, полил и еще бы с удовольствием что-нибудь сделал, да уже больше нечего было. Он не уставал любоваться на свой горох.

– Видать, новый урожайный сорт получается. Надо и назвать его соответственно, по-латински. Например, «Богданус Гигантус». Нет, не так, кажется... «Богданум Гигантум». Тоже вроде не совсем... Надо сходить к Иуде Ионычу в медпункт. Он латынь знает. Все рецепты на нем пишет.

Домой Иван Кузьмич явился в отличном настроении, без всяких следов меланхолии.

– И верно, труд на земле прибавляет сил, – объявил он жене. – Давно я так бодро себя не чувствовал. Ты бы завтра картошку еще раз окучила. От нервов очень помогает...

Утром Иван Кузьмич отправился в огород проведать свои экспонаты. Их пышная зелень ярко выделялась в круге черно-фиолетовой земли, но шары репы и стручки гороха почему-то убавились вдвое. Иван Кузьмич походил вокруг, потрогал растения, поудивлялся.

– Что это мне вчера привиделось? Неужели вторая чесночная так подействовала? Говорил я Фросе: рано убираешь бутылку...

Чрез пару дней Ефросинья Васильевна сказала мужу:

– Ты бы хоть полил свою репу. Выставлять собираешься, а там растет невесть что.

Иван Кузьмич поспешил к грядке. В черно-лиловом круге от гороха и репы не осталось и следа. Вместо них из земли вылезало что-то колючее, похожее не то на чертополох, не то на кактус. Иван Кузьмич протянул было руку, чтобы выдрать непрошенное растение, но почему-то оробел. Потоптавшись около, он сердито плюнул на то, во что превратился его «Богданус Гигантус», и ушел.

За обедом Ефросинья Васильевна поглядела на мужа и насупилась, как дождевая туча.

– Старик, ты зачем усы начернил?

– Надень, матушка, очки, – миролюбиво ответил Иван Кузьмич.

Жена и в самом деле не поленилась, разыскала очки и, нацепив их на нос, подступила к мужу.

– Так и есть! И усы, и брови, и виски покрасил. Да где у тебя стыд? Из-за какой-то паршивой розовой шляпки...

Только большое удивление и смутное беспокойство помешали Ивану Кузьмичу ответить жене по-мужски: с достоинством и силой. Он долго разглядывал себя в зеркале, потом потребовал «Хед энд шолдерс», щетку и горячей воды. Но сколько ни тер брови, усы, виски заморским шампунем, прежняя седина не возвращалась.

Жена сказала с грустью:

– Не наводи тень на ясный день. А коли верно не красил, так сходи в медпункт. Тут что-то ненормальное.

– Завидуешь, старая гримза, – отбивался Иван Кузьмич. – Я тебе сколько раз говорил: окучивай картошку почаще. Труд на свежем воздухе укрепляет здоровье.

К врачу он все-таки сходил и вернулся с видом задумчивым и загадочным. На вопросы жены отвечал туманно.

– Наука считает, что седина появляется у человека от двух причин: от истощения нервной системы и от старости. Иуда Ионыч говорит, что у меня действует вторая причина, только наоборот... И еще он сказал, что установит за мной особое наблюдение.

И действительно, скоро в доме Богдановых появилось новое лицо. Это был Иуда Ионыч, участковый врач, пожилой брюнет в очках.

Уже несколько лет он работал в поселковом медпункте – в деревянной развалюхе с вечно протекающей крышей. Должность была совершенно бесперспективной: за все эти годы ни одного интересного заболевания. Контингент больных, или, как он выражался, «прихожан», составляли поселковые пенсионеры, в основном старушки – божьи одуванчики, страшно любившие обстоятельно поговорить с врачом о своих действительных и мнимых болезнях. На самом деле у них была только одна неизлечимая болезнь – старость.

Подвижничество прежних земских докторов брюнету в очках было чуждо. Нищенская зарплата участкового врача, вечно ноющая жена, двое великовозрастных сыновей-бездельников, требовавших от родителей то японскую куртку, то адидасовские кроссовки, заставляли отца искать выход. Иуда Ионыч стал серьезно подумывать о переезде на историческую родину, совсем уж было махнул рукой на свою врачебную карьеру в этой стране, стал выписывать всем «прихожанам» подряд только пурген и цитрамон, как вдруг появился этот необыкновенный пенсионер Богданов. У Иуды Ионыча захолонуло сердце. Возник реальный шанс круто изменить жизнь. Он так ловко надел на Ивана Кузьмича ярмо своих забот и предписаний, что тот и сам не заметил, как целиком оказался в его власти. Да и кто бы устоял перед такими, например, речами:

– Догогой мой, ваша судьба необыкновенна! – внушал брюнет в очках Ивану Кузьмичу. – В вашем лице наука впервые столкнулась с обратимостью жизненных процессов. Да ведь это зоготая жила... э-э... для науки, разумеется. В чем причина подобного необычайного явления? На этот вопрос пока нет однозначного ответа. Но скажу вам, зоготко, совершенно конфиденциально: у меня возник ряд соображений по поводу чесночной настойки, так замечательно делаемой вашей уважаемой супругой. Это же зоготое дно... э-э... в научном смысле, понятно. Необходима методика приема и дозировки. Поэтому – эксперименты, эксперименты, еще раз эксперименты, и вы, зоготой мой, быть может, откроете перед человечеством новые гогизонты.

У пенсионера по старости Ивана Кузьмича Богданова кружилась голова. Впрочем, никакой пенсионный фонд не назначил бы ему теперь и копеечной пенсии, так мало он стал походить на ветерана долгих трудовых лет. Плечи его распрямились, жирный живот убрался, походка стала упругой и легкой, движения быстры. Утром он спешил к зеркалу, и оно, как в сказке, каждый раз сообщало ему приятные новости: вот и глубокие складки у рта совсем исчезли, и волосы потемнели и закурчавились, и в глазах появился задорный блеск...

А доктор, взяв отпуск, не отходил от него ни на шаг. Выслушивал, выстукивал, измерял давление, водил снимать электрокардиограмму, делать рентген и УЗИ, записывал каждое его слово, движение, желание. По ночам, когда Иван Кузьмич крепко, по-молодому спал, его личный врач писал диссертацию под осторожным, но интригую-

щим названием «О некоторых особенностях изменений интенсивно омолаживающегося организма».

Ефросинья Васильевна, которую выселили из спальни на кухню, следила за мужем с мучительным недоверием. Укараулив минутку, когда возле него не было брюнета в очках, она заводила с ним один и тот же разговор:

– Если ты задумал бросить меня на старости лет, то так и скажи по-честному. Проживу и без тебя. Вот как присудят мне половину дома и твоей пенсии...

– Да возьми ты ее хоть всю, – отмахивался Иван Кузьмич. – Меня теперь наука обеспечит.

Ефросинья Васильевна делала второй заход:

– Знаю я, какая у тебя наука в голове. Вчера розовая шляпка опять в окно заглядывала.

У Ивана Кузьмича презрительно топорщились молодецкие усы.

– Нужна мне эта старуха!

Тут появлялся ангел-хранитель Ивана Кузьмича и объявлял об очередной процедуре. Ефросинья Васильевна опять изгонялась на кухню.

Вся жизнь пенсионера Богданова была теперь расписана по минутам. Утром он делал гимнастику, легко завтракал и ехал в спорт-центр в плавательный бассейн. После получасового заплыва кролем и брассом полагались небольшой отдых и второй завтрак. Далее были пробежка на свежем воздухе, полчаса занятий на ринге или в фехтовальном зале, освежающий душ. Потом сытый обед, небольшая разминка, чтобы не жиреть, послеобеденный сон на веранде с открытым окном в любую погоду. После чая и фруктов пациенту была предписана симфоническая музыка. Для этой цели доктор принес собственный магнитофон с классическими записями. А когда замечал, что Иван Кузьмич от всех этих квартетов и прелюдий начинает клевать носом, садился играть с ним в карты – отнюдь не на деньги, чтобы не волновать его. Из этих же соображений телевизор разрешался изредка, так как по нему показывали одни кровавые боевики с бесконечными драками и похищениями, что тоже могло создать эмоциональные перегрузки.

В дневнике доктора появлялись такие записи:

«Перестал храпеть по ночам. Видит во сне молодых женщин в розовых купальных костюмах. Продолжает ежедневно принимать по три рюмки чесночной настойки».

«Выразил желание стать боксером в среднем весе. Продемонстрировал удар левой, повредил при этом челюсть тренеру. Кстати, проверил и его зубы. Оказалось, что под вставными протезами режутся новые коренные».

Свою кандидатскую диссертацию Иуда Ионыч защитил блестяще. Одновременно в редакции некоторых центральных газет и по-

пулярных журналов им были разосланы статьи на ту же тему, вызвавшие немалый интерес. В доме Богдановых на Озерной улице стали появляться корреспонденты газет и телерепортеры. Интервью с Иваном Кузьмичом шли нарасхват. Ефросинья Васильевна чаще стала видеть своего мужа «по ящику», чем дома. Новая жизнь Ивана Кузьмича вступала во второй этап – сенсационной известности. Им заинтересовались крупные ученые. Из-за него дрались и сутяжничали несколько мединституты и клиник. Коллективы этих учреждений жаждали заполучить себе необыкновенный объект для исследования столь исключительного случая интенсивного омолаживания, описанного в диссертации брюнета в очках. С каким наслаждением они разложили бы пенсионера Богданова на молекулы, чтобы дознаться, как же происходит процесс обратимости жизни. Но на страже безопасности Ивана Кузьмича стоял его личный ученый-врач. Он уже писал докторскую диссертацию на том же материале, был автором ряда работ, опубликованных в научных журналах, и сам становился знаменитостью. С этим приходилось считаться.

А Иван Кузьмич с каждым днем молодел. Белый и румяный, с темными кудрями над крутым лбом, по-юношески удалый и ловкий, он выглядел теперь таким, каким знавала его жена еще до свадьбы.

Ефросинья Васильевна совсем стусевалась. Затаившись в своей кухне, она только поглядывала на мужа изумленными и восхищенными глазами. Однажды, столкнувшись с ним в передней, она робко позвала:

– Ванюша!

– Извините, мамаша, – вежливо обронил Иван Кузьмич, обходя ее стороной.

Он торопился на футбольный матч. Ему самому хотелось погонять по полю упругий оранжевый мяч, но это ему было строго запрещено ввиду грубости этого вида спорта и возможных травм.

Соседи часами простаивали на другой стороне улицы напротив дома Богдановых, сторонясь больших черных машин, подвозивших высоких персон, чтобы хоть мельком увидеть стройного юношу, который еще совсем недавно был седым стариком. Каждый из жителей Озерной улицы, достигший пенсионного возраста, втайне надеялся, что и он начнет молодеть хотя бы потому, что живет по соседству с Иваном Кузьмичом. Все мужчины, которым было известно о пристрастии Богданова к чесночной настойке, стихийно организовались в «Добровольное общество любителей ЧН». Ряды его стремительно пополнялись новыми членами. Свирепая и необыкновенно пахучая настойка употреблялась как универсальное средство от всех болезней, причем многие уже приводили случаи чудесного и быстрого исцеления от разнообразных застарелых недугов. Злые языки утверждали, что даже от некоторых известных политиков стало пахнуть не дорогим коньяком, а водкой, настоянной на молодых чесночных головках.

Оберегая покой Ивана Кузьмича, Ефросинья Васильевна неукоснительно держала на запоре дверь на улицу. Однако розовой шляпке удалось прорваться через все кордоны. Свежим августовским утром, когда Ефросинья Васильевна колдовала над рубленным бифштексом по-деревенски ко второму завтраку Ивана Кузьмича, она услышала тревожное бление брүнета в очках:

– Ефросинья Васильевна, вас зовут!

В передней перед ней неожиданно предстала розовая шляпка.

– Милочка! – воззвала она к негодующе двинувшейся на нее Ефросинье Васильевне. – Разве бы я посмела из личного любопытства? Только по долгу общественных обязанностей... Завтра открывается выставка, а от вас ни одного экспоната. Умоляю, пойдемте в огород. Я сама выкопаю то, что вы укажете. Вам даже руки пачкать не придется. Я же понимаю, у вас такая ответственность...

Ефросинья Васильевна уступила. По дороге в сад розовая шляпка не удержалась от женских советов:

– Вы не пробовали красить волосы лондаколором? Прекрасно скрадывает седину от корней до самых кончиков. Вот взгляните на мои, – она тронула жиденькую желтую прядку, кокетливо выставленную из-под шляпки. – А на ночь употребляйте крем «Черный жемчуг». Смягчает кожу лица, придает ему упругость и блеск. Теперь вам нужно особенно следить за собой... Ах, милочка, женская общественность вам так сочувствует!

В огороде зелнели яблоньки без яблок, тянулись рядки безупречно окученной картошки. На месте же предполагаемых экспонатов зиял пустой черный круг, и только в середине его что-то ворочалось и урчало. На глазах испуганных женщин из центра круга поднялось что-то длинное и тонкое, похожее на хлыст. Оно покачивалось, потрескивало и вдруг развернулось в огромный лист.

Розовая шляпка метнулась в сторону:

– Ах, какие странные вещи происходят у вас! У других почему-то все нормально.

За первым листом появился второй, третий... В течение нескольких минут перед женщинами вырос чудовищный куст. Из круглых ячеек на нижних сторонах листьев стали выскакивать споры величиной с бывший горох «Богданус Гигантус». С громким треском, похожим на хлопучечные выстрелы, они лопались, засыпая все вокруг черной пылью.

Женщины с дружным визгом бросились обратно в дом...

Новая сенсация потрясла Озерную улицу и быстро распространилась на ученый мир. Кроме представителей медицины дом Богдановых заполнили биологи, геологи, ботаники, агрономы. Они теснились возле черного круга и ожесточенно спорили.

– Великолепный образец девона! – утверждал биолог.

– Ну что вы! – опровергал геолог. – Это самый обыкновенный древовидный папоротник каменноугольного периода.

– Ошибаетесь, коллеги! – решительно заявлял палеоботаник. – Перед вами типичный саговник, характерный для юрского периода. Обратите внимание, как расчленен лист...

И только агроном не спорил. Он сосредоточенно вспоминал:

– Где же я видел эту нечисть? Уж не на полях ли нашей агрофирмы? Только та была помельче, конечно...

Вскоре к ним присоединился астроном. К этому времени гость из далекого прошлого Земли уступил место растению, совершенно неизвестному науке. Оно было без листьев, зато с невероятно длинными и острыми шипами-кинжалами. Но и его быстро сменило нечто похожее на титанический мох. Астроном исследовал удивительно правильный круг лилово-черной земли, произнес многозначительное «гм» и поднял глаза к небу.

После этого в саду Богдановых появились новые биологи, ботаники, геологи, химики, только теперь уже все с приставкой «астро». К ночи на картофельном поле Ефросиньи Васильевны раскорячилась тренога телескопа и было расписано круглосуточное дежурство сотрудников астрономической обсерватории.

За всей этой суматохой как-то позабыли об Иване Кузьмиче, а когда вспомнили, то Ивана Кузьмича как такового уже не было. Вместо него по дому носился резвый мальчишка, изобретательный на шалости. Чтобы удержать его в повиновении и сохранить чистоту эксперимента, прислали на помощь опытного педагога.

– Это ненадолго, – успокаивал Ефросинью Васильевну брюнет в очках. – Через несколько дней достаточно будет одной няни.

Так и произошло. Мальчишка быстро превратился в очаровательное дитя, пухлое и кудрявое. А затем...

Затем на сцену выступила Ефросинья Васильевна. Ночью она услышала детский плач и бестрепетно вошла в спальню. Из большой кровати мужа она бережно вынула крошечного младенца. Иуда Ионыч, дежуривший около своего пациента, попытался протестовать, но Ефросинья Васильевна решительно заявила:

– Довольно. Поиздевались и хватит. Теперь ребенка я беру к себе.

– Но по какому праву? – возмутился врач-опекун.

– Если уже не по праву жены, то по праву матери, – гордо сказала Ефросинья Васильевна и унесла бывшего мужа к себе на кухню.

– Но ему понадобится грудное молоко! – кричал ей вслед врач.

– Выкормлю из рожка!

На утро к Ефросинье Васильевне явилась делегация научных работников, обеспокоенных экспроприацией объекта их исследований. Все вместе и каждый по очереди они пытались объяснить ей – с различной степенью такта и терпения, – что в данном случае материнские

заботы излишни. Выкармливать младенца не понадобится. Его судьба не расти, а уменьшаться, превращаться в эмбрион. Тут уже потребуются не рожок, а лаборатория, искусственное чрево, сложная система питания зародыша. И, наконец – да, как это ни печально, – банка со спиртом.

Ефросинья Васильевна ничего не хотела слушать.

– В банку только через мой труп!

Бездетная, она теперь изливала на ребенка всю свою нерастраченную материнскую нежность.

Прошло еще несколько дней. Иван Кузьмич, завернутый в вату, обложенный грелками, бессмысленно тарашил мутные глазенки. Ефросинья Васильевна заливалась слезами и готовилась проститься с дорогим ей вдвойне существом.

Вскоре дом Богдановых опустел. Ивана Кузьмича уже рассматривали под микроскопом в лаборатории. Первым покинул свой пост брюнет в очках. Стремительно делающему карьеру доктору медицинских наук Иуде Ионычу Катцеленбогену предложили пост заведующего кафедрой геронтологии в одном из престижных мединститутов.

Ничего не высмотрев в небе и только истоптав все картофельное поле Ефросиньи Васильевны, уволокли свой телескоп астрономы. Сад был безнадежно испорчен большой ямой, в которой больше ничего не росло. Необыкновенную землю растаскали по лабораториям и уничтожили в ходе анализов. Ботаники, биологи, генетики, физики, химики – с приставкой «астро» и без нее – всласть поспорили и, как обычно не придя к единому мнению, разъехались. Выводы их были противоречивы и туманны.

Генетики пытались объяснить этот странный случай неким «срывом программы» наследственной информации в молекулах ДНК бедного Ивана Кузьмича.

Астрономы намекали на неизвестное космическое излучение, под действие которого попали горох и репа Ивана Кузьмича, а заодно и он сам.

Физики рассуждали о принципиальной возможности обратного течения времени, что и, вероятно, продемонстрировал Иван Кузьмич.

Короче говоря, «феномен Богданова» явно застал научную мысль врасплох. И только в одной области эта история прочертила глубокий и прочный след и была плодотворно использована на практике. Мединститут, руководимый новым директором членом-корреспондентом Академии медицинских наук Катцеленбогеном, рекомендовал чесночную настойку в качестве универсального лечебного средства. Рецепт, «позаимствованный», кстати, у Ефросиньи Васильевны, он выгодно продал ряду винзаводов, которые и начали массовое производство настойки. Теперь «Богдановку» можно купить в любом магазине, правда, по сумасшедшей цене, но ведь, как утверждает рек-

лама, «препарат такого уровня, такого класса просто не может быть дешевым».

Постепенно интерес к судьбе Ивана Кузьмича заглох даже у пенсионеров. Перспектива в ускоренном темпе прожить жизнь наоборот и обрести покой в колбе со спиртом никого не прельщала.

Но долго еще жители Озерной улицы, замечая в кухонном окне дома Богдановых согбенный силуэт Ефросиньи Васильевны, говорили:

– Гляди-ка, это та, у которой муж в банке.

– Подумайте, до чего довела беднягу!

И проходили мимо.

Борис Гажёв

Народный мыслитель

Иван Порфирьев, упитанный мужик средних лет, сидел в позе роденовского мыслителя на третьем этаже своего скромного свродама. Над ним за стеклянной крышей голубело небо. В доме было тихо: домашние притаились и не мешали кормильцу мыслить. Иван общался с Космосом. На сегодняшний день у него было девять заказов. Деньги, как всегда, народный мыслитель получил вперед, и заказчики ждали результатов.

Космос давал Ивану такой заряд энергии, что он мог сделать все: изгнать бесов, отвести вурдалаков и вампиров, снять порчу, вернуть неверных мужей или жен, вразумить неразумных, покарать нечестивцев, излечить от всех болезней, сексуально оздоровить и направить.

Иван давно вступил с Космосом в интимную связь. Он разговаривал с ним, как с близким другом и советчиком. Космические силы и космический разум были неисчерпаемы. Они предлагали такое количество вариантов, что сомнений быть не могло – Космос знает все и про всех. Космос никогда не ошибается. Космос и Иван – единое целое.

Обычно космические ответы Иван запоминал без труда. Они входили в него легко и свободно, правда не сверху вниз, а снизу вверх. Сперва начинало пощипывать пятки, потом голени, бедра, грудную клетку и в самую последнюю очередь – голову. Правда, бывали случаи, когда космические волны почему-то концентрировались где-то ниже пупка, а выше не поднимались. Тогда Иван без труда решал половые проблемы заказчика.

С бесами и прочей нечистью Иван справлялся легко. Для этого ему достаточно было на них просто прикрикнуть: «Брысь от Нины Петровны, или Веры Ивановны, или Савелия Алексеевича!..» Неверных супругов друг Космоса мысленно уговаривал (иногда довольно легко), дам пугал пожизненной фригидностью, мужчин – импотенцией. Иногда получалось... Если же не было эффекта, Иван не расстраивал-

ся, возвращал клиентам часть денег и даже поздравлял их с освобождением: «Мол, партнер (партнерша) ваш настолько плох, что от него даже Космос отказался».

Сложнее всего было лечить болезни. Ведь их так много, что Иван поначалу несколько озадачился. Но выход нашел. Все оказалось очень просто. Купил он в Доме книги анатомический атлас. В нем, как известно, все органы, даже самые незначительные, обозначены. Особенно понравились ему латинские названия. К примеру – *epididimus* (эпидидимус) или *appendix* (аппендикс). А что касается лечения, то народный мыслитель виртуозно лечил с помощью простых портновских булавок. Допустим, у секретарши Зиночки от обильного употребления киви и манго диарея (понос, значит) случилась. Тут Иван свои булавочки ей и воткнул – прямо в кишку. Вы не подумайте, что в Зиночку. В атласе, конечно. И Космосу об этом доложил. А уж Космос-то для Ивана постарался: была диарея, а стал запор. Вот так-то!

Особенно много булавок требовалось для стариков. Так ведь не жалко – копеечное же дело. Зато можно утыкать добрую треть атласа. А там уж Космос знает, куда свои силы направить. Старики у Ивана лечились богатые, из бывших. Несли они свои деньги не только ему, но и этим шарлатанам безмозглым – врачам. Поначалу мыслитель гневался, ревновал пациентов, а потом понял свою выгоду. Коли помер пациент, значит, врачи виноваты – залечили. А потому общению с врачами более не препятствовал.

От позы мыслителя Иван устал. А знакомого пощипывания все не было. Сегодня Космос молчал... И это молчание пугало. Около часа сидел Иван в позе лотоса, но Космос все равно безмолвствовал. Жаркая волна гнева и отчаяния ударила в голову. Чем же прогневил он своего друга и покровителя? За что хочет Космос лишить всего нажитого, отправить в коммуналку на Средней Подъяческой?

Голова у Ивана стала разбухать и загудела. Он схватил стул и запустил им в стеклянную крышу. Десятки, сотни осколков посыпались из Космоса. Они проникали повсюду, мешали дышать и видеть, они душили мыслителя, замуровывали его живьем среди любимых вещей. Выхода не было – Космос предал, Космос от него отказался. Значит, надо покарать предателя. Иван метался по комнате, рвал в клочья анатомические атласы, глотал булавки и ругался какими-то непонятными космическими словами.

Диспетчер «скорой психиатрической», получив вызов, тотчас отправила к Ивану бригаду. Знакомые с Иваном санитары деловито и без проблем упаковали его и доставили в больницу Скворцова-Степанова. Доктор Зотов, увидев больного, укоризненно покачал головой и распорядился... А новенькой медицинской сестре сказал: «Это Иван Порфирьев, шизофреник. Вот ведь почти год продержался, и опять к нам».

Доктор не знал, что за прошедший год народный мыслитель сильно поправил свое материальное положение и попал в больницу богатым человеком.

Виктор Филиппов

У меня мелькнула мысль: «Девушка тонет!»

В этот небольшой городок я приехал погостить, отслужив армию. Да так и остался...

С двоюродным братом мы пошли погулять в парк. Идем, смотрю — турник. Пацаны прыгают на перекладину и висят на ней, как сосиски. Мне братишка и говорит: «Ну-ка, Николай, покажи, чему тебя в армии научили». Я снял спортивную куртку, рубашку. Пацанов с перекладины как ветром сдуло. Я легко подпрыгнул, сделал силовой вылаз, склепку, раз десять подтянулся, стал крутить солнце. Мне захлопали. Зрители просили еще что-нибудь показать. Я сделал несколько упражнений. «Нам надо еще на лодке покататься, — сказал, обращаясь к зрителям, брат, — мы придем завтра».

До пристани нас провожала огромная толпа. Брат сел на весла, и мы поплыли. Был конец сентября, погода стояла отличная. Плавал и нырял я хорошо и поэтому решил искупаться. Встал на корму, подпрыгнул и нырнул. В воде открыл глаза и вижу: надо мной болтаются чьи-то ноги. У меня мелькнула мысль: «Девушка тонет!» Я мгновенно оказался около нее. Одной рукой я взял ее за ноги, другой стал быстро грести, поднимаясь на поверхность. И тут случился казус: платье девушки «поплыло» вниз, и я невольно оказался под ним.

На поверхности мы так и появились. Визг и крики сменились дружным хохотом. Я быстро выскочил из-под платья. Брат помог втащить девушку в нашу лодку. Уже через несколько минут она хохотала вместе с нами.

Мне рассказали, что, когда я прыгнул, две девушки стояли в лодке, волной качнуло ее и они, не удержавшись, полетели в воду. Девушку, которую я спас, звали Наташей, а вторую — Сашей. Ее тоже уже втащили в лодку, и она отжимала свою одежду. Я пошел проводить Наташу домой.

С этого дня я уже не мог представить жизнь без моей любимой Наташи.

Уголок поэзии

Татьяна Баутина

Игра

Зачем в чужие юбилей
Грустим мы часто о себе?
Не потому ль, что в дни сомнений
Верны изменчивой судьбе?

Судьба играет с нами в прятки
И так заводит нас порой,
Что мы, невольно улыбаясь,
Следим за странною игрой.

А иногда ей потакаем,
И дарим хитрости ходы,
И даже линию меняем
Своей же собственной судьбы.

И что, судьба уж так всесильна,
Петляя меж годами всласть,
Имеет ту над нами власть,
Против которой мы бессильны?..

О нет, от гордости слабея,
Скажу, судьбы я не страшась:
«Мои желания сильнее —
Они любовь, добро и страсть!»

Светлана Винокурова

Предзимье

Предзимье — то снега, а то дожди.
Все перепуталось на карте небосвода.
Так и в душе моей такая же погода:
Снега, дожди, опять снега, дожди...

Предзимье — наступают холода,
И опустели дачные поселки,
Уж скоро полетят по снегу тройки,
Как дни мои летят, бегут года.

Предзимье — это чудо из чудес:
Ведь нет зимы, но и уже не осень.
О чем-то шепчет поредевший лес,
А на висках моих — серебряная проседь.

Метель

Ветер гонит поземку по кругу,
Заметает дороги-пути.
Я тропинку ищу к сердцу друга,
Как бы только не сбиться с пути.

А метель все сильнее завывает
И следы заметает в снегу...
Я люблю тебя, милый, и знаю:
Все равно я к тебе добегу.

Борис Гажёв

Музыка

Исааку Шварцу

Божественная музыка,
конечно же, от Бога.
Божественная музыка
спускается с небес.

Она находит Моцарта,
Вивальди и Бетховена,
а Иоганна Штрауса
находит «Венский лес».

Нам дарит эта музыка
восторги и страдания,
любовь и откровения,
и счастье, и мечты.

А жизнь без этой музыки
не жизнь, а прозябание.
Не может быть без музыки
душевной красоты.

Ностальгия

В отриконенных¹ ботинках
я пройду все перевалы.
Не страшны мне с гор лавины,
все завалы и обвалы.

Ледоруб — моя защита,
и подмога, и опора.
Карабин мой держит крепко,
и шагают ноги споро.

В связке я всегда с друзьями,
и в друзей я верю свято.
Даже мне карниз не страшен
или ледяное плато.

Как давно все это было.
Горы снятся мне ночами
и безмолвно вопрошают:
отчего же ты не с нами?

Может быть, однажды летом
соберу свои манатки,
поднимусь к седым вершинам
не ногами — на канатке.

Вспомню я друзей веселых:
нет иных, а те далече.
Как манили перевалы,
как мы ждали с туром² встречи.

Не разряды привлекали —
звезды, словно под ногами.
И вершины, что застыли,
чтоб навек остаться с нами.

Анатолий Гессе

* * *

Я — Гамлет. Трубы прозвучали.
И тишина накроет нас.
Не надо боли и печали, —
пытливый разум не угас.

¹ *Трикони* — специальные металлические шипы на горных ботинках.

² *Тур* — выложенный из камней знак на вершине перевала.

Он, как цветок любви нетленной,
продолжит с вечностью игру
и, словно Феникс, неизменно,
вновь оживет. Я не умру!

Мой образ в сотнях воплощений,
с корректировкой времен,
пройдет по жизни, как по сцене...
и снова выйдет «на поклон».

Зачем же каждый раз прощаться?
Душа продолжит вечный путь,
чтоб уходить и воплощаться,
в конце свою постигнув суть!

* * *

Вот и вечер воскресный кончается.
И пришел предотъездный минор, —
Время вынесет свой приговор,
и петля из дорог закачается
и сердец оборвет разговор...

Холод ночи пустой, одиночество...
и огней суета за окном...
Тишиной запорошенный дом
и прокуренной кельи иночество...
Незаконченной строчки излом...

* * *

Здесь — место рождения Слова.
Здесь — пушкинской музы приют.
Паломники снова и снова
сюда причаститься придут...

Над Словом не властны столетья, —
лишь крепче с годами настой,
и строк виноградные плети
как нить, что ведет за собой.

Вячеслав Громовой

Выра

На лугу уложен сочный клеверный ковер,
Лес, река, зов синевы высокой.
Оредежских бабочек набоковский набор,
И дрожат стрекозы над осокой.

Славная дорога, что на самый Петербург,
К ней тропа из дома уводила.
Сколько здесь проехало на север и на юг,
Да каких!.. Аж дух перехватило!..

Здравствуй, милый Вырин!
Ты прости меня, Самсон,
Был небрежен к памяти твоей я.
А теперь украдкой отдаю тебе поклон.
Это верный признак, что старею.

Сергей Дедов

Памяти друга

С. Евдокимову

Ветер тих, и над кладбищем старым
В небесах бездонных вдалеке
Месяц, словно сабля янычара,
Заблистал в невидимой руке.

Осознав, что умереть так просто
И куда сложнее — просто жить,
В этот вечер к старому погосту
Я пришел с тобой поговорить.

Знаешь ты, что дух мой так терзает, —
Просвети, чтоб я не брел во мгле.
Кто ушел, об этой жизни знает
Больше всех живущих на земле.

Эта участь и меня не минет.
Уходя, не затворяй дверей.
Ведь когда художник мир покинет,
Мир вокруг становится темней.

Помоги мне, друг мой, хоть немного,
О тебе я помню и молюсь.
Ты теперь на небесах у Бога,
Я же здесь средь прочих остаюсь.

Остаюсь, душой раним и тонок,
Но еще увидеть здесь смогу,
Как, расправив крылья, жаворонок
Расшвыряет росы на лугу.

Как дождей живительные струи
Упадут на землю с высоты,
Как сомкнутся в сладком поцелуе
Лепестками нежные цветы.

Как чуть позже тусклые аллеи
Освежит румянец сентября.
Все и всех я здесь узреть сумею,
Все и всех, но только не тебя...

Не бродить нам вместе сонным лугом,
Не встречать у озера зарю...
Был тебе я самым лучшим другом —
Значит, больше всех себя виною.

Ветер тих, но всё пылает жаром.
Занесен невидимой рукой
Месяц, словно сабля янычара,
Над моей склоненной головой.

* * *

Средь березок белоствольных,
Где река течет, как грусть,
Где гуляет ветер вольный,
Посреди лугов раздольных
Есть затерянная Русь.

Там прекрасные олени
Без предчувствия беды,
Как в неистовом моленье,
Опустившись на колени,
Пьют живую гладь воды.

А в затерянной сторонке,
Где луга — пахучий мед,
Раскрасавица девчонка
Простодушнее ребенка
Вольной лебедью плывет.

У девчонки нос курносый,
Взгляд — небес бездонных даль,
Косы цвета абрикоса,
А в глазах сверкают росы
И российская печаль.

И у речки — там, где тонет
Трав зеленых бахрома,
Где камыш шумит в затоне,
Журавля кормить с ладони
Будет искренность сама.

* * *

В леса, в поля и в зелень на лугу —
Во все, что есть, влюблен я беззаветно.
Вот потому и разглядеть могу
В густой траве цветочек неприметный.

Любуюсь линией волшебного цветка,
Реки прозрачной медленным теченьем,
Палитрой яркою простого мотылька —
Всем тем, что сердцу дарит вдохновенье.

Мне серых красок надоел покой,
Горю в цвету, горю душой и телом.
И потому любуюсь я тобой,
Что средь других меня не разглядела.

Евгений Докучаев

* * *

Я люблю, в том нет вины...
Р. Киплинг

Жить в любви,
любовью жить,
мелочей не замечая.
...ложечка в стакане чая
С сахаринками кружит...

Край родной забелеет ромашками...
Светлой ночью почти не видны,
обесцвеченные промокашкой,
даже пятна на лбу у луны.

Будет в полдень медовою бражкой
трав цветущих дурман витать...
ветер с бабочками-милашками
земляничники облетать.

Уловить бы движение каждое,
шелест трав и небесный цвет,
не пройти и услышать важное
откровение в тон листе!

По обочинам травы глажу я,
повторяя тропу в лесу,
и смахну по утра упавшую
на ореховый лист слезу.

Сколько сохнут ладони влажные,
столько слушаю соловья...
Он поет про поля с ромашками
в том краю, где бываю я.

Алла Кошмелюк

* * *

Прохудился неба старый мокрый зонтик.
Грустно смотрит осень серыми глазами...
Капель тихий лепет. А на горизонте
Вновь исходит туча горькими слезами.

Прохудился зонтик! Днем и ночью каплет,
Золото и охру обращая в слякоть.
И звенят прощально, и дробятся капли...
Будет осень долго безутешно плакать.

* * *

Туесок берестяной
с тусклым блеском,
Пахнет родиной моей,
милым Вельском.
Тетки мягкий говорок
и божатки¹ ...
Я у памяти в плену –
ах, как сладко!

А в углу иконный лик –
темны доски,
Затуманенно глядит.
Серым воском
Обреченно день стечет –
станет ночью.
На холмах заснувших изб
многоточья,
И часовни куполок
безымянной
Отзовется в сердце болью
и раной.
Туесок берестяной
с лапотками
Снова детство мне вернет...
Где ты, мама?

¹ Божатка – крестная мать (северное наречие).

На Яграх

Вдруг щемящее, болезненное
 Кровью хлынет мне в висок;
 Море Белое – стальное.
 Серебристый льнет песок.
 Запах моря. Шум прибоя.
 Привкус соли на губах.
 Прелость водорослей... Болью
 Отзовется в сердце! Ах!
 Море Белое. На Яграх
 Дюны с тальником, песок.
 Мы на Яграх, словно в Гаграх.
 Чайки хриплый голосок
 Гулким эхом в небе синем.
 Лижет пальцы ног волна...
 Север мой, моя Россия,
 Только вами я больна!

* * *

Поговорить с твоим молчанием,
 Напиться радости нечаянной,
 Испить из рук полынной горечи,
 Избыть печаль в безмолвной полночи.
 Навзрыд смеяться над пророчеством,
 Запить разлуку одиночеством...
 В твоих глазах – свет понимания,
 Дороже слов – твое молчание.

* * *

Это гордое одиночество –
 Стынет в горле безмолвный крик,
 Эти долгие-долгие «ночества»,
 А свидания – краткий миг.

Это горькое одиночество –
 Сигарет горьковатый дым,
 Днем еще ничего, а ночью-то
 Я одна, да и ты один.

Эти тени без имени-отчества...
 Бездна-ночь... Горький всхлип дверей...
 Одиночество – как пророчество,
 Где разбиты глаза фонарей...

Михаил Лейкин

Под Петербургом Осень бродит...

(Сюжетный монолог коллективного ведущего из спектакля «Оставь герою сердце... Что же он будет без него? Тиран»)

Под Петербургом Осень бродит,
шуршит, запугавшись в кустах,
И рифмы легкие выводит
на спешно сорванных листах.
и, робко подойдя к Лицею,
рассыпав рукописный лист,
она все ждет, что на аллею
курчавый выйдет лицеист.
Когда случилась эта встреча?
Давным-давно...

Не все ль равно?
Была их встреча лишь предтечей
другой, в деревне Болдино.
Она его ждать не устала,
но нынче не об этом речь.
Их просто было очень мало —
лишь тридцать восемь было встреч.
Он был прекрасным и несносным
и между чашами привык
переводить Поэта Осень
на человеческий язык!
Когда же падал, долго целясь,
зачеркнутый свинцом, как лист,
бежал назад впотьмах, к Лицею,
седой и страшный лицеист.

По цвету золота и крови
гуляет Осень на Руси...
Прости нас, лицеист бедовый,
прости нас, Господи, прости!
Как прежде, временные судьи
словами барабанят в жесть,
а в парке суетные люди
спешат листву сгрести и сжечь.

Гуляет Осень! В электричках
свободных мест сегодня нет.
А кто-то снова по привычке

из листьев захватил букет.
 Везет его он к Ленинграду,
 но едет к Петербургу в плен,
 пройдет с букетом сквозь ограду,
 сойдет с ним в метрополитен.
 А там — в холодном, чинном зале,
 где суета, вагонов свист,
 у Царскосельского вокзала
 сидит печальный лицеист.
 Сюда посажен для дизайна
 при электрических свечах.
 Уходит из объятий тайна,
 когда объятья впопыхах...

Но это что-то в жизни значит,
 я видел — люди принесли
 ему сюда, как передачу,
 багряной Осени листы.
 Лежат листы на постаменте —
 нередактированный том.
 Они всего лишь ждут момента,
 чтоб снова зазвучать стихом.
 Нет, не напрасно Осень бродит,
 подметные соря листы...
 Никто их нам не переводит,
 но каждый смысл и суть находит
 от ощущения красоты.

Премьера спектакля состоялась 19 октября 1999 года в поселке
 Сиверский.

Лилия Муравьева

О временах года

Нет, что ни говори, природа — это чудо,
 Как сказочно она меняет облик свой,
 Вот на дворе весна, ручьи бегут повсюду,
 И радуется весна ажурной листвою.
 А летом благодать, природой восторгайся,
 Цветеньем пышных трав и яркостью цветов,
 Зимой в хрустальный лес на лыжах отправляйся,
 К сугробам на полянках, к пышности снегов.

А осень лишь взмахнет своей волшебной кистью,
Оденется природа в праздничный наряд,
Вдруг полыхнут огнем на старом клене листья
И золотом осенним рощи ослепят.

Осенний пейзаж

Люблю печаль осенних дней,
Задумчивость лесов,
Пунктир последних журавлей,
Летающих в глубь веков.
И ту березку, что одна
На берегу стоит,
Она, быть может, как и я,
О журавлях грустит.
Полей пронзительная грусть
И даль лугов пустых,
Я с журавлями расстаюсь,
Как прежде – до весны.

Николай Терентьев

Родине

Ни один поэт на свете
Не любил, как я.
Перечти посланья эти,
Родина моя.

За подобных мне, наверно,
Не дадут гроша.
Но любовь к тебе безмерна,
И не мне решать,

Сколько у тебя поэтов
И певцов таких,
Не доживших до рассвета
Средь времен глухих,

Что стучались лбами в двери,
Рвали в кровь сердца...
Как и я, а кто им верил
В жизни до конца?

Но, когда они «кончались»,
 Не было плохих.
 Почему-то им прощались
 В жизни все «грехи»...

Вера Толчина

* * *

Не встретится и мне не улыбнется,
 Не спросит: «Николавна, как дела?»
 Мой друг ушедший, и заметно рвется
 Та нить, что нам связующей была.

Но в роднике души храниться будет
 Воспоминаний теплых слиток золотой,
 Он вдруг сверкнет среди унылых буден,
 Пронзая сердце скорбною стрелой.

И в Троицу, и в дни поминовений
 В церковном храме свечи ставлю я,
 Прошу у Бога дать грехам прощенье,
 Чтоб упокой нашла душа твоя.

Александр Фаловский

На Оредеж-реке

Злобливы,
 мстительны, что осы,
 заточки вьедливых осок;
 березы вышли на откосы
 дробить песчаник на песок.

А сосны
 строем ополченцев
 глядят в сугробы облаков...
 И учащенно бьется сердце
 от песен близких родников.

Строганово

Здесь,
 на изломах малых рек,
 среди рябин – садовых пленниц,

я — свой:
надежный человек,
почти профессор и умелец.

Весь день в осаде комаря
ращу диковинки и розы,
пока вечерняя заря
не отвлечет от вязкой прозы.

И только в полночь
звездопад,
все трудолюбие приметив,
прицельно сбросит в палисад
охапки слов и междометий.

А утром ласточка
озон
крылом на ломти нарезает...
И птичий гомон-перезвон
мне строфы
вечностью пронзает.

Поклон

Я поклонюсь душистым травам
на перелесках и лугах...
В бригаде был я стогоправом —
вершины ладил на стогах.

Невмоготу бывало, жарко, —
стога росли под облака,
и сердобольная доярка
несла мне в качестве подарка
кувшин пузатый молока.

Был этот миг вершиной славы
на установленном стогу...
По запаху узнаю травы
и ошибиться не смогу.

Ферапонтово**1. МОНАСТЫРЬ**

Миражом из тумана выплывают шатры,
Купола, закомары белоснежно чисты.
Над озерной прохладой ветры гладят простор,
Под небесным приглядом диалог-разговор
Свой ведут тихо-тихо купола да кресты.
Обходило вас лихо за четыре версты.
Просветлен и опознан Дионисиев лик,
Словно роща березок Динисуса родник.
В бородаевских водах отразась наяву,
Монастырь Ферапонтов заглянул в синеву.

2. КРЕСТ ПАТРИАРХА

Хотел совсем уединиться,
Так, чтоб никто не помешал
Над озером в тиши молиться.
Чтоб покаяния накал
Стремился без препятствий к Богу.
Он не жалел больных колен,
Чтоб камня твердость грызла ноги.
Лишь совесть пусть ослабит плен...

Один тогда сложил он остров
Из гладких белых валунов.
На небе крест¹ его опознан,
Хоть властолюбец был суров.
Давно ль карал? Давно ль стремился
Он вровень с государем встать?
Российской кровушки напился,
Как из крестьян пробился в знать!

Пусть Никона пример послужит
Всем власти жаждущим на век:
Добро творить чужою кровью
Не может правый человек.

¹ Опальный Никон сложил для молитв на Бородаевском озере остров из валунов в виде креста.

* * *

Царственная осень в Царскосельском парке
Разметала золото, нарядилась ярко.
Тихо, зябко, пусто на глухих дорожках,
Провожает грустно Геркулес прохожих.

Свысока взирает он на пруд, пригорки,
А над ним чертоги Камерона гордо
Небеса пронзили — не сыскать прекрасней, —
Чудится, Эллады свет нисходит ясный.

Вот в такую пору в октябре когда-то
В первый раз в лицее собрались ребята.
Стайка несмышленных, только в них надежда
Всей России новой. Уж не быть ей прежней!
Царственная осень в Царскосельском парке
Отроков сроднила под лицейской аркой.

Речка Оредеж

В краю таежном потаенно
Не широка, не глубока
Несется вдаль неутомно
Шальной судьбы моей река.

Когда ворчат, когда воркуют,
Перемывая, валуны,
Ее живительные струи,
Ее седые скакуны.

Как северянка, синеока,
Глядишь из хвойных берегов.
Как озорница, краснощека,
В уборе серебристых мхов.

Ах! Речка Оредеж! Девчонкой
В верховьях наших ты бежишь
И тонким станом, речью звонкой
Сердца людские бережишь.

Валерий Штормовой

Кортик

Капитану I ранга Виктору Васильевичу Иванову посвящается

Оружие морского офицера —
Эфес и ножны, острое клинка.
Но это — знамя, это — символ веры,
Отваги, славы, чести моряка.

История ведь помнит. Не однажды,
Когда в бою сходились клипера,
То офицеры в схватке абордажной
Лишь с кортиком бросались на врага.

В последний час, пройдя и шторм, и пламя,
Пред тем как в вечность тихо отойти,
Моряк свой кортик, как святую память,
Всегда к губам стремился поднести.

В ряды вступая офицеров флота,
Курсант, прижавший кортик свой к губам,
Служить Отчизне честно, без упрека
Приносит клятву верности всем нам.

Как флаг венчает корабельный клотик
И не падет перед лицом врага,
Так офицер несет по жизни кортик —
Священный символ чести моряка.

Художники на берегах Оредежа

Вера Толчина

Свет, исходящий от картин...

Творенье может пережить творца:
Творец уйдет, природой побежденный,
Однако образ, им запечатленный,
Веками будет согревать сердца...

В середине февраля 2003 года художнику Евдокимову Станиславу исполнился 61 год. Он был полон творческих планов, готовил материалы для очередного издания альманаха «Оредеж» (первый номер он получил в день рождения, 17 февраля, был очень доволен). Но судьба распорядилась иначе – 13 марта его не стало.

В наших краях Евдокимов появился в конце 80-х годов уже зрелым мастером, участником многих выставок в Подмоскowie.

С. Евдокимов на открытии персональной выставки
в Сиверской поселковой библиотеке

Он закончил Московскую художественную школу при институте им. В. Сурикова, затем продолжил свое художественное образование в Краснодарском пединституте на художественно-графическом отделении. Станислав увлекался не только рисованием, но и фотографией. В 1971 году Евдокимов стал лауреатом международного фотоконкурса в Будапеште.

Последние годы художник жил в поселке Никольском Гатчинского района. Прекрасные природные ландшафты отразились во многих картинах мастера. Он неоднократно выставлялся в залах Ленинграда, Гатчины, Сиверской. Перед зрителями представляли разноплановые картины художника-экспериментатора, художника-философа. В процессе творческого становления он прошел путь от живописи наблюдения к живописи размышления, в своих полотнах Станислав стремился отобразить сущность мироздания, синтез идей и ощущений. Он сумел показать зыбкость, неустойчивость жизни. Это особенно ощущается в цикле картин «Изломы», где повторяется неизменный сюжет: изломанные бурей деревья, коряги – символы трагического мироощущения автора.

Неоднократно художник обращался к теме материнства и детства. Среди картин этой тематики зрители отмечали необыкновенно – пронзительную картину «Материнство. Пробуждение». Руки матери, простертые над беззаботно играющим золотой нитью ребенком, и сам ребенок, как плод в завязи, зависший между двумя Безднами, создают потрясающее впечатление хрупкости, незащищенности прекрасного.

Одной из монументальных картин в творчестве С. Евдокимова является полотно «Храм Спаса на Крови».

Среди не снятых еще строительных лесов глазам изображенных на переднем плане людей представляет распятый Христос, являющий собой свет и надежду.

К образу Христа художник вернулся в последний период своего творчества, знаменующий духовное преображение мастера. Его «Евангелический цикл» создавался, несомненно, с просветленной душой, иначе откуда эта гармоническая утонченность каждого рисунка, выполненного в графической технике цветного карандаша. В образе Христа явно проглядывают портретные черты самого художника. Самое яркое ощущение от картин этого цикла (а их 37) – это свет и чистота. Художник все внимание сосредоточил на лицах, чувствах и смысле происходящего. Этот цикл – как бы исповедь художника перед ликом Творца.

Среди многочисленных работ Евдокимова, отличающихся философской осмысленностью, следует назвать его «дзенские работы». Это – дань увлечения автора древней восточной философией. Восторженное отношение к природе, присущее художнику, соответствовало эстетике «дзен». В его натюрмортах, пейзажах этого периода очень тонко воспроизведены переходные состояния природы. Полет импровизации мастера кисти эффектно и непредсказуемо порой соединяет в полотнах, казалось бы, несоединимое.

Сохранились в запасниках автора много слайдов с этих экзотических шедевров, разошедшихся по выставочным галереям и друзьям. Предчувствуя свой уход, он заранее распорядился, кому из его друзей взять оставшиеся от распродаж картины, эскизы, слайды.

Статью о нашем земляке, художнике Евдокимове, закончу словами французского поэта Ш. Бодлера, которого Станислав очень ценил: «Смерть дает утешение и новую жизнь».

Свет, исходящий от картин Станислава Евдокимова, будет долго светить людям!

Ирина Брусиловская

Вернисаж

С Константином Семеновичем Бернюковым мы расцеловались и попрощались ярким солнечным вечером 20 апреля 1998 года. Сухонький, подтянутый, седой человек остался на привокзальной площади среди нескольких молодых друзей с букетами цветов, подаренными ему в знак великого уважения, признательности и любви. Наш учитель постарел, и только глаза – глаза мудрого человека и художника, который видит больше и глубже, чем простые смертные – остались прежними.

Мы возвращались с вернисажа в Сиверской школе искусств. В этом тогда красном кирпичном здании, казавшемся очень большим и значительным в деревянном поселке, мы учились, дружили, росли, любили наших талантливых и творческих учителей. И теперь, по прошествии сорока с лишним лет с тех пор, как мы покинули школу, мы глубоко благодарны ей за самый главный в жизни урок – быть всегда человеком и стараться не закапывать в землю свой талант, а отдавать его людям.

Нам трудно воспринимать друг друга шестидесятилетними. Каждый из нас в жизни состоялся: Женя Большаков и Гена Васильев – замечательные художники, Андрюша Колобовников – инженер, к тому же страстный краевед, а я – инженер, преподаватель в лицее.

...Выставка в Школе искусств долгожданна и хороша. Она собрала работы самого К. С. Бернюкова – это его творческий отчет, а также работы его учеников, таковых за пятьдесят два года работы с сиверскими одаренными девчонками и мальчишками набралось немало.

Акварели Константина Семеновича, занявшие две стены выставочного зала, полны спокойствия и мудрости, блестящего владения

К. С. Бернюков на выставке в Сиверской школе искусств.

Слева направо: А. Н. Колобовников, Г. Г. Хохлова, К. С. Бернюков

техникой. Проникновенные, тонкие по ощущению природы, пронизанные светлым чувством, созданные в разное время, они сохранили оптимизм и бодрое настроение. Среди них – портрет самого мастера, выполненный одним из учеников в те годы, когда голова художника еще не была посеребрена прожитыми годами.

Константин Семенович предан Сиверской, где прошли его лучшие годы, ее чарующей природе. Так же свято он предан своим «доним передвижникам», в которых воспитал трепетное отношение к родному краю, и они продолжают в своем творчестве следовать его принципам. Среди работ учеников особенно радуют творения А. Матиюка – теперь директора Гатчинской художественной школы, К. Семеновой, А. Алтаира, А. Лукас и многих, многих других.

Но главное место, несомненно, заняли талантливые работы Е. Большакова и Г. Васильева. Работы Большакова очаровывают филигранной техникой, изяществом и изысканностью. Все они выполнены в сложной технике офорта, гравюры или рисунка пером – технике, наиболее близкой ему с детства. Константин Семенович всегда продвигал его в этом направлении, а с годами пришло настоящее мастерство. Его серебристый «Чертополох» мог бы стать украшением любой выставки. Мы, его однокашники, гордимся, что наш Женя Большаков долгие го-

К. С. Берников и Гена Скублов на этюдах. 1954 г.

ды был главным художником издательства «Аврора».

Необыкновенно выразительны и звучны работы Васильева – автопортрет и рисунки предметов из раскопок в Самарканде. Это работы высокого профессионала для музея. Его рисунки, в которых великолепно переданы цвет, форма, размер, фактура,

станут материалом для будущего изучения, в них чувствуется талант художника большой квалификации, пропустившего материал через свое восприятие.

Выставочный зал заполнился до отказа. Пришли юные ученики Школы искусств (выставка их работ разместилась на первом этаже). Пришли многие жители поселка, библиотекари, учителя, агрономы, приехали выпускники школы.

Собравшиеся завороченно слушали творческий отчет Константина Семеновича – замечательного художника, педагога и гражданина,

рассказы всех, кто не жалел теплых слов в адрес этого замечательного человека.

Оказывается, он в роли депутата Поселкового совета много сил положил на то, чтобы не исчезли с карты Сиверской зеленые пятна – те островки леса, что придают ей такое очарование и делают целительным ее воздух. Оказывается, он автор нескольких памятников в поселке и его окрестностях. Его ученики участвовали в выставках не только в России, но и в Японии, Голландии, США и других странах и привозили почетные отзывы и награды.

Мы возвращались домой, обогащенные увиденным и услышанным. Заканчивался длинный весенний день, полный теплых и ярких впечатлений. И пришло понимание того, что поселок, питавший на протяжении столетий творчество замечательных художников, писателей, композиторов, которому и в наше время по плечу такое значительное событие культурной жизни, такой поселок может смотреть в будущее с оптимизмом.

PS. 17 сентября 2001 года было красиво и торжественно отмечено 90-летие К. С. Бернюкова.

23 марта 2002 года его не стало, но он продолжает жить в своих работах и в своих учениках.

Кружок рисования.

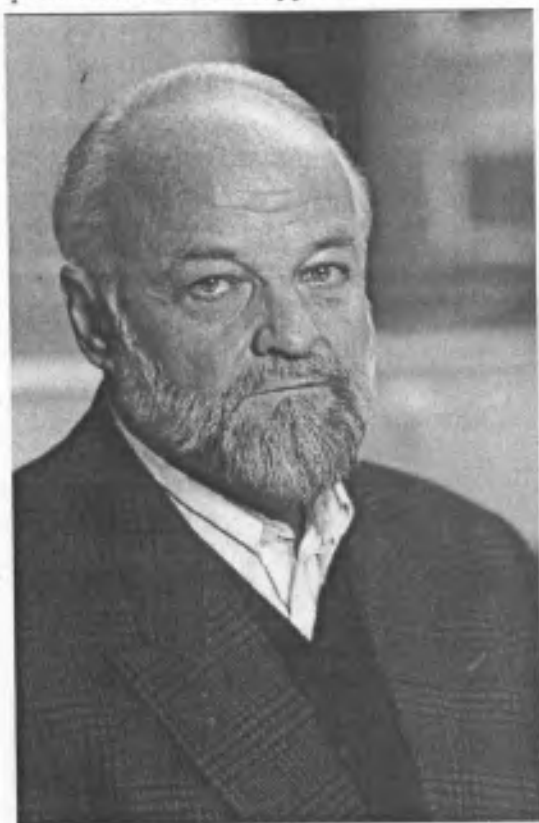
Слева направо: Гена Скублов, Лариса Соколова, Лена Лебедева, Света Евсеева, Гена Васильев, Костя Пономарев, К. С. Бернюков. 1954 г.

Евгений Большаков

Наша Сиверская

В Сиверскую мы приехали в декабре 1949 года. До этого три года прожили на острове Итуруп Курильской гряды. Отец командовал батальоном аэродромного обслуживания. Если есть на земле место, самое не подходящее для авиации, то это Курилы: постоянные ветры, дожди, туманы, зимой многометровые снежные заносы. Солнце появля-

ется на минуту как подарок и тут же прячется. Моряки отмечают этот факт в вахтенных журналах.

Е. Б. Большаков

Большая часть военного городка стояла в руинах — стены с висющими над бездной лестничными пролетами. Как-то устроились, началась новая жизнь.

Начало декабря. Первый снежок, чуть укрывший землю. Река замерзла, лед тонкий и совершенно прозрачный, видно траву, рыб. Ветром сдувает снег со льда, и река блестит, как серебряная. Вокруг почти черные громадные ели. Для меня все это было необычно, удивительно. Там, откуда я приехал, росли деревья, скрюченные ветрами и непогодой, а тут — до неба. На первых порах в уши давила тишина, не хватало ветра, к которому мы привыкли.

А когда в полной тишине повалил густой снег, укрыл землю, лег на деревья шапками, я понял, что попал в сказку.

Пошел в железнодорожную школу-семилетку в 5-й класс. Старое двухэтажное деревянное здание, чудом уцелевшее в войну, на обрыве над Оредежем. Физкультурой занимались на площадке неподалеку, на месте сгоревшей в войну дачи художника И. Крамского. Пропустил целую четверть, но наверстал быстро. Соскучился по школьной жизни, пока добирался с Дальнего Востока. С ребятами сошелся легко.

И вот отца переводят на Большую землю. Долго ждем парохода на китобойной базе (это место, где разделявают туши китов). За две недели привыкаем к ужасающему запаху гниющего китового жира и мяса. Наконец грузимся на последний в навигацию корабль — суденышко, перевозящее этот самый китовый жир. Выйдя в море, попадаем в жестокий осенний шторм, нас выносит в открытый океан, и десять суток нас носит ревущая пучина. Всю жизнь потом маме при одном слове «пароход» становилось плохо.

Во Владивосток пришли на пятнадцатые сутки измотанные люди-тени. Потом одиннадцать суток в поезде до Москвы, и вот мы в Ленинграде. Отцу дают назначение в авиационный полк в Сиверскую.

Жили все очень скромно. Никаких школьных завтраков, приносили кто что мог, и все делилось по-братски.

Школа была для нас и клубом, и домом пионеров. Ребята активно занимались в кружках. После уроков не хотелось уходить: что-то выпиливали, выжигали, мастерили модели и всяческие самоделки, собирали детекторные приемники, ставили спектакли («Ревизора», например) и, конечно, рисовали. Тогда я впервые взял в руки кисточку и масляные краски. Рисовал с тех пор, как себя помню, а тут масляные краски! Сколотил подрамник,

натянул кусочек старой простыни, загрунтовал зубным порошком с клеем и написал пейзаж: река, домик на берегу, лодка и много неба. Все очень наивно, неумело, но с чувством. Может показаться, что я идеализирую то время, но действительно жили мы дружно. Все, хотя и по-разному, хлебнули военного лихолетья.

Сиверская, 1960 г.

Детская дружба продолжается до сих пор. Мы можем подолгу

не видеться, но, встретившись, чувствуем друг друга так, как будто и не расставались. Мой товарищ тех лет Саша Овсевич и сейчас остается для меня одним из самых близких людей. С другим моим другом, Геней Васильевым, свел меня кружок рисования, да так, что наша жизнь сплелась неразрывно:

Деревня Кисели, Псковская область. 1988 г.

вместе учились профессии художника и работали вместе.

В 8-й класс нас перевели в Сиверскую школу № 1. Большое (как тогда казалось) здание, светлые классы, кабинеты физики, химии, есте-

ствознания. Все непривычно, ново и интересно. Завораживал кабинет физики: приборы, какие-то аппараты. И учительница – Марта Карловна, красивая, спокойная, добрая, строгая без суровости, не знать ее предмета было стыдно. Я записался к ней в кружок. Мастерили приборы для кабинета, сделали большой макет электрификации Сиверской, тянули освещение в школьную теплицу и т. д.

На уроке черчения познакомились с новым учителем и все сразу

попали под его обаяние. Так преподносить суховатый и почти абстрактный предмет, что все без исключения стали увлеченно его осваивать, дано не всякому педагогу. Звали учителя Константин Семенович Бернюков. Все, кто кончал нашу школу, в черчении и начертательной геометрии чувствовали себя как рыба в воде.

Кабинета черчения в школе не было, но была

Испания. Местечко под Малагой. 1998 г.

комната, где стоял длинный стол, на стенах висели рисунки и акварели самого Константина Семеновича, учащихся и большие листы академических заданий бывшего ученика, а тогда уже архитектора Паши Беляева. Здесь работали кружок рисования, редакция стенгазеты и велись удивительные разговоры об искусстве, литературе, поэзии. Я принес свои рисунки, первые опыты работы маслом. Константин Семенович внимательно все посмотрел, похвалил рисунки, одобрил мои попытки писать и велел прийти завтра после уроков заниматься в кружке. Какое-то время я разрывался между «физикой и лирикой», но когда получил задание писать картину для школы, пришлось с сожалением оставить физический кружок. Марта Карловна продолжала меня считать своим помощником, и я старался быть ей полезным: чертил схемы, диаграммы, рисовал портреты знаменитых ученых и т. д.

Кружок рисования работал каждый день, мы приходили при малейшей возможности. Для каждого Константин Семенович разрабатывал особую программу. Мне было поручено написать большую картину для школы. Видя мою, мягко говоря, растерянность перед такой сложной работой, Константин Семенович провел со мной много часов: обсуждал все детали, анализировал работы старых мастеров, советовал, как и что делать. Выбрал я тему «На пришкольном участке». У нас были большой сад, огород, теплица. Школа получала дипломы на областных выставках юннатов за выращенные сортовые тыквы, арбузы, кукурузу, картофель. Работали все и не только у себя в школе, активно

помогали близлежащим колхозам. Делали торфоперегнойные горшочки (десятками тысяч штук), пропалывали, убирали урожай (иногда из-под снега), рубили кусты вдоль железной дороги для коровушек в зимнюю бескормницу. Так что тема мне была близка.

Писал целый год. Ребята позировали с удовольствием. Сделал массу этюдов, натюрмортов. Потом мое «творение» висело много лет в школе. Похвала учителя, одобрение одноклассников.

Во время занятий Константин Семенович охотно с нами общался, рассказывал, показывал. Мы работали, а он читал свои любимые книги, стихи. Как-то он принес мне почитать прижизненный томик стихов Есенина, много о нем говорил, с тех пор это один из моих любимых поэтов.

Кружок работал очень напряженно. Ребята рисовали и дома, и на природе, благо Сиверская, воспетая И. Крамским, И. Шишкиным и многими другими художниками, сама просится на бумагу и холст. Ра-

Финляндия. Город Порво. 2001 г.

Редколлегия стенгазеты «За ученье».

Слева направо: Гена Никифоров, Нина Филимонова, Инга Андреева, Гена Скублов, Валя Шмелева, Ира Брусиловская, Юра Федоров. 1954 г.

боты завоевывали призы и дипломы на Ленинградских, Всесоюзных выставках детского рисунка, экспонировались за рубежом. Об этом написано в книге А. Цветова «Сиверская средняя школа», об этом писали «Ленинские искры» и «Гатчинская правда».

В 1953 году школа победила во Всесоюзном соревновании школ

и завоевала право быть представленной в павильоне «Школа» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Всю весну и начало лета кружковцы под руководством учителя писали пейзажи родной Сивер-

ской. Нас даже освободили от некоторых весенних экзаменов. Потом наши работы вошли в экспозицию в Москве, получили хорошие отзывы, а школа была отмечена наградами ВСХВ и министерства.

Серьезным и ответственным делом в нашей школе считалась работа в редколлегии газеты «За ученье». Интересную и веселую стенгазету ждали с нетерпением, но не дай бог было попасть ей «на зубок». Вдохновенно работали редактор Ира Брусиловская, Гена Скублов, Гена Васильев и др. О нашей редколлегии, о газете вышла книга «Юный редактор стенной газеты». Автор книги, заведующий отделом литературы и искусства «Ленинских искр» Алексей Иванович Цветов, тогда же написал о нас пьесу «Создание номера», которую мы представили в День печати в Доме писателей. Каждый из нас играл сам себя. Зрители – ленинградские писатели (помню Ольгу Берггольц, Александра Прокофьева, Михаила Дудина). И тут душой и организатором нашей работы был Константин Семенович.

Так случилось, что после окончания школы в 1955 году я поехал в Москву поступать в Полиграфический институт, но по семейным обстоятельствам вынужден был вернуться. Конец июля, приемные комиссии закончили свою работу, я терял год. Константин Семенович взял меня за руку и повез из Сиверской в Ленинград. В Художественном училище на Таврической улице он, показав мои рисунки, буквально настоял на том, чтобы для меня сделали исключение и допустили к вступительным экзаменам. Мне осталось только честно работать и окончить училище с отличием.

С детских лет Константи́н Семенович был для меня не только учителем, наставником, но и другом, советчиком. С радостью я дарил ему сделанные мною книги, мне было важно услышать его оценку.

Нам, ребятам, выросшим на берегах Оредежа, очень повезло в жизни. И где бы мы ни были, нас тянет сюда, домой. И мы ежегодно собираемся на вечер встречи в нашу школу.

Воспоминания иллюстрированы рисунками автора.

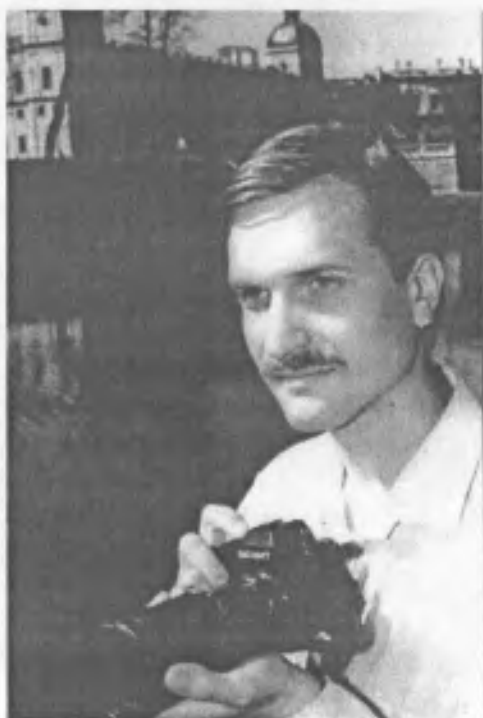
Наши современники

Андрей Васильев

С фотокамерой по жизни

Илье Савицкому 29 лет. Он родился и живет в Сиверской. Берега Оредежа, поля и леса, окружающие поселок, – вот первые впечатления любознательного пытливого мальчишки, в 10 лет взявшего в руки фотоаппарат.

Детское увлечение со временем стало настоящей страстью. Фотокамера для него – то же, что кисть и полотно для художника. И вуз после школы Илья Савицкий выбрал соответствующий – Институт киноинженеров. Там же окончил аспирантуру. Стал ученым специалистом по киноаппаратуре. Но по-прежнему главным в его жизни остается фотоискусство. Он давно не фотолюбитель, а фотохудожник, профессионал высокого класса, мастер пейзажа, умеющий увидеть и донести то, чего не замечаем мы...

Илья Савицкий

Савицкий участвовал в выставке, посвященной 500-летию сиверских земель в 1999 году. Его работы украсили буклеты «75 лет Ленинградской области». Средствами художественной цветной фотографии он рассказал о пушкинских местах в Гатчинском районе, о людях района, которые обслуживают и сохраняют литературное прошлое. Но главным жанром Савицкого остается пейзаж, воссоздающий красоту родной природы. Зрители его фотовыставок с изумлением смотрят на, казалось бы, хорошо знакомые им места по-новому, так, как их увидел и запечатлел художник.

Савицкий много ездит по родной стране. Бывал на Соловках и на Алтае. И даже в воздухе в стремительном полете к земле, до того как раскрыть свой парашют, в считанные секунды смертельной опасности он снимает!..

В этом номере мы помещаем новые фотоработы Мастера, большого патриота гатчинской земли, своей малой родины.

Зачарованный голос влечет...

Владимир Вьюров

В истории Сиверской встречаются имена многих прославленных музыкантов, композиторов, певцов. И в наше время эта история пополняется новыми, не менее интересными страницами.

Здесь родился, вырос, сюда приезжает с сольными программами солист санкт-петербургских оперных театров Владимир Вьюров. Семья будущего певца поселилась в Сиверской сразу же после войны. Состояла она из педагогов, ими были бабушка, дедушка и мама, Тамара Александровна.

С раннего детства Владимир любил петь, окончил Сиверскую музыкальную школу по классу рояля. Другим его увлечением был спорт. Начиная с 7-го класса он серьезно занимался греблей на байдарках. Благо в то время в Сиверской была замечательная база республиканского

масштаба, тренеры, воспитавшие не одно поколение гребцов. Владимир любил ездить на сборы, соревнования, но всегда хорошо учился.

Когда после окончания десятилетки встал вопрос о выборе профессии, то увлечение музыкой пересилила тяга к дальним странам, морям и океанам. Он поступил в Высшее морское училище торгового флота им. адмирала С. О. Макарова и окончил его по специальности инженер-механик. Возможно, мы так и не узнали бы певца Владимира Вьюрова, если бы не вмешался «его величество случай». Он проплавал на флоте около двух лет, когда однажды заболел и был высажен на берег в районе Красного моря и отправлен самолетом в Ленинград. Для него все обошлось благополучно. А вот корабль, на котором Владимир плыл, вскоре затонул, погиб и заменивший его инженер-механик. Решив, что это знак судьбы, Владимир круто изменил свою жизнь.

Еще будучи курсантом, он любопытства ради сходил на прослушивание в Ленинградскую консерваторию и очень понравился заслуженному артисту республики Ивану Павловичу Алексееву, который 30 лет пел ведущие партии в Кировском (Мариинском) театре. Профессор начал заниматься с юношей в курсантское время, занимался и потом между рейсами. Владимир Вьюров становится студентом консерватории, а со второго курса – солистом Оперной студии консерватории.

Для нас, его земляков, интересна еще одна страничка его биографии. Перед его поступлением в консерваторию он успел своими руками, привлекая подростков, оборудовать зал для подросткового спортивного клуба «Апельсин», став его первым директором. В этом клубе Владимир работал, учась в консерватории.

Не просто складывалась карьера вокалиста. Он никогда не имел протекций, меценатов, ставших непременным атрибутом современности. Всего приходилось добиваться своим талантом и трудолюбием. Владимир учился на последнем курсе консерватории, когда И. П. Алексеев ушел из жизни. Молодой певец предпочел остаться верным его школе, а потому после получения диплома в 1991 году продолжал еще несколько лет петь ведущие партии в Оперной студии. Он солировал там 7 лет, исполнив партии Фигаро в опере «Свадьба Фигаро», Валентина в опере Ш. Гуно «Фауст», Жермона в опере Дж. Верди «Травиата» и др.

В 1995 году в Санкт-Петербурге открылся новый музыкальный детский театр «Зазеркалье», и Владимира пригласили туда солистом. Коллектив был очень молодой, половину труппы составляли музыкально одаренные драматические актеры. Событием в театральной жизни Петербурга стала постановка (после 70-летнего забвения) на сцене театра «Зазеркалье» оперы Ж. Оффенбаха «Сказки Гофмана». В этом спектакле Владимир Вьюров имел возможность проявить свой яркий талант драматического артиста, исполнив сразу четыре роли и находясь практически весь спектакль на сцене. На просмотр приезжали

В. Вьюров в роли Томского в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама»

ведущие певцы и музыканты Мариинского театра и Малого театра оперы и балета им. М. П. Мусоргского.

Вот уже четвертый сезон Владимир – ведущий солист в новом камерном театре «Санкт-Петербург Опера», что открылся после реставрации в особняке на Галерной улице, 33 (в советское время там находился клуб Адмиралтейского завода «Маяк»). Художественный руководитель театра – заслуженный деятель искусств Юрий Александров. Попав в этот театр, артист получил возможность значительно расширить свой репертуар. За время работы в «Санкт-Петербург Опера» Вьюрову удалось спеть партии Бориса Годунова в опере М. Мусоргского «Борис Годунов», Риголетто в одноименной опере Дж. Верди, Томского в опере П. Чайковского «Пиковая дама», Джанни Скикки в одноименной опере-гротеске Дж. Пуччини и др. Можно с уверенностью сказать, что Владимир Вьюров состоялся и как оперный певец, и как драматический актер, ему удалось занять заметное место среди ведущих солистов-баритонов Санкт-Петербурга. В 1996 году Вьюров окончил мастер-класс у профессора Курта Моля (Кельн, Германия).

Природа щедро наградила артиста на редкость сильным, выразительным голосом, блестящей внешностью. У Вьюрова много поклонников, а спектакли с его участием неизменно собирают полные зрительные залы. У певца есть несколько сольных концертных программ, с которыми он регулярно выступает в музыкальных гостиных города – во дворцах Белосельских-Белозерских, Юсуповском, Шереметевском, музее-квартире актеров Самойловых, в лучших залах Санкт-Петербурга (Филармония им. Д. Д. Шостаковича, Малый зал им. М. И. Глинки, Академическая капелла, Большой Смольный собор) и других городов России (Воронежская филармония, Псковская филармония и др.). В качестве приглашенного артиста он пел в Большом театре России, оперных театрах Воронежа, Саратова, Сыктывкара, где также исполнял баритональный репертуар первого плана. Певец участвует в российских и международных фестивалях (оперных и камерных): «Санкт-Петербургская музыкальная весна», «От авангарда до наших дней», «Вагнер и XX век», «Костомукша», «Собиновский фестиваль» и др., является дипломантом Национальной театральной премии «Золотая маска».

Вышло два диска Владимира Вьюрова. На первом он исполняет арии из опер русских композиторов М. Мусоргского, А. Бородина, П. Чайковского, С. Рахманинова в сопровождении Санкт-Петербургского государственного симфонического оркестра «Классика» (дирижер А. Канторов). На втором диске можно услышать романсы русских композиторов под аккомпанемент пианиста Виктора Высоцкого. Прослушав эти диски, И. И. Шварц дал высокую оценку искусству певца, отметив значительно возросшее мастерство вокалиста.

Мы желаем артисту новых творческих удач, интересных партий, и более частых встреч с нами, его земляками на гатчинской земле.

Светлана Колобовникова

Анна Яковлевна

По классификации Всемирной организации здравоохранения при ООН, люди достигшие 90 лет, относятся к долгожителям.

Сколько лет может прожить человек? Отчего одни люди живут дольше других? Существуют ли секреты долгожительства? Как отодвинуть биологический предел жизни? Каждого человека, вне зависимости от того, признается он в этом открыто или держит свои мысли в тайне, волнуют такие вопросы. Каждому хочется подольше пожить и при этом сохранить те качества, которые присущи молодости: здоровье, бодрость духа, работоспособность, ясный ум. Все живое на Земле не бессмертно. И, может быть, именно поэтому тема долгожительства всегда волновала умы людей.

В последние годы продолжительность жизни в нашей стране снизилась, и тем более интересны и важны для нас примеры долгожительства наших земляков. Ведь мы ходим с ними по одной земле, дышим одним воздухом, пьем одинаковую воду... Кто эти люди? Как они живут? Чем питаются? Есть ли у них дети? Эти люди – пример для всех, о них нужно знать, а их образ жизни – постоянно пропагандировать.

18 июня 2003 года Анне Яковлевне Малышевой исполнилось 90 лет. Жизнь ее связана с Сиверской с 1932 года. У нее сыновья, внуки, правнуки.

Ни словесный портрет, ни фотографии не могут передать неповторимый облик этой женщины. А то, что Анну Яковлевну в ее 90 лет называли именно женщиной, а не старушкой, это подтвердит каждый, кто ее видел и с ней говорил. Ясные, лучистые глаза, выющиеся – «серебро с чернью» волосы, загорелое лицо, крепкие руки, твердая и вместе с тем легкая походка, прекрасная, богатая оттенками, логичная речь, хорошая память на события и имена, как из прошлого, так и из настоящего.

Анна Яковлевна Малышева
в доме, где жила до 90 лет
Фото А. Голдобина

Жизнь Анны Яковлевны никогда не была легкой. Родилась она на хуторе Валовня Чашниковского района Витебской области в крестьянской семье, где кроме нее было еще пять братьев. Сколько себя помнит, всегда помогала по хозяйству, а с 10 лет уже ходила на ток молотить рожь. В семье все были большими тружениками, как сейчас говорят – трудоголиками. В 1932 году Аня уехала в Ленинград, выучилась на швею. В 1933-м вышла замуж. Родился сын. Быть бы им горожанами, да тяга к земле, видно, крепко жила в них. В 1936 году переехали в Сиверскую. Пусто здесь тогда было. Пришли в Поселковый совет просить землю, им сказали: выбирайте, отмеряйте 40 метров вдоль улицы и 110 метров вглубь! Выбрали, отмерили, стали жить, строится. В том же 1936 году родился второй сын. Только-только стала налаживаться жизнь, грянула война. Муж в первые же дни ушел на фронт и в 44-м погиб. Осталась вдова фронтовика с двумя сыновьями на руках. Но не дрогнула. Работала, старалась, не унывала. И не верила похоронке... Пошла к гадалке, вдруг муж жив. Пусть погадает. Но то, что сказала гадалка, было невероятно. «Ты хорошая, добрая женщина. Муж твой вправду погиб. Ты – двубрачная. Познакомишься с ним через женщину. Он еще воюет. Он офицер. Ни за кого не выходи замуж, жди его. У вас будет сын».

Сколько невест у нас было после войны! И каких невест! Выбери, фронтовик! Александр Иванович Малышев, боевой офицер, инвалид войны, выбрал Аннушку – вдову с двумя сыновьями. С третьей встречи предложил выйти за него замуж. Аня растерялась: «Как же ты женишься на мне, ведь у меня двое детей и я почти на десять лет тебя старше?»

«Ну а что дети? Они вырастут и пойдут своей дорогой, а мы пойдем своей. А что до возраста, так война год за три засчитывает», – убеждал он ее. Так и убедил, а в 1949 году родился у них сын.

Прожили Александр Иванович и Анна Яковлевна вместе 47 дружных лет. Вырастили троих сыновей, всем дали высшее образование. И выстоять в нелегкой борьбе за жизнь помогла им земля-кормилица. Помогла она им пережить и «интенсификацию», и «ускорение», и «перестройку». А на рубеже веков вернулся на землю младший сын с женой.

Пережила Анна Яковлевна и мужа, и среднего сына. Но жизнь продолжалась. Хотелось помочь и внукам стать на ноги, и правнучку приласкать. Анна Яковлевна с такой теплотой говорила о молодежи: «Душой их всех жалею. Хочу, чтобы все они жили хорошо».

Анна Яковлевна умерла совсем недавно. Наша долгожительница сохранится в памяти всех ее знавших трудолюбивым, добрым и отзывчивым человеком.

Андрей Голдобин

Мой первый храм

С юных лет я люблю посещать наши русские православные церкви, монастыри, храмы. Вернее, то, что от них осталось после полувекowego активно насаждавшегося безбожия. С трепетом осматривал я великие памятники культовой архитектуры Киева, Новгорода Великого, Старой Ладого, Пскова, Суздаля, Соловков, Вологды... Забирался с той же любознательной целью и в дремучую глушь Русского Севера – Каргополь, Сорльвычегодск, в деревню Веркола – родину писателя Федора Абрамова, что на левом берегу таежной реки Пинеги. А на правом ее берегу, укрытом тайгой, поднимаются полуразрушенные стены и купола уединенного Веркольского мужского первоклассного монастыря. Оглядывая каменные руины давнего и ближнего нашего духовного прошлого, проникался я благодарным восхищением к тем, кто их сотворил, и глубокой горечью – к своим современникам, осквернившим наше общее достояние разрушением и забвением...

Мой первый храм, запомнившийся мне с шести лет, стоит и служит в Сиверской на правом крутом берегу Оредежа. Простой, деревянный, с одной маковкой и приспособленной в церковном дворе малой колокольной. Сюда привела меня бабушка Саша летом 1942 года с лесного хутора лесников-эстонцев Розиных, у которых мы, ленинградцы, «загостили» на даче в 41-м и там неожиданно-негаданно оказались в оккупации. Без средств к существованию. И если бы не святая доброта наших хозяев, евангелистов-пятидесятников, делившихся с нами своей крестьянской едой, нам не выжить... (пока «не заработало» на следующее лето наше собственное сельское хозяйство – огород, куры, коза).

Бабушка была религиозной, учила меня молитвам и правильному поведению. В церкви на Красной улице всегда было много людей. Шла война, и люди просили Бога, чтобы не погибли их близкие. Иногда в церковь заходили оккупанты. Они вели себя скромно. Снимали головные уборы. Внимательно рассматривали иконы, слушали хор, но не крестились. Скоро уходили. Верующие их не боялись, однако сторонились. Два с поло-

Церковь Петра и Павла в Сиверской.
Арх. М. С. Самсонов. Фото А. Голдобина

виной года Сиверская была оккупирована, и все это время церковь на Красной работала и по-своему, как могла, облегчала жизнь населения.

А потом, когда пришли наши и восстановились старые «атеистические» порядки, учительница внушала: школьник, а тем более пионер, не может верить в Бога потому, что его нет, а церковь пока сохраняют для отсталых и невежественных старушек.

Мы с бабушкой и мамой, как «отсталые и невежественные» иногда ходили в церковь помолиться. Особенно я запомнил ночную пасхальную службу, освящение душистых куличей и крашеных яиц, крестный ход вокруг церкви, радостное настроение прихожан. На короткое время после троекратного возгласа «Христос Воскресе!» все люди в церкви становились родными, близкими. Так мне казалось. Потому что незнакомые целовались по три раза и поздравляли друг друга. И еще бабушка мне сказала, что, поскольку я «невинный агнец», Бог скорее услышит меня и исполнит мою просьбу, если я обращусь к нему в тот момент, когда священник в первый раз воскликнет «Христос Воскресе!»

У меня было о чем просить Бога. Это была серьезная просьба, нешкольная, очень важная. Я просил Бога, чтобы скорее выпустили из тюрьмы моего отца. Мой отец был крупный инженер, большой специалист, ученый. Он восстанавливал железную дорогу на участке от Гатчины до Луги, ведал водоснабжением (тогда тяга на железной дороге была только паровозная). Его посадили за так называемую «политику». И хотя нашего отца взяли не из нашей семьи (из другой), моя мама, христианка, венчанная с ним в 28-м году, очень его жалела и посылала своему бывшему мужу продовольственные посылки и ободряющие письма. Я же в Сиверской церкви обращался насчет отца напрямую к Господу Богу: пусть отпустят моего папу из-за колючей проволоки в Игарке на сибирской реке Енисей. Даже точный адрес указывал Богу.

Отец мой вернулся из ГУЛАГа раньше назначенного срока – сразу после смерти «отца всех народов» (реабилитация пришла позже). И навестил нас в Сиверской весной вскоре после Пасхи. Значит, Бог все-таки услышал меня, но несколько повременил со своей милостью. Я к тому времени был уже не «невинный агнец», а рабочий-подросток, учащийся 9-го класса школы рабочей молодежи.

В церкви на Красной отпевали мою любимую бабушку Сашу. Она умерла в то лето, когда я окончил десятилетку и дерзал поступить в московский вуз. Гроб с ее телом оставили на ночь в церкви, и я думал, что теперь она прощается с иконами, к которым истово прикладывалась в течение последних тринадцати лет своей праведной жизни.

Впоследствии я узнал интересные подробности об этом скромном храме, заложенном во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Его выстроили очень скоро – за одиннадцать месяцев, в 1889 году, на деньги состоятельных жертвователей, имевших свои

дачи в Сиверской. Два года собирали средства. По тем временам солидные – 15 тысяч рублей. Знаменитый русский поэт, «певец добра, надежды и любви» Аполлон Николаевич Майков (1821–1897) тоже внес свою тысячу. Среди других доброхотов были барон В. Б. Фредерикс, между прочим, лютеранин, доктор В. Т. Никитин – главный распорядитель строительства, а также П. Н. Зиновьев, Н. А. Юдин, домоладелица А. Е. Трофимова и др.

Поселок на правом берегу рос. Строились дачи. Из Петербурга летом наезжала отдыхать служивая интеллигенция. Нравственный уклад того времени требовал постоянного общения с Богом.

25 июня (по ст. ст.) жители Сиверской и окрестных деревень стали свидетелями редкого торжества – освящения Храма. Этот торжественный обряд совершил главный священник армии и флота, гвардии и гренадер протоиерей Александр Желобовский. Вместе с ним в новоосвященном храме в божественной литургии участвовали 14 протоиереев и священников, прибывших по такому случаю из Петербурга, а также хор воспитанников лейб-гвардии Конного полка.

«Прекрасная погода благоприятствовала торжеству, и тысячи народа, не только православных, но и чухон-лютеран наполняли новый храм и окружали его, – рассказывается в истории сиверского Петропавловского храма, – все стремились присутствовать при величественном православном богослужении и собственными глазами видеть редкий обряд освящения церкви...»

...Мне посчастливилось немало попутешествовать. Объехать несколько раз весь Советский Союз. Из края в край. Побывал и за границами Отечества – в Австралии и Египте... Но всегда по возвращении домой тороплюсь в Сиверскую. В скромную церковь на Красной улице, ей, к слову сказать, давно пора вернуть ее настоящее название – Церковная. Ставлю свечки у образов, которые по-прежнему скорбно смотрят на меня, как много десятков лет назад. Вспоминаю близких, покоящихся теперь на сиверском и петербургском кладбищах. Молчу. Молиться я не умею. Забыл бабушкины наставления. Но, выйдя на улицу под старые ели, чувствую облегчение, словно снова умылся живой водой из Источника молодости, что на другом, старосиверском, берегу: я снова навестил свой храм.

Андрей Васильев

Просветитель

Инженеру аэропорта Пулковско-1 Андрею Николаевичу Колобовникову в 41-м было всего три года... И жил он, ленинградец, в то лето в Сиверской на даче у бабушки на улице Толмачева. Помнит, как падали возле станции бомбы, как народ тащил из разбитых магазинов продукты, как соседские мальчишки постарше привезли на тележке мешок

карамелек. Помнит немецкую солдатскую гороховую похлебку из полевой кухни, которой милостиво угощал голодных ребятишек немецкий солдат-повар. Когда же Андриюше минуло пять лет, он стал понемногу разбираться в «политике»: бабушка принесла с рынка рукописную партизанскую листовку и сказала, что немцам скоро капут, что с Ленинграда скоро снимут окружение и в Сиверскую вернутся наши... Значит, придет папа. Андриюшин папа был инженером-конструктором на секретном военном заводе.

Наши войска освободили Сиверскую только 30 января 1944 года. 143-я Гвардейская дивизия положила за поселок и окрестности 200 бойцов. Чтобы Сиверская стала свободной, чтобы не надо было просить у немецкого повара гороховую похлебку. Чтобы пойти в свою школу, окончить ее успешно и поступить в Ленинградский политехнический институт, стать инженером, как папа...

...Время неумолимо вносит свои поправки в оценку прежних событий, затушевывает в памяти детали и мелочи, недавно казавшиеся очень важными. Но как можно изгнать из памяти это бесконечное заснеженное поле, изрытое окопами? Нашу Приневскую, сырую даже в жаркое лето, низменность, что опоясывает город с юга? А все зимние месяцы ленинградской блокады морозы, как назло, стояли лютые – за 20 и даже за 30 градусов в январе. И надо было держать фронт, зарыться в мерзлую землю и держать. Жить в окопах и блиндажах на скудном солдатском пайке – 400 граммов хлеба и жиденький супчик не каждый день. Так было под Пулковом в декабре 41-го. ...Все это трудно себе сейчас даже представить. А молодые люди, проносящиеся в электричке между станциями Аэропорт и Александровская по той самой заболоченной равнине, где насмерть стояли их сверстники в годы обороны Ленинграда, умирали безвестно, обмороженные и раненые, почти ничего об этом не ведают. Что это так, я лично убедился, пытаюсь настроить своих молодых попутчиков на военно-патриотический лад.

Андрей Николаевич Колобовников оказался активнее меня. Он решил делом доказать, что не у всех людей размыло память, что есть граждане из новых поколений, которым небезразлично военное прошлое их дедов, что цена победы в Великой Отечественной войне для нашего народа безмерна. Надо только молодежь настроить, организовать, повести. И он ведет. Уже двадцать лет. В свободное от работы время. Разумеется, без всякой материальной компенсации – за идею.

У Колобовникова в папке за это время накопилась большая пресса – вырезки из разных газет, рассказывающие о его военно-патриотической просветительской деятельности. Вот строчки из «Гатчинской правды» за 2002 год: «27 января в день снятия блокады природа неистово бушевала. Снег валил день и ночь. Но через два дня непогода прошла. Наступила тишина. Было воскресенье. Рано утром лыжники из Петербурга, Гатчины и Сиверской собрались на станции Кондакопино (следующая после Александровской), выстроились в

цепочку и пошли на запад в сторону Пулковских высот. Первая остановка – у гранитного памятника погибшим морякам-авроровцам с легендарного крейсера «Аврора», которые защищали эти рубежи. Затем пересекли Киевское шоссе, поднялись на Воронью гору, на которой стояла «Большая Берта», немецкая мортира крупного калибра, обстреливавшая Ленинград. Финишировали лыжники у горы Ореховой. Здесь их встретили те, кому лыжный поход в 15 километров был не под силу, кто пришел пешком со станции Можайская. Митинга не было. Участники перехода и встречи тихо, по-домашнему поговорили о войне, повспоминали. Женщины прослезились. Дети и юноши, пришедшие на эту традиционную встречу, ее не забудут. Как всегда, этот поход организовал и провел учредитель Фонда «Моя малая Родина» Андрей Колобовников...

А. Н. Колобовников (слева) с участниками лыжного перехода. Январь 2005 г.
Фото А. Васильева

23 апреля нынешнего года в Сиверской поселковой библиотеке им. А. Майкова было много гостей. Повод несколько необычный – 85-летие отечественной танковой промышленности и танковых войск. Выступали конструкторы грозной техники. Выступали танкисты. Андрей Николаевич, организатор встречи, приехал с женой Светланой Павловной. Оказывается, эта счастливая семейная пара более полувека отдала конструированию военной техники в КБ и на Кировском заводе. Было о чем рассказать. Другой гость на этой встрече, с виду неприметный пожилой человек, Виктор Николаевич Плохих, оказался инженером-исследователем, который в 1970 году сделал покрытие нашего лунохода, предохраняющее аппарат от разницы ночных и дневных температур на Луне.

Приближалась скорбная дата – 19-летие черновыльської катастрофы. Из Сиверской полтора десятка человек участвовали в ее ликвидации. Многих из них уже нет в живых... Но водитель автопогрузчика Григорий Иванович Низов уцелел. Получил инвалидность в 45 лет, но сохранил активность на ниве общественной деятельности – возглавляет местную организацию «Единой России».

Встреча вышла интересной. Ее тоже организовал Андрей Колобовников вместе с женой, своей верной помощницей и соратницей.

...Была когда-то в России конца XIX века так называемая теория малых дел. Ее придерживались наши интеллигенты-разночинцы, страдавшие за народ... Они оставляли свои дома, уходили в народ просвещать, наставлять, помогать. Мне кажется, что Андрей Николаевич из таких людей. Из просветителей.

Сведения об авторах

БАУТИНА Татьяна Васильевна

Родилась на Урале. Окончила Челябинский институт культуры, работала режиссером в Городском парке. Последние годы, до переезда в Санкт-Петербург, была художественным руководителем Центра творчества юных. С 1996 г. живет в Сиверской.

БОЛЬШАКОВ Евгений Борисович

Долгое время был главным художником издательства «Аврора». Альбомы и книги, созданные коллективом издательства, завоевали мировую известность. По общемировому рейтингу «Аврора» вошла в десятку лучших издательств, выпускающих литературу по искусству. На международных книжных выставках за высокий уровень оформления и книжного дизайна издательство многократно получало медали, дипломы и ценные призы. В этом немалая заслуга Евгения Борисовича Большакова и руководимых им редакторов и художников.

Работы Е.Б. Большакова отмечены дипломами Ленинградского и Всесоюзного конкурсов «Искусство книги», серебряной и бронзовой медалями ВДНХ.

В настоящее время художник ведет активную творческую работу в различных издательствах. Он автор макетов и оформления таких книг, как «Зимний дворец. Очерки жизни царской резиденции», «Казанский собор», «Петербург. Флот. Россия», «Таврический дворец» и др.

Член Союза художников Санкт-Петербурга, Союза журналистов, Санкт-Петербургского творческого союза художников, в котором с 1990 г. – председатель секции книги, член правления.

БРУСИЛОВСКАЯ Ирина Наумовна

Родилась в 1937 г. Закончила Сиверскую среднюю школу № 1, Институт киноинженеров и ЛГПИ им. Герцена. Работала преподавателем в Оптико-механическом лицее.

ВИНОКУРОВА Светлана

Родилась в г. Меленки Владимирской области. Окончила ЛГПИ им. Герцена. Педагог. Публиковалась в газетах «Гатчинская правда», «Спектр Гатчины».

ВАСИЛЬЕВ Андрей

Журналист

ГАЖЕВ Борис Наумович.

Академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доктор медицинских наук, профессор, генеральный директор Сиверского медицинского центра «Находка». Житель блокадного Ленинграда. Автор более 150 научных печатных работ, в том числе 10 книг по различным медицинским проблемам. Печатался в сборниках поэтов «Сиверского братства»: «Над гладью ордежских вод» (1995, 1996) и «Там, где Ордеж-река...» (1999), альманахе «Ленинградская мыза». Автор гимна поэтов «Сиверского братства». Член Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга.

ГАНЦЕВ Рашид

Родился в Вырице. Журналист телестудии «Викинг и Арис».

ГЕССЕ Анатолий Арнольдович

Родился на Урале в 1949 г. Стихи пишет более 20 лет. Член «Сиверского братства», межрегионального СП Северо-Запада (председатель отделения), член-корреспондент Академии наук (Академия русской словесности и изящных искусств). Автор книг «Я не таюсь», «Ты и Я».

ГОЛДОБИН Андрей Борисович

Член Союза журналистов Санкт-Петербурга.

ГРОМОВОЙ Вячеслав Адольфович

Житель блокадного Ленинграда. Почетный адвокат России. Выпускник Сиверской средней школы № 1.

ДЕДОВ Сергей Владимирович

Родился в 1958 г. Автобиография типичная: школа, армия, институт. Стихи пишет по вдохновению.

ДОКУЧАЕВ Евгений Глебович

Родился в 1961 г., живет в Елизаветине. Слесарь-ремонтник. Стихи пишет с двадцатилетнего возраста. В 2005 г. вышла первая книга стихов «До востребования».

ЗЛАТКИН Александр Ефимович

Родился в 1954 г. Закончил художественно-графический факультет ЛГПИ им. Герцена. Член Союза художников России. Лауреат I премии выставки ленинградских художников в Музее этнографии (1996), участник выставок в США, Франции, Германии, Финляндии и других странах. Персональные выставки: Санкт-Петербург (2002),

Штутгарт (1998), Бонн (1999), Шветцинген (2000) и других городах России и зарубежья. Работает с 1981 г. в Сиверской школе искусств.

КОЛОБАНОВСКИЙ Арнольд Константинович

Родился в Ленинграде 1931 г. Окончил ЛГПИ им. Герцена, 38 лет работал учителем русского языка и литературы на Курилах и в Сиверской. Публикуется с 1973 г. в журналах «Звезда», «Нева», «Север», «Аврора» и др.

КОЛОБОВНИКОВА Светлана

Юрист. Председатель благотворительного фонда «Моя малая Родина».

КОШМЕЛЮК Алла Николаевна

Родилась в Вельске. Закончила Иркутское училище культуры и Московский народный университет искусств. С мужем-военнослужащим много ездила по родной стране, побывала и за ее пределами – в Монголии и Афганистане. Стихи печатала в армейских газетах, «Советской России», сборниках поэтов «Сиверского братства», «Братина», «Ленинградская мыза». Член Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга.

ЛЕЙКИН Михаил Иосифович

Сценарист и режиссер, заслуженный работник культуры России. В течение 30 лет заведует кафедрой режиссуры массовых праздников в Ленинградском областном колледже культуры и искусства. Ведущая тема его многочисленных постановок – исторические и литературные праздники. Поэт.

ЛУНЕВ Эрик Борисович

Директор «Студии Кинолетопись». Исследователь первых русских кругосветных плаваний.

МУРАВЬЕВА Лилия Петровна

Живет в Вырице. Печаталась в газетах «Гатчинская правда» и «Спектр Гатчины». Любимая тема – природа.

РЯБОВ Дмитрий

Краевед. Живет в деревне Грязно.

СЁМОЧКИН Александр Александрович

Архитектор, литератор и краевед, директор музея-усадьбы «Рождествено», член правления Набоковского фонда. Автор многочисленных публикаций в местных и российских изданиях. Живет в Выре.

СМОРОДИНА Марина Евгеньевна

Краевед Гатчинского района. После окончания Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской работала в Гатчинской районной библиотеке. С начала 1970-х гг. принимала активное участие в разработке маршрутов «Пушкинские места Гатчинского района». Печаталась в районной газете «Гатчинская правда».

СОНИНА Лилия Васильевна

Директор историко-краеведческого музея Сиверской средней школы № 3. Статьи по краеведению публиковались на страницах местной и центральной печати. Недавно вышла книга «Сиверская в судьбах русских литераторов», рекомендованная Гатчинским районным управлением образования как учебное пособие.

СУЛАНГА Елена

Эколог, кандидат геолого-минералогических наук.

ТЕРЕНТЬЕВ Николай Михайлович

Преподаватель по классу гитары Гатчинской музыкальной школы им. Ипполитова-Иванова, руководитель студии «Ника».

ТОЛЧИНА Вера Николаевна

Родилась и училась в Ленинграде. Образование высшее техническое. Стихи печатались в сборниках поэтов «Сиверского братства», журнале «Аврора», местной прессе.

ФАЛОВСКИЙ Александр Васильевич

Родился на Смоленщине в 1936 г. Закончил агрофак Плодоовощного института в г. Мичуринске и биофак Псковского пединститута. После защиты кандидатской диссертации – сотрудник Северо-Западного НИИ сельского хозяйства. Пенсионер. Проживает в Белогорке. Первые стихи опубликованы в «Мичуринской правде». Печатался в сборниках «Наша эстрада» (Тамбов), «Горизонты» (Калининград), «О чем поет Отчизна» (Москва), «Молодой Ленинград» (Ленинград), «Над гладью оредежских вод», «Там, где Оредеж-река...», «А. С. Пушкину потомки посвящают». Составитель и один из авторов книг «Самоволка» и «Братина». Издал три книги стихов: «Половодье» (СПб.: Лига), «Слиток» и «Белогорье». Соучредитель Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга.

ФИЛИПОВ Виктор

Жил в Гатчине. Поэт-песенник. Автор ряда песен на стихи поэтов «Сиверского братства».

ХОХЛОВА Галина Гертудовна

Внештатный сотрудник газеты «Гатчинская правда». Неоднократно публиковала свои стихи в районных изданиях. Кандидат сельскохозяйственных наук.

ШТОРМОВОЙ Валерий

Родился 17 мая 1952 г. в Белоруссии. С 1971 г. живет в Сиверской. Стихи начал писать в юношеском возрасте. Автор многочисленных публикаций в местных газетах. Неизменный участник всех совместных сборников литобъединения поэтов «Сиверское братство», а также альманахов «Творение», «Самоволка», «Братина» и «А. С. Пушкину потомки посвящают». Автор сборника стихов «Под ветром "сиверко"». Член ЛИТО поэтов «Сиверское братство» и Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга. Последние произведения опубликованы в альманахе «Сиверская палитра».

ШУСТОВ Анатолий Николаевич

Исследователь жизни и творчества Ю. Ф. Лисянского.

ЯКУШЕВА Валентина Максимовна

Директор музея «Дом станционного смотрителя».

На обложке использованы работы художников И. Радюкевича «Кезево» и А. Златкина «Синий март».

Оредеж
Литературно-краеведческий альманах
Выпуск 3

Главный редактор *А. Б. Голдобин*
редактор *Э. А. Ремизова*
Корректоры *Н. В. Пивоварова, О. В. Махрова*
Компьютерный набор *И. В. Евдокимов, В. А. Мотин*
В издании приняли участие *В. Н. Кимков, Л. И. Румянцева*

От редакции альманаха «ОРЕДЕЖ»

Уважаемые наши читатели, настоящее и будущее!

Свои отзывы, пожелания, а также литературные материалы, которые вы хотели бы у нас напечатать, приносите или присылайте по почте в один из двух адресов:

**гор. Гатчина, Соборная ул., 6, Управление культуры
Гатчинского района.**

**пос. Сиверский, Сиверская поселковая библиотека
им. А. Майкова (для редакции альманаха «Оредеж»).**

Ваши рукописи, претендующие на публикацию, должны быть напечатаны на компьютере или пишущей машинке через два интервала.

Подписано в печать 31.05.2005 г.

Формат 70х100 1/16. Печ. л. 12

Тираж 1000 экз. Печать офсетная. Заказ 183

МОУ "Компьютерный центр"

188230, г. Луга, пер. Советский, д. 5, тел. 8 (81372) 2-03-32

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО "Техническая книга"

190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр. 29

ОРЕДЕЖ – географическая справка

Одна из малых и красивых рек на юге Ленинградской области. Протяженность около двухсот километров.

Начало берет из родников урочища Донцо на востоке Волосовского района. В основном протекает через Гатчинский район. На крутых берегах Оредежа раскинулись такие известные дачные поселки городского типа как Сиверская и Вырица. Ниже по течению – одноименный поселок Оредеж Лужского района. Впадает в реку Лугу близ железнодорожной станции Толмачево.